

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

2 (26)
2016

Часть 1

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 2(26)
2016**

Часть 1

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

Международный редакционный совет:

Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент общества «Знание» России, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, Действительный член Международной академии информатизации, академик Академии политической науки, Академии гуманитарных наук, вице-президент российского общества социологов при РАН
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, Директор Института социологии и регионоведению Южного федерального университета, Директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, вице-президент Российской социологической ассоциации, член Общественной палаты РФ, иностранный член Сербской академии образования, Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, Лауреат премии им. И.Г. Петровского (за цикл научно-педагогических работ по социологии), награжден серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в развитие социологии в России. (Ростов-на Дону)
Маршак А.Л.	Москва, Россия	доктор философских наук, профессор, является Первым вице-президентом Фонда социальной защиты от последствий ядерных и природно-техногенных катастроф (Фонд «Спасение»), академик Международной академии информатизации ООН, Академии социальных наук, Академия политической науки, действительный член Российской Академии предпринимательства, почетный работник высшего профессионального образования, член Российского общества социологов, член Союза журналистов. Член редколлегии общенационального научно-политического журнала «Власть» и журнала «Общество и право». С 1997 года является членом Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии
Петренко В.А.	Москва, Россия	доктор педагогических наук, Председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по социальной политике и здравоохранению, Представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Правительства Республики Хакасия
Ницевич В.Ф.	Орел, Россия	доктор политических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет»

Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Кулигин В.Д.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Государственного университета управления, член редакционной коллегии научного журнала «Научный Вестник Байкальского государственного университета экономики и права»
Лаптев С.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Акперов И.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	Кандидат технических наук, доктор экономических наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)», член редакционной коллегии научного журнала Российский академический журнал»
Моисеева Н.К.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и управления практиками МИЭТ, член редакционной коллегии научных журналов «Маркетинг», «Маркетинг услуг», «Организация производства»
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры налоги и налогообложение Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Бабаев Ю.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Московского гуманитарного института
Донцова Л.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры анализ хозяйственной деятельности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редакционной коллегии научных журналов «Лизинг. Технологии бизнеса» и «Финансовый менеджмент»
Горина С.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование», член редакционной коллегии научного журнала «Лизинг. Технологии бизнеса»
Тахмазов Р.Ф.	Баку, Азербайджан	доктор медицинских наук, профессор Азербайджанского медицинского университета
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Матульник Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Ариф Асалыоглу	Стамбул, Турция	Международный институт развития научного сотрудничества

Человек. Общество. Инклюзия

№ 2(26) 2016

Часть 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Ответственный секретарь	кандидат филологических наук	П.А. Егоров
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук	Е.В. Александрова
Математика 01.01.00	доктор физико-математических наук кандидат технических наук	В.А. Кадымов А.Г. Галканов
Политология 23.00.00	кандидат политических наук, доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Психологические науки 19.00.00	кандидат психологических наук, доцент	Н.В. Вязовова
Педагогические науки 13.00.00	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Социологические науки 22.00.00	кандидат философских наук	Д.С. Райдугин
	доктор социологических наук, доцент	Е.О. Кубякин
	доктор социологических наук, доцент	Е.М. Куликов
Филологические науки. 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	С.Н. Богатырева
	кандидат исторических наук, доцент	Гениш Эйюп
Философские науки 09.00.00	кандидат филологических наук доктор философских наук, профессор	П.А. Егоров А.В. Герасимов
	доктор философских наук, доцент	Н.А. Ореховская
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Л.М. Аллахвердиева
	кандидат экономических наук	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	кандидат юридических наук, доцент	В.В. Степанов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49,
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36.
Факс: (499) 160-22-05.

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации

ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Интернет: www.mggeu.ru, e-mail: egorov@mggeu.ru

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Smolin O.N. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-chairman of the Education Committee, First Vice President of the Russian Paralympic Committee, Academician RAO, President of the Knowledge Society in Russia, President of The Publishers Association and Users of the Educational Literature «The Russian Textbook»

Gorshkov M.K. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full member of the International Academy of Informatization, Academician of the Academy of Political Sciences, Academy of the Humanities, Vice-President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia - Ph.D in Philosophy, Professor, Director of the Institute of sociology and regional studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Sociological Society, Member of the Public Chamber of the Russian Federation, Foreign Member of the Serbian Educational Academy, Honored Scholar of the Republic of Ingushetia, Honored Scholar of the Republic of Adygea, Prize Winner by I.G. Petrovsky (for a cycle of scientific and pedagogical works on sociology), awarded by Pitirim Sorokin Silver Medal for Contribution to the Development of Sociology in Russia. (Rostov-on Don)

Marshak A.L. Moscow, Russia - *Ph.D in Philosophy*, Professor, First Vice President of Social Security Fund of Nuclear, Natural and Technogenic Catastrophe (“Rescue”), Member of UN International IT Academy, Social Science Academy, Political Science Academy, Titular member of Russian Academy for Entrepreneurs, Honoured Worker of Higher Professional Education, Fellow of Russian Sociological Society, Journalists Union Member, Editorial Board Member of Scientific-and-Political Journals “Power” and “Society and Law”. Since 1997, Member of Advisory Council of Higher Attestation Commission on Philosophy, Sociology and Culturology

Petrenko V.A. Moscow, Russia - Ph.D in Pedagogics, Chairman of the Welfare and Health Care Committee of the Council of the Russian Federation, Representative from the Republic of Khakassia in the Federation Council of the Russian Federation

Nitsevich V.F. Orel, Russia - Ph.D in Political Science, Professor, Rector of Orel State University

Mironov A.V. Moscow, Russia - Doctor of Sociological Sciences, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in- Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Editorial Board Member of Scientific Journal “Poisk”

Kuligin V.D. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Economic Theory of State University of Governance (Management, Administration), Editorial Board Member of “Baikalsky State University of Economic and Law Scientific Bulletin

Laptev S.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Akperov I.G. Rostov-Don, Russia - PhD in Technical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Private Educational Institution Chancellor “Yuzhny University”, Editorial Board Member of “Russian Academic Journal”

Moiseeva N.K. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Marketing and Management Practice Department, Editorial Board Member of “Marketing”, “Service Marketing”, “Industrial Engineering”

Gryzunova N.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Tax and Taxation Department of Business Management Department of Plekhanov Russian Economic University

Babaev Y.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Economy and Management Department Professor of Moscow University of Humanities

Dontsova L.V. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor of Business Analysis Department of Plekhanov Russian Economic University, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology” and “Financial Management”

Gorina S.A. Moscow, Russia - Doctor of Economic Sciences, Professor, General Manager of LTD “Audit and Consulting”, Editorial Board Member of “Leasing. Business to Technology”

Takhmazov R.F. Baku, Azerbaijan - Doctor of Medicine, Professor of Azerbaijan Medical University

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic, Ph.D in sociology - Head of the Chair of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic - Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Arif Asalyoglu Istanbul, Turkey, Ph.D in History, - International Institute of Scientific Cooperation Development

Human. Society. Inclusion

Issue 2(26) 2016

Part 1

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Professor	
Orekhovskaya N.A.	Deputy Editor-in-Chief: Doctor of Philosophy	
Egorov P.A.	Secretary: Candidate of Philology	
Scientific research areas:		
13.00.04 Adaptive physical education	Alexandrova E.V.	Candidate of Sociological Science
01.01.00 Mathematics	Kadymov V.A.	Doctor of Physico-Mathematical Sciences
	Galkanov A.G.	Candidate of Technical Sciences
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Candidate of Political Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor
19.00.00 Psychology	Vyazovova N.B.	Candidate of Psychology, Associate Professor
13.00.04 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Raydugin D.S.	Candidate of Philosophical Sciences
	Kubyakin E.O.	Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
10.00.00 Philology	Kulikov E.M.	Doctor of Sociological Sciences
	Bogatyreva S.N.	Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
	Genish E.	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Egorov P.A.	Candidate of Philological Sciences
	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
	Orekhovskaya N.A.	Doctor of Philosophy, Associate Professor
08.00.00 Economics	Allakhverdieva L.M.	Candidate of Economic Sciences, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economic Sciences
12.00.00 Legal Science	Stepanov V.V.	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00; (499) 748-32-36. Fax: (499) 160-22-05.

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: www.mggeu.ru, e-mail: egorov@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.Д. Байрамов, Э.А. Аленуров

Специфика групповой идентичности в спортивной команде 12

С.Н. Богатырева

Реализация и перспективы развития инклюзивного образования:
международный опыт профориентационной работы 23

Е.О. Кубякин, В.В. Плотников

Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной
трансформации общества: управленческий аспект 35

Г.В. Сменцарев

Автоматизированный ситуационный анализ в задачах исследования
динамики развития антропосоциокультурных систем 41

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

А.В. Герасимов

Философские основы теории национальной безопасности 53

Е.А. Воронцов

Теория познания Ф. Бэкона 65

Н.А. Ореховская

Гуманитаризация образования как фактор успешности молодого
специалиста на рынке труда 80

О.В. Чистякова

Человек в медиатизирующемся мире постсовременности:
антропологические смыслы и социальные следствия 90

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.Ю. Фомин

Русская советская поэзия 1930-х гг.: своеобразие идейно-художественной
эволюции 99

Е.А. Янова, М.П. Фомичева

Контекстуальные замены как способ выражения образности
и экспрессивности в переводе 111

С.Е. Белова

Лингвистические особенности андалузского диалекта испанского языка ... 118

Е.В. Желудева, С.А. Байрамова

Феномен социальной журналистики: актуальность и многоаспектность
развития 123

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.С. Пиньковецкая

Закономерности и тенденции развития малого и среднего
предпринимательства в Российской Федерации 132

И.Л. Литвиненко, Л.Д. Киянова

Применение технологий Форсайта в управлении региональным
развитием 142

А.П. Бувеч

Современные тенденции развития рынка инноваций 153

Л.М. Аллахвердиева, М.К. Султанова

Организационная культура в системе управления персоналом 162

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

П.А. Егоров

Дидактические принципы В.В. Розанова и их реализация в современной
педагогической практике 168

МАТЕМАТИКА

М.Н. Кирсанов, Х. Цзян

Математическая модель и анализ колебаний ножничного механизма
с произвольным числом элементов 175

АСПИРАНТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Долгих

Эволюция православия как социального института в российском
обществе 183

А.И. Зинюк

Научно-исследовательский потенциал МГГЭУ в развитии концепции
профессионального образования инвалидов в РФ 188

К сведению авторов 197

Contents

SOCIAL SCIENCE

<i>Bayramov V.D., Alenurov E.A.</i> Specifics of group identity in the sports team	12
<i>Bogatyreva S.N.</i> Implementation and follow perspectives of inclusive education: international experience of career guidance	23
<i>Kubyakin E.O., Plotnikov V.V.</i> Social management strategy against destructive in terms of global social transformation	35
<i>Smementsarev G.V.</i> Automated situational analysis as a methodology for studies of human social and cultural system's dynamics	41

PHILOSOPHY

<i>Gerasimov A.</i> Philosophical foundations of the theory of national security	53
<i>Vorontsov E.A.</i> The theory of scientific cognition of F. Bacon	65
<i>Orehovskaya N.A.</i> Humanitarization of education as a factor in the success of young specialist in the labour market	80
<i>Chistyakova O.V.</i> Human in a mediatizing postmodern world: anthropological meanings and social implications	90

PHILOLOGY

<i>Fomin A.Y.</i> Soviet Russian poetry of the 1930s: the originality of the ideological and artistic evolution	99
<i>Yanova E.A., Fomicheva M.P.</i> Contextual phraseology as translation means of expressiveness and metaphoricalness	111
<i>Bielova S.</i> Linguistic features of Andalusia dialect of Spanish language	118
<i>Zheludeva E.V., Bayramova S.</i> The phenomenon of social journalism: the relevance and complexity of development	123

ECONOMY

<i>Pinkovetskaia J.S.</i> Regularities and tendencies of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation	132
<i>Litvinenko I.L., Kiyanova L.D.</i> Application of technology foresight in the management of regional development	142

Buevich A.P.

Modern tendencies of development by the innovations market 153

Allakhverdiyeva L.M., Sultanova M.K.

Organizational culture in the system of personnel management 162

PEDAGOGY

Egorov P.A.

Didactic principles of V.V. Rozanov and their implementation in modern
teaching practice 168

MATHEMATICA

Kirsanov M.N., Hanxiang J.

Mathematical model and vibration analysis of scissor mechanism with arbitrary
element number 175

POST-GRADUATE STUDIES

Dolgikh A.I.

Evolution of orthodoxy as a social institution in the Russian society 183

Zinyuk A.I.

Research potential MGGEU in the development of the concept of vocational
education of persons with disabilities in the Russian Federation 188

For the Attention of Authors 197

В.Д. Байрамов, Э.А. Аленуров

СПЕЦИФИКА ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СПОРТИВНОЙ КОМАНДЕ

SPECIFICS OF GROUP IDENTITY IN THE SPORTS TEAM

БАЙРАМОВ Вагиф Дейрушевич - доктор социологических наук, профессор, ректор МГГЭУ (e-mail: rector@mggeu.ru).

BAYRAMOV Vagif Deyrushevich - doctor of sociological Sciences, Professor, Rector of MGGEU (e-mail: info@mggeu.ru).

АЛЕНУРОВ Эльдар Асафович — преподаватель кафедры АФК МГГЭУ (e-mail: alenurov@mail.ru).

ALENUROV Eldar Asafovich — lecturer in adaptive physical education MGGEU (e-mail: alenurov@mail.ru).

Аннотация. В статье осуществляется социокультурный и социоструктурный анализ групповой идентичности в спортивной команде. Анализируется атрибутивные свойства ролевой структуры спортивной команды в контексте концепции малых групп. Спортивная команда рассматривается в качестве специфически организованного социокультурного объединения, которому, помимо типичных атрибутов малой группы, присуще свойство интенсивной деятельности.

Ключевые слова: малая группа, спортивная команда, групповая идентификация, социальная структура, социальная роль.

Summary. The article carried out a socio-cultural and socio-structural analysis of group identity in the sports team. We analyze the properties of the attribute role structure of a sports team in the context of the concept of small groups. Sports team is seen as a specifically organized socio-cultural association, which, in addition to the typical attributes of a small group, inherently intense activity.

Keywords: small group, sports team, group identification, social structure, social role.

Теоретическое рассмотрение концептуальных основ понимания малой группы имеет значительный теоретический и социально-инженерный потенциал. Для достижения целей понимания причин успехов, а также и неудач спортивной команды необходимо проанализировать её формирование и функционирование с позиций рассмотрения её как малой группы. При этом надо учесть, что функционирование спортивной команды – это далеко не только собственно игра; это еще и очень большой объем тренировок и другой подготовительной работы не только игроков, но и всей команды, включая тренеров и массажистов. Объясняется это тем, что команда, равно как и любая социальная группа не есть простая

совокупность ее членов, но всегда сложная система формальных и неформальных взаимоотношений, определяющих ее функциональную эффективность.

Кроме того, следует учитывать, что любая команда является весьма дискретным иерархическим образованием, где, помимо классических для социоструктурных исследований статусно-ролевых распределений следует учитывать проблему взаимоотношений между представителями основного и дублирующего составов. Специфика спортивной команды заключается в очень высокой динамике состава игроков, вследствие чего может существенно изменяться их фактический, неформальный статусно-ролевой набор.

Социологи доказали, что поведение человека в группе существенно отличается от поведения человека вне группы. Уже Э. Дюркгейм установил, что малая группа действует не так, как входящие в неё члены, если бы они действовали бы поодиночке [4, с. 42]. Впрочем, нечто подобное отмечали уже древние римляне, говоря, что «*Senatores omnes boni viri, senatus romanus mala bestia*» (Все сенаторы мужи достойные, а римский сенат – злобный зверь) [3]. Ф. Ницше заметил, что, когда сто человек стоят друг возле друга, каждый теряет свой рассудок и получает какой-то другой [6]. Все эти цитаты подтверждают простую мысль: в группе человек ведет себя иначе, чем тогда, когда он действует в одиночку.

Причем мы имеем в виду не группу в том состоянии, которое Г. Лебон называл толпой, но специфику поведения акторов в именно в организованной группе, взаимодействия в которой осуществляются в условиях интенсивной работы, что будет показано ниже.

Следует констатировать, что, несмотря на очевидность принципиального различия между поведением человека в группе и вне группы, сегодня это важное обстоятельство не всегда учитывается в конкретных социологических исследованиях – в частности, при исследовании спортивных команд. Мы поставили целью доказать в работе, что спортивная команда – это как раз тот случай, когда эффект группы учитывать необходимо. Более того, учет эффекта группы – одно из главных условий повышения функциональной эффективности спортивной команды.

На наш взгляд, эффект малой группы, применительно к спортивной команде, исследован недостаточно. Например, по-прежнему нет достаточно общепринятого и всеми признаваемого определения понятия «спортивная команда». В этой связи, во-первых, необходимо сформулировать определение для спортивной команды с позиции её рассмотрения как малой группы. Во-вторых, целесообразно разработать типологию малых групп, пригодную для её использования применительно к спортивным командам. В-третьих, необходимо определить само понятие «команда», согласованное в рамках общей понятийной базы. Понятие «команда» используется одновременно несколькими науками, в частности, наукой об управлении, психологией и социологией. Поэтому оно имеет разные смыслы, которые зависят от того, в какой именно науке оно используется. Отсюда и естественно возникающие противоречия в трактовке понятие «команда». Оно применяется к столь разнородным понятиям, что из-за своей широты теряет определенность.

Прежде всего, следует разграничить два понятия: «команда» и «группа». В понятие «команда» в большинстве случаев вкладывается понимание команды как группы людей, действующих сообща, чтобы достигнуть общей цели. Под группой, как правило, понимается объединение людей, которое происходит на

основе общности, целей или интересов членов группы. Понятие «команда» является видовым для «группы», так как подразумевает действия членов команды на основе согласованных интересов, которые могут быть компромиссными для участников команды. Однако мы намерены доказать, что потенциал команды выше, и часто значительно выше, чем потенциал «типовой» группы того же размера в силу того, что для команды характерен выраженный эффект синергизма.

Данное положение дел обусловлено тем, что для функционирования спортивных команд свойственна значительно большая, нежели для «типовой» малой группы (семья, коллектив офисных служащих, учебная группа, т.п.) интенсивность взаимозависимой деятельности, заставляющая ее участников не просто спланировать в процессе решения коллективных задач (например, во время матча), но спланировать на уровне интуитивного, подсознательного понимания диспозиций партнеров. Средством такого сплочения служит совместный регулярный учебно-тренировочный процесс, в ходе которого моделируются не только коллективные задачи, но также обстановка интенсивности, в которой такие задачи придется совместно решать.

Известная спортивная поговорка «Порядок бьет класс» прямо иллюстрирует наше положение, в соответствии с которым именно коллективная способность решать функциональные задачи в интенсивном режиме зачастую становится определяющим спортивный результат фактором. Сохраняя научную строгость, оговоримся, что термины «порядок» и «класс» использованы нами в их обыденном значении: имеется в виду, что умение действовать коллективно – в команде – дает больший эффект, нежели совокупность профессиональных навыков отдельных членов команды.

Впрочем, мы не намерены упрощать задачу, представляя организацию командной деятельности в качестве единственного решающего фактора функциональной эффективности. Помимо результата, важен и сам процесс генезиса команды. Хотя процессы образования команды из-за своей сложности до сих пор с трудом поддаются изучению. Эти сложности в первую очередь связаны с тем, что, для того чтобы выявить факторы, регулирующие поведение членов спортивной команды, надо рассматривать глубинные слои межличностных взаимоотношений. Наконец, не менее важно также установить влияние структуры спортивной команды на систему взаимоотношений её членов и их мотивацию.

Как уже отмечалось выше, любая спортивная команда – это малая группа. Однако, несмотря на очевидность этого положения, применительно к спортивной команде нет общепринятого определения ее именно как малой группы. Это прямо вытекает из того, что однозначного определения малой группы в обществоведческой литературе не существует, так как такое определение существенно зависит от того, в рамках какой науки оно используется. Поэтому проблема спортивной команды является междисциплинарной и активно исследуется не только в рамках социологии, но и в рамках психологии, педагогики, менеджмента, то есть может быть рассмотрена с разных точек зрения и в разных целях.

Особый интерес представляет научно-теоретическое наследие социологической науки в аспекте изучения проблематики малых групп. В западной социологии в исследовании малых групп ключевое место занимают работы, прежде всего, Э. Дюркгейма. С точки зрения метода исследования, выделяются работы Д. Морено, а с практической точки зрения, – работы Э. Мэйо. Наконец, стоит отметить социолога Дж. Хоманса, оказавшего ключевое влияние на формиро-

вание концепции малой группы [5]. Немаловажным представляется также то обстоятельство, что малая группа, обладая микросоциологической предметностью, может полноценно исследоваться с привлечением рефлексивных методов, что отмечено Д.С. Райдугиным в его работах «Становление естественной и рефлексивной установок социального познания» [10] и «Понимание, отношение, доверие: как формируется социальная реальность» [9]. Именно эти исследования были нацелены на понимание механизмов групповых процессов и на выяснение степени влияния этих процессов на членов группы.

В литературе фигурирует около сотни определений малой группы. Следует отметить, что в большинстве этих дефиниций используются сочетания нескольких характеристик малой группы. Наиболее общепринятым является представление малой группы как объединения двух или более лиц, находящихся в постоянном взаимодействии и действующих совместно в течение относительно долгого времени. Для такого определения важно, что члены группы имеют общий интерес и общую цель. Вместе с тем, такое определение не полностью соответствует целям изучения спортивной команды с позиций малой группы.

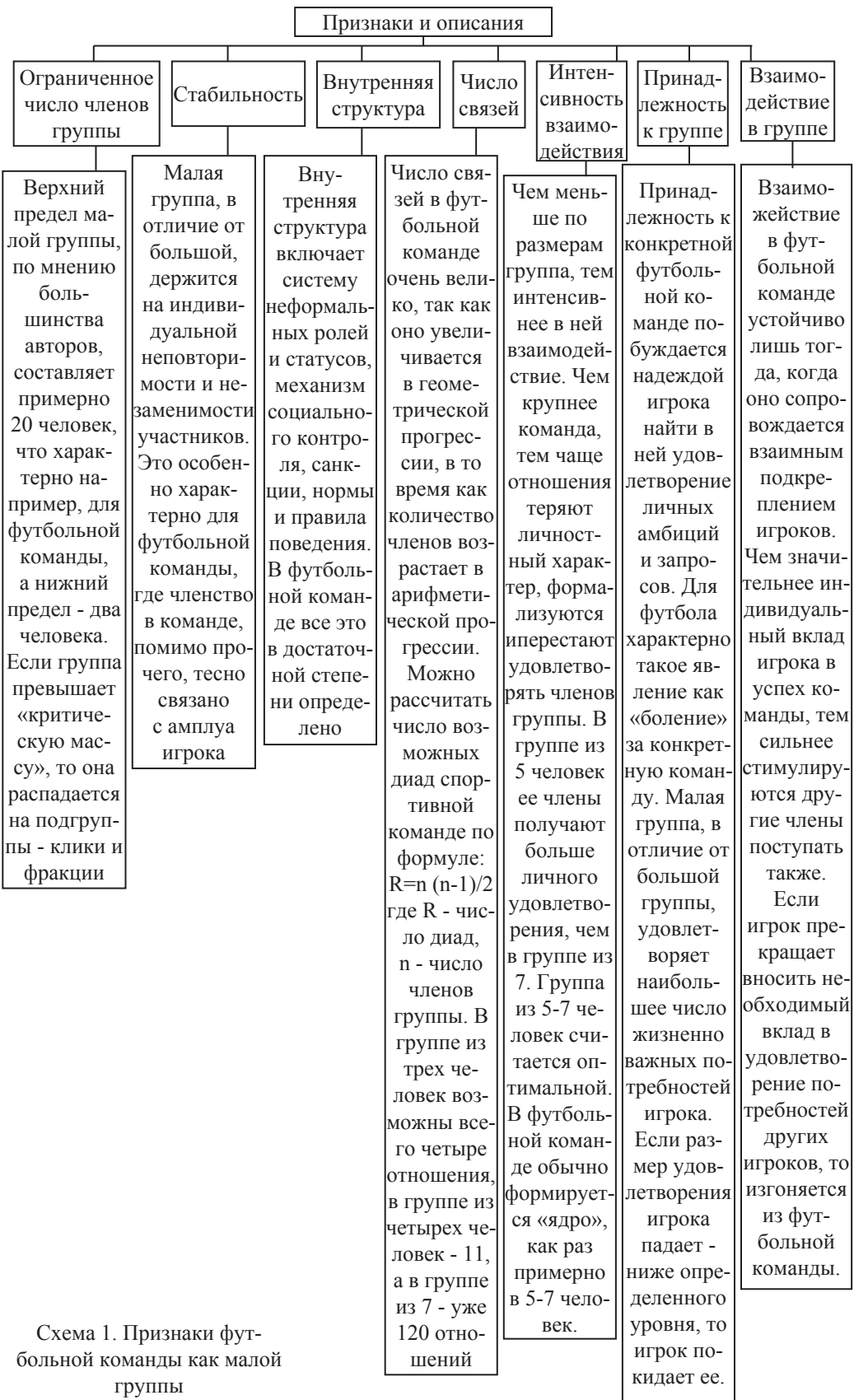
Рассматривая все отмеченные определения применительно к спортивной команде как к малой группе, мы предлагаем использовать в работе следующее консолидированное определение: спортивная команда – это, во-первых, автономный и ограниченный по численности коллектив профессионалов; во-вторых, коллектив, способный достигать стоящие перед ним цели; в-третьих, такой коллектив всегда нацелен на интенсивную деятельность. Надо отметить, что в современном спорте цели, стоящие перед спортивной командой, значительно мифологизированы [7].

По нашему мнению, спортивная – в частности, футбольная – команда сочетает в себе признаки типичной малой группы, основные из которых приведены на схеме (схема 1), но при этом к таким признакам добавляется и собственный – видовой – атрибут. Атрибут готовности к интенсивной слаженной деятельности. Именно этот атрибут, как уже было показано выше, часто выступает недостающим ингредиентом, определяющим эффективность спортивной команды.

Как видно из перечисленных в таблице признаков (таблица приведена аутентично источнику), футбольная команда с вышеизложенной оговоркой попадает под определение малой группы, и, таким образом, её можно и перспективно рассматривать с позиций концепции малой группы. Главное, что взаимодействие членов футбольной команды базируется на общем интересе. Не менее важно и то, что оно связано с достижением общей цели – как правило, победы. К тому же все члены команды идентифицируют себя и свои действия со своей командой в целом, они выступают как бы от имени команды.

Важно отметить еще и то, что спортивные состязания требуют от человека проявления его максимальных возможностей человека как «человека телесного» [2]. Действия на пределе физических возможностей продуцируют состояние экстремальности, риска, вследствие чего имеют место изменения социально-психологических и социокультурных установок членов спортивной команды.

Рассматривая возможность исследования спортивной команды с позиций малой группы, необходимо определиться с тем, какое число членов можно считать малым. Ведь, как уже отмечалось, в команду входят не только игроки. Проблема в том, что при росте числа членов команды в арифметической прогрессии число связей между ними растёт в геометрической прогрессии. Данное

обстоятельство сильно затрудняет и ограничивает применение многих методов исследования малой группы, например, метода парных сравнений.

Если в группе из трёх человек возможны всего четыре взаимоотношения, то в группе из четырех человек – их возможно уже 11, а в группе из 7 человек – возможно уже 120 связей. Именно эта резкая нелинейность роста числа связей делает проблему изучения внутри командных межличностных связей сложной. Кроме того, это означает, что группа, например, из двадцати человек практически прямо неуправляема и для руководства такой группой требуется достаточно сложная и специальная структура.

Интерес социологов к изучению именно спортивной команды совершенно естественно вытекает из ее особенностей, позволяющих увидеть ряд обстоятельств особенно ярко. Например, сплочённость спортивной команды естественно достигается наличием очевидной единой цели – победы, что справедливо не для всех команд и групп. Кроме того, сама технология спорта определяет то, что спортсмены проводят очень много времени вместе (прежде всего, на сборах и тренировках). Поэтому система взаимоотношений внутри команды должна строиться так, чтобы приносить членам команды чувство удовлетворения от совместного пребывания.

Возникновение простейших иерархических структур органично присуще спорту. Спорт, возможно, как никакой иной процесс даёт наблюдателю возможность объективного и точного сопоставления индивидов. Среди важных характеристик спорта как социокультурного явления следует особо подчеркнуть публичность предъявления результата, наблюдавшуюся уже в античности и сохранилась до наших дней. Эта публичность хорошо вписывается в современные представления, особенно в связи с характерным для современного общества переходом от преимущественно иерархических к преимущественно сетевым структурам.

Понятие «команда» предполагает и строгое распределение ролей, которое далеко не всегда формально закреплено. Под взаимодействием между членами спортивной команды понимается не только их личные контакты, например, разговоры, но и наблюдения друг за другом в процессе игры и на тренировках.

В современной команде существуют две одинаково важные системы распределения ролей. К первой системе можно отнести формальное и, как правило, документально закреплённое распределение ролей. Например, капитан команды – это роль. Параллельно формальной структуре (формальному распределению ролей) существует неформальная структура (неформальное распределение ролей), которые имеют не менее важное значение, чем формальная структура. Неформальное распределение ролей часто никак не закреплёно документально, но признаётся всеми членами команды, которые учитывают это распределение в своём поведении. И чем больше ролевых представлений членов команды совпадают, тем больше шансов достичь гармоничных отношений в команде в целом [11].

Роли в команде довольно разнообразны. В этом смысле распределение ролей в группе похоже на распределение ролей в игре. Так же, как в игре, кто-то берет на себя роль атакующего игрока, а кто-то защитника, так и в группе. Одни члены команды берут на себя роль генераторов идей, а другие склонны скорее к координации усилий всех членов команды. Наконец, третьи заботятся о взаимоотношениях в команде и их главная роль в том, чтобы поддерживать хороший климат. Есть спортсмены, которые играют роль структуризаторов. Именно эти

спортсмены ставят перед другими членами спортивной команды цели и следят за изменениями в окружающей среде.

Важным достижением применения концепции малой группы к спортивной команде стало понимание того, что в реальных спортивных командах всегда существует два типа малых групп. Это формальные группы, возникающие сразу после создания команд как организаций, и возникающие затем на основе общих интересов неформальные группы.

Оба этих типа имеют значение для спортивных команд, и оба оказывают влияние на её членов. Формальная структура помогает объединить индивидов в группу. Именно формальная структура регулирует контакты между членами группы по частоте и плотности, а также содержание и качество этих контактов.

Именно в этом проявляется функция сдерживания формальной структуры (по отношению к структуре неформальной). В случае когда функция сдерживания реализована не в полной мере, возникает угроза того, что уровень дисциплины в команде будет заметно снижаться, а обстановка в коллективе ухудшаться. В этом случае команда будет заметно не соответствовать целям, ради которых она была создана, однако в случае если взаимоотношения членов команды чрезмерно формализованы на основании инструкций и предписаний, то и в этом случае обстановка в команде становится негативной. Главная причина этого явления кроется в недостаточном владении информацией, идущей по эмоциональным каналам, и, соответственно, в потере понимания мотивации остальных членов команды и многих личностных отношений друг с другом. Это неизбежно ведёт к ухудшению взаимоотношений и, в конечном счёте, – к конфликту.

Два типа структур (формальная структура и неформальная) всегда сосуществуют. И они образуют единую структурную систему. Важно, чтобы силы влияния формальной и неформальной структуры были сбалансированы и не допускали доминирования одной из них. Для этого необходимо точно знать содержание этих структур в конкретном случае.

Помимо необходимости соответствия двух структур (формальных и неформальных), существуют ещё и такие факторы, определяющие функциональную эффективность, как совместимость, идентичность мышления, мотивация, система ценностей, уровень мастерства, чувство долга, чувство ответственности.

Основное отличие формальной группы от неформальной заключается в том, что формальная группа всегда создаётся по инициативе и под руководством администрации.

Формальные группы, как правило, создаются и развиваются руководством. Поэтому они особенно зависят от личностных черт руководителя, который воплощает через них свои представления о реальности. Отметим, что формальные группы в процессе своего существования ведут к возникновению неформальных групп, без которых они не могут существовать достаточно длительное время.

Причём неформальные группы возникают достаточно быстро параллельно формальным. Для понимания социологии спортивной команды важно, что сам факт существования параллельно-формальных и неформальных групп содержит в себе предпосылки конфликта. Можно выделить, прежде всего, две основные особенности спортивной команды как формальной группы.

Стоит подчеркнуть, что спортивная группа рациональна по своей сути. Это проявляется в том, что она основана на принципе целесообразности. Кроме того, для неё характерно сознательное движение к известной цели, спортивная группа безлична. В том смысле, что она рассчитана на индивидов, отношения между которыми устанавливаются по составленной программе. В результате спортивная команда подчиняется только своей основной функциональной цели (как правило, победе).

Однако практически всегда, кроме формальных отношений, в каждой спортивной команде существует более сложная система социальных взаимоотношений между множеством небольших неформальных групп и игроков.

Первоначально исследования неформальных групп были начаты еще Э. Мэйо. Именно он доказал, что сама деятельность имеет меньше значения по сравнению с ее социальными и психологическими положениями. Поэтому все исследования проблемы группы надо рассматривать с позиции человеческих отношений. Как установил Э. Мэйо (в книге «Социальные проблемы индустриальной культуры»), основным и практически единственным местом связи членов группы является место работы. Поэтому эту связь необходимо всячески развивать, чтобы избежать возникновения анархии и хаоса, возможность которых отмечали в своих работах Э. Мэйо [13] и В.Д. Байрамов [1].

Неформальные группы представляют собой большую силу, хотя и создаются, как уже было отмечено, не по воле руководства. Кроме того, они способны не просто самостоятельно развиваться, иногда непредсказуемо, но и обладают высокой способностью к широкому и взаимному проникновению. Бывает, что руководители часто сами полностью не осознают того факта, что они сами входят в одну из неформальных организаций или даже сразу в несколько. Основным отличием неформальной группы является то, что она создается не распоряжением «сверху», а «инициативой снизу», то есть по желанию членов малой группы. В неформальной группе всегда существует собственная, но не зафиксированная на бумаге система правил, а также норм поведения. Члены команды всегда хорошо знают о том, кто именно входит в неформальную группу, и о тех, кто в неё не входит. Как в формальных группах, так и в неформальных группах всегда имеется чёткое распределение ролей между их членами. В частности, в неформальных группах практически всегда существует лидер неформальной группы. Неформальные группы всегда влияют на поведение своих членов. При этом это влияние может быть заметно больше, чем влияние, оказываемое формальными структурами.

Таким образом, мы можем отметить следующее. Концептуальные представления о сущности малой группы, сформированные в рамках социологического подхода, позволяют констатировать, что малая группа – это особая разновидность социальной группы, для которой характерно: непосредственное межличностное взаимодействие; преобладание неформальных институтов управления и контроля над формальными, незначительная численность объединения – как правило, от 3 до 30 человек. Малую группу характеризует социальное объединение, основанное на устойчивых непосредственных личностных контактах. Коммуникация внутри группы обладает весьма специфическим содержанием, характеризуется значительным уровнем доверия, социально-психологической близостью, а также интенсивностью общения. Функциональным характеристикам малой группы, по нашему мнению, в целом соответствует спортивная команда.

Проведенный нами сравнительный анализ различных структур спортивных команд позволил установить связь структуры спортивной команды в совокупности ее формальной и неформальной подструктур с функциональной эффективностью. Подводя итог рассмотрения спортивной команды как малой группы, целесообразно сделать вывод, что спортивная команда представляет собой самостоятельно сложившуюся и развившуюся систему межличностных связей, а также норм поведения и межличностного общения. Ключевой отличительной характеристикой спортивной команды выступает интенсивность взаимодействий внутри спортивной команды.

Любая малая группа представляет собой уникальную общность, в которой сочетаются: общие характерные черты, свойственные малой группе как таковой; особенные черты, свойственные малой группе определенного подвида (в нашем случае – спортивной команде); наконец, индивидуальные черты, свойственные единичной общности (допустим, спортивной команде студентов МГТУ). Как было показано выше, ключевым фактором, определяющим специфику спортивной команды, выступает интенсивность в решении совместных задач. В социоструктурном изменении данный фактор способствует «уплотнению» коммуникативных взаимосвязей, деформализации статусно-ролевых распределений и некоторым другим следствиям, о которых речь пойдет в третьей главе. Однако социальную структуру спортивной команды нельзя мыслить вне взаимосвязи с ее социокультурными особенностями, которые напрямую влияют на ее функциональную эффективность. Таким образом, задача настоящей статьи – выявить социокультурную специфику спортивной команды.

Базовым элементом, определяющим социокультурную специфику малой группы, выступает самоидентификация ее членов. Исходя из степени и качества осознания членами группы своей сопричастности к единому социальному организму, строятся взаимоотношения в команде, конституируется вся смысловая – культурная – сфера группы. В свою очередь, специфика взаимоотношений в команде напрямую влияет на статусно-ролевые распределения внутри нее и на прочие элементы социальной структуры, а также – опосредовано через социальную структуру – на функциональную эффективность команды.

Групповая идентичность, равно как и командная идентичность, определяется Е.В. Шапкиной как «социально-психологический групповой феномен, объективно выражающийся в сыгранности, а субъективно в чувстве общности членов команды, обозначаемым оппозицией «Мы» – «Они» [12, с. 221]. Автор работы «Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды», представляющей для нас в рамках данной статьи центральный интерес, отмечает, что победа в игровых видах спорта зачастую зависит от «командного духа», который основан, в первую очередь, на сходстве ценностей и целей в социальных установках и только во втором – на психологическом сходстве членов команды. Это замечание чрезвычайно важно в связи с тем, что учебно-тренировочный процесс, как отмечалось выше, направлен, в частности, на развитие навыков совместного решения задач в условиях интенсивной деятельности. Постановка целей и усвоение принципов командной деятельности выступает ведущим социокультурным фактором эффективности функционирования спортивной команды и, вместе с тем, одним из важнейших факторов формирования психологического климата в группе-команде.

Таким образом, одним из компонентов идентичности команды выступает групповая сплоченность, что означает высокий уровень командной интегрированности. В количественном измерении это означает, что он достиг такого уровня развития отношений, при котором все члены группы в наибольшей степени разделяют цели деятельности группы и ценности, которые связаны с этой деятельностью. Другими словами, каждый член команды, осознавая его принадлежность к группе, должен разделять не только цели, но также принципы и ценности, выступающие группообразующими факторами.

Другая специфическая черта спортивной команды как малой группы заключается в том, что команда всегда находится в стадии становления и состав команды неоднороден и более подвержен ротации, нежели это характерно для других малых групп, сформированных по профессиональному признаку. Кроме того, команда настолько быстро и существенно изменяется структурно, что выводы, полученные относительно одного ее состояния, не всегда справедливы относительно других ее состояний. Вместе с тем, все малые группы проходят в своем развитии через несколько стадий. Поэтому нельзя говорить о спортивной команде вообще, а нужно всегда четко понимать, в какой стадии развития конкретная спортивная команда находится.

Список литературы

1. Байрамов В.Д. Социальный хаос в российском обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Южный федеральный университет - Ростов-на-Дону. 2009;
2. Быховская И.М. Homosomatikos: аксиология человеческого тела - М., 2000; Bykhovskaya I. Body Culture in Russia: Cross-Cultural Analysis of the Traditional – Soviet – Perestroika Spaces // Sport e Culture / Sport and Culture. Callopezzati, 2005. P. 243–253;
3. Викентьев И.Л. Живой словарь бизнес-тренера, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ink/stat-uspeshnyim_724/effekt-gruppomysliya-ogrupplenie-40782.html/ (дата обращения: 17.04.2014).
4. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение — М.: Канон, 1995.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: метод социологии. – М.: Наука, 1991.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляции сознанием. М., 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul41.htm> (дата обращения: 22.12.2014).
7. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок – М.: Идея – пресс, Дом интеллект. Книги, 2000.
8. Морено Я. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. – М.: Акад. Проект, 2004.
9. Райдугин Д.С. Понимание, отношение, доверие: как формируется социальная реальность (о книгах В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович, В.В. Михеевой) /Ю.Г. Волков, И.А. Гуськов, Д.С. Райдугин // Гуманитарий Юга России. 2015. № 3. С. 133-142.
10. Райдугин Д.С. Становление естественной и рефлексивной установок социального познания //Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 3 (11). С. 54-63.

11. *Хэмфриз Д.* Как управлять людьми на работе. Практическое пособие по руководству. Перевод с англ. УРАЛ LTD, 1999.
12. *Шапкина Е.В.* Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды //Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 4.
13. *Elton Mayo* Gael The Mad Mosaic: A Life Story. Quartet, London 1984;
14. *Jarvie G.* Sport, Culture and Society: An Introduction. L. &N. Y., 2006.

РЕАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ¹

IMPLEMENTATION AND FOLLOW PERSPECTIVES OF INCLUSIVE EDUCATION: INTERNATIONAL EXPERIENCE OF CAREER GUIDANCE

БОГАТЫРЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков МГГЭУ (e-mail: svetlana-bogatyrova@mail.ru).

BOGATYREVA Svetlana Nikolayevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of Foreign Languages Department, MGGEU (e-mail: svetlana-bogatyrova@mail.ru).

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению современных тенденций в области развития системы инклюзивного образования с целью использования успешного зарубежного опыта в России. В центре анализа – стратегии, обеспечивающие внедрение и лучшее понимание инклюзии, профессиональную подготовку учащихся с особыми образовательными потребностями, а также возможные причины, препятствующие развитию национальных систем инклюзивного образования, их интеграции в мировое образовательное пространство и создания инклюзивного общества.

Ключевые слова: инклюзивное образование, интеграция, сегрегация, учащиеся с особыми образовательными потребностями, право детей с ограниченными возможностями на образование, профориентационная работа

Summary. This paper deals with the study of current trends in the field of inclusive education system development in order to apply successful foreign experience in Russia. In the center of the analysis - strategies for implementing and a better understanding of inclusion and professional training, as well as possible reasons interfering the development of national system for inclusive education in the whole world.

Keywords: inclusive education, integration, segregation, students with special educational needs, the Right of Children with Disabilities to Education, career guidance

Международный опыт показывает, что в настоящее время практически в каждой стране особое внимание уделяется развитию системы инклюзивного образования как одной из самых приоритетных проблем в области образования учащихся с особыми образовательными потребностями. Следует отметить, что за последние 40 лет инклюзивное образование прошло эволюционный этап в своем развитии: от парадигмы сегрегации и изоляции через процессы интеграции (реализацию принципа интегрированного обучения) и до положения, где инклюзия стала занимать центральное место в современном академическом

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Разработка научно-методического обеспечения профессиональной ориентации инвалидов и лиц с ОВЗ в условиях многоуровневого образования» (Гос. задание № 27.344.2016/НМ)

дискурсе. В настоящее время возросло признание инклюзии как ключевого фактора обеспечения права на образование для всех (ОДВ). Несмотря на это, идея инклюзивного образования имеет целый ряд проблем как в концептуальном, так и в практическом планах (Hegarty, 2001). Настоящая статья, безусловно, не претендует на всесторонний анализ указанных проблем.

Цель настоящей работы заключается в изучении современных международных тенденций в области образования учащихся с особыми образовательными потребностями. Изучение зарубежного опыта позволит аккумулировать различные (теоретические и практические) подходы, модели, механизмы и технологии инклюзивного образования, эффективно использовать имеющиеся ресурсы, уменьшить риски и возможные ошибки при их использовании в образовательной системе Российской Федерации.

Проводя последовательный анализ такого сложного и проблематичного феномена как «инклюзивное образование» на материале зарубежных исследований, становится очевидным, что он также не имеет однозначного толкования и интерпретации содержания инклюзии, несмотря на интернационализацию методологических принципов, лежащих в основе инклюзивного образования (ЮНЕСКО, 1994, 2008). Это обусловлено целым рядом факторов (исторические, культурные и финансовые/материальные ресурсы), которые препятствуют реализации идей инклюзивного образования во всем мире.

Особенно проблематично концепция инклюзивного образования была воспринята в развивающихся странах, где материальные ресурсы ограничены, а возможность получения хоть какой-то формы обучения имеют менее 2% детей с ограниченными возможностями здоровья.

Инклюзивное образование имеет дело не только с концептуализацией ключевых понятий, напр., «инклюзия», «особые образовательные потребности» и «содержание образования», предоставляемого для учащихся с особыми образовательными потребностями», но также требует рассмотрения самого широкого спектра проблем в области общеобразовательных целей, содержания учебных программ, подходов к оцениванию, размещения школ для учащихся с особыми образовательными потребностями.

К определению понятия «инклюзивное образование»

Краткое определение инклюзивному образованию было дано Д.К. Липски и А. Гартнером (Lipsky & Gartner (1996, 1999)), под которым они понимали образование для учащихся с ограниченными возможностями здоровья, имеющих полноправное членство в соответствующих их возрасту классах в обычных/массовых школах, расположенных по месту жительства, располагающими соответствующими вспомогательными услугами. Согласно Антия (Antia 2002), инклюзия обозначает учащегося с инвалидностью, без каких-либо ограничений посещающего обычный класс в обычной/массовой школе и являющегося полноправным членом школьного сообщества. Оба эти определения противопоставляются понятиям «интеграция» и «общее школьное образование», из которых следует, что учащийся с инвалидностью имеет, прежде всего, статус слушателя и доступ в обычный класс для такого учащегося ограничен, поскольку он имеет особенности развития, и обучение в основном проходит в специальных учреждениях [4].

Согласно определению Саламанкской декларации, инклюзивное образование способствует «признанию необходимости создания «школ для всех»/учреждений, которые объединяют всех, учитывают различия, содействуют процессу обучения и соответствуют индивидуальным потребностям» [цит. по: 7, с.8].

ЮНЕСКО определяет инклюзивное образование как *«процесс, направленный на удовлетворение разнообразных потребностей всех учащихся путем расширения их участия в обучении, культурной деятельности и жизни общества, а также уменьшения масштабов социальной изоляции в рамках системы образования и недопущения исключения из нее. Этот процесс связан с изменениями и преобразованиями в содержании, подходах, структурах и стратегиях, а его отличительной чертой является общая концепция, охватывающая всех детей соответствующей возрастной группы, и убежденность в том, что обязанностью государства является обеспечение образования для всех детей»* [цит. по: 7, с. 8]. Исходя из этого определения, очевидно, что развитие инклюзивного образования – это не второстепенный, а важнейший вопрос в деле обеспечения высококачественного образования для всех учащихся и развития более инклюзивных обществ.

Как утверждает в Позиционном документе ЮНИСЕФ (2012) «Право детей с ограниченными возможностями на образование: подход к инклюзивному образованию, основанный на соблюдении прав человека» [7], для введения инклюзивного образования требуется решить не только вопросы исходных ресурсов, например, в виде обеспечения доступа, и вопросы, имеющие отношение к процессам, например, подготовки преподавателей, но также необходимо пересмотреть основные ценности и взгляды на всех уровнях системы. Инклюзия требует, чтобы все дети, включая детей с ограниченными возможностями, не только имели доступ к школьному образованию в своих местных сообществах, но чтобы им были предоставлены все надлежащие возможности для обучения, с тем, чтобы они могли полностью раскрыть свой потенциал. Данный подход основывается на понимании того, что все дети должны иметь равные возможности для систематического обучения в самых разных школах и дополнительных учебных заведениях, несмотря на наличие тех или иных особенностей.

Принято считать [1], что существовало три общих подхода к образованию детей с ограниченными возможностями:

- 1) *сегрегация*, когда детей классифицируют в соответствии с их недугом и подбирается школа, призванная решать проблемы, связанные с этим конкретным недугом;
- 2) *интеграция*, когда детей с ограниченными возможностями помещают в обычные общеобразовательные школы, нередко в специализированные классы, где они могут оставаться лишь до тех пор, пока способны удовлетворять требованиям школы и приспосабливаться к окружающей среде;
- 3) *инклюзия*, когда признается необходимость преобразований в культуре, политике и практике школ, чтобы они могли удовлетворять отличающиеся потребности отдельных учащихся, и существует обязательство устранить барьеры, препятствующие реализации такой возможности.

Как отмечают многие исследователи [4, с. 130], несмотря на то, что в настоящее время термин «инклюзия» прочно вошел в употребление и стал даже модным в педагогическом сообществе, недостаточно внимания уделяется его смысловому содержанию. Так, Т. Картен (Karten 2011) четко разграничивает

понятия «идеальная инклюзия» и «псевдоинклюзия» [8]. К характерным параметрам последней относятся:

1. Стандартные задания для учащихся, несмотря на их отличия.
2. Одинаковые цели, методы, учебные материалы для всех учащихся, в том числе для учащихся с инвалидностью.
3. Одинаковое время на выполнение заданий для учащихся с инвалидностью и не имеющих инвалидности.
4. Учитель в общеобразовательной школе является ведущим преподавателем, в то время как учитель специального учебного заведения имеет второстепенное значение.

В понятие «реальная / настоящая инклюзия» Т. Картен включает следующие составляющие:

1. Посещение учащимися с инвалидностью обычных общеобразовательных школ по месту жительства и получение ими всего спектра необходимых услуг и поддержки.
2. Планирование и организация инклюзивного образования – ключевой фактор всех видов деятельности (учебная, социальная, психолого-поведенческая и др.). Привлечение специалистов самых разных профилей в организацию инклюзивного образования.
3. Признание ценности многообразия и индивидуальных различий, когда в образовательном пространстве происходит взаимодействие учащихся с инвалидностью и не имеющих инвалидности [9].

Мейр (2003) проанализировав опыт реализации инклюзивного образования в 28 европейских странах, описал три различных подхода, направленных, прежде всего, на включение учащихся с особыми образовательными потребностями в общую систему образования:

- 1) одноуровневый подход - *one-track approach* предполагает включение практически всех учащихся в получение общего школьного образования;
- 2) многоуровневый подход - *multi-track approach* предполагает возможность выбора учащимся с особыми образовательными потребностями широкого спектра услуг между получением общего школьного образования или специального образования;
- 3) двухуровневый подход - *two-track approach* предполагает две различные образовательные системы для учащихся с инвалидностью и нормально развивающимися детьми [7].

Стоит отметить, что в последние годы концепция инклюзивного образования была расширена, чтобы охватить не только учащихся с инвалидностью, но и всех учащихся, которые могут оказаться в невыгодном положении и будут в дальнейшем отнесены к этой категории учащихся. По утверждению Skrtic и др. (1996), инклюзивное образование должно выходить далеко за рамки физического размещения учащихся с ограниченными возможностями в общеобразовательных классах. Принципиальное отличие включенного образования, прежде всего, должно состоять в том, чтобы школы отвечали потребностям всех своих обучающихся, несмотря на имеющиеся физические, интеллектуальные, социальные, эмоциональные, языковые или другие особенности, предоставляя им возможность быть вовлеченным в общий процесс обучения и воспитания (развития и социализации). Безусловно, такая расширенная концептуальная модель инклюзивного образования была недавно сформулирована на 48-й сессии

Международной конференции ЮНЕСКО: «Инклюзивное образование: путь в будущее» (Женева 2008 г.), где было признано, что «инклюзивное образование является непрерывным процессом, направленным на предоставление качественного образования для всех, при уважении к разнообразию и различным потребностям и способностям, характеристикам и чаяниям учащихся и общества в области образования, устранении всех форм дискриминации».

Особый интерес вызывает доклад «Право детей с ограниченными возможностями на образование: подход к инклюзивному образованию, основанный на соблюдении прав человека», в котором предложена концептуальная основа решения весьма специфических проблем, препятствующих инклюзии детей с ограниченными возможностями в Центральной и Восточной Европе и Содружестве Независимых Государств (ЦВЕ/СНГ). Данный документ опирается на существующие рамочные документы (Саламанкская декларация, Конвенция ООН о правах ребенка и Конвенция ООН о правах инвалидов) и дает определения ключевых понятий – начиная с определения инклюзивного образования, – используя подход, основанный на соблюдении прав человека. В документе излагаются проблемы, с которыми сталкиваются дети с ограниченными возможностями в ЦВЕ/СНГ, пытаясь получить доступ к образованию, и, что еще более важно, в нем предлагается набор политических мер и стратегий, которые должны быть введены в действие и применяться определенными заинтересованными сторонами (государственными органами, муниципалитетами, негосударственными структурами, включая родителей и гражданское общество, и т. д.), в целях обеспечения реализации права каждого ребенка с ограниченными возможностями на качественное образование [7].

Пропаганда идеи инклюзивного образования и растущее внимание к инклюзии как к ключевой стратегии содействия осуществлению права на образование, в том числе детей с ограниченными возможностями основывается на трех ключевых принципах. Во-первых, в рамках образовательных программ возникает большее понимание права на образование, закрепленного в ключевых международных документах по правам человека. Отличительной чертой инклюзивного образования является общая концепция, охватывающая всех детей соответствующей возрастной группы, и убежденность в том, что *обязанностью государства является обеспечение образования для всех детей (ОДВ)* [6]. В принятых ООН в 1993 году Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов содержится призыв к государствам-членам обеспечить образование для лиц в интегрированных структурах и содействовать тому, чтобы образование детей с ограниченными возможностями являлось неотъемлемой частью системы образования.

Хотя концепция ОДВ ставит целью обеспечение универсального права, инклюзию можно трактовать не просто как средство искоренения сегрегации, а скорее как стремление создавать школы, в которых уважают и ценят многообразие и которые ориентированы на развитие демократических принципов и набора ценностей и взглядов, имеющих отношение к равноправию и социальной справедливости, с тем, чтобы все дети могли участвовать в процессах преподавания и обучения [6]. Так, Кристенсен (1996) утверждал, что исключение или сегрегация учащихся с особыми потребностями из образовательного пространства – это прямое нарушение прав человека и представляет собой несправедливое распределение образовательных ресурсов. По Липски и Гартнер (1996,

1999), инклюзивное образование является основополагающим правом, вытекающим из принципа всеобщей справедливости, служит средством обеспечения того, что люди могут осуществлять свои права, защищать их в обществе и вносить вклад в процесс демократизации и персонализации как в обществе, так и в сфере образования [3].

Интересна точка зрения британца Оливера, имеющего инвалидность, на систему общего и специального образования (1996). Он утверждал, что система образования не выполнила свою главную миссию, поскольку не предоставила возможности учащимся с инвалидностью воспользоваться в полной мере своими правами и обязанностями как полноценным гражданам своего общества. Более того, система специального образования функционирует таким образом, чтобы исключить учащихся с особыми потребностями как из образовательного пространства, так и более широкой социальной жизни [3]. И действительно обоснованность и значимость осуществления практических действий по искоренению сегрегации в сфере образования отражена в рекомендациях Комитета по правам ребенка (1997): *“Государствам следует пересмотреть и изменить законы, затрагивающие детей с ограниченными возможностями, несовместимые с принципами и положениями КППР (Конвенции о правах ребенка), например законодательство, которое ведет к принудительной сегрегации детей с ограниченными возможностями в отдельных учреждениях в целях обеспечения ухода, лечения и обучения”* [2].

Во-вторых, Липски и Гартнер отмечают (1996, 1999), что при проектировании образовательных программ для студентов с ограниченными возможностями, основное внимание должно уделяться не каким-либо физическим или др. нарушениям состояния здоровья учащихся, а социальному контексту, ключевой особенностью которого должна стать система унитарного образования, ориентированного на обеспечение качественного образования для всех учащихся (см. Мейер 2003 г.). Другими словами, учащиеся с ограниченными возможностями должны иметь доступ к более широкой программе обучения по сравнению с учебным планом в специализированных школах. Таким образом, инклюзия может изменить к лучшему отношение в школах к многообразию посредством совместного обучения всех детей, тем самым способствуя большей социальной сплоченности. Это модель вышеупомянутого первого подхода - одноуровневого - *one-track approach*.

Аналогичной точки зрения придерживается Скидмор, (Skidmore, 2002), который обнаружил, что учителя имеют два противоположных «педагогических дискурса» - *дискурс отклонения/девиации и дискурс включения/инклюзии*. Эти дискурсы отличаются по ряду признаков, напр., особый взгляд учителей на способность к обучению учащихся и их объяснением неудач в процессе обучения, а также различными учебными программами. Скидмор, в частности, утверждал, что *дискурс включения* дает альтернативное видение отношений между образованием и обществом, что идет вразрез с процессами сегрегации и дифференциации, доминирующими в развитии массового обучения. Созвучно последнему утверждению мнение Р. Сли (Slee, 2001), который считал, что чем больше школ смогут включить учащихся, тем больше технологий стратификации и социальной изоляции будет разработано. Сли видел опасность в ассимиляции или полном поглощении инклюзивного образования [3].

Третий аргумент в пользу инклюзивного образования заключается в том, что, поскольку нет четкого разграничения между характеристиками учащихся с инвалидностью и без, более того, нет оснований утверждать, что определен-

ные категории учащихся учатся по-разному, не могут быть оправданы отдельные положения для учащихся с инвалидностью (Липски и Gartner, 1996, 1999). В 2008 году ЮНЕСКО заявила, что в более широком понимании концепцию инклюзивного образования *«можно рассматривать как общий руководящий принцип поддержки образования в целях устойчивого развития, обучения на протяжении всей жизни и обеспечения равных образовательных возможностей для всех слоев общества»*, с тем, чтобы реализовать принципы инклюзивного образования [6].

Не вызывает сомнения тот факт, что в разных сообществах и культурах под инвалидностью понимают самые разные состояния. Чтобы добиться согласованного подхода к инклюзивному образованию для детей с ограниченными возможностями, необходимо дать определение инвалидности. Согласно статье 1 Конвенции о правах инвалидов, *«к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»* [1]. Данный подход соответствует разработанной Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) *Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья*, более известной как МКФ, которая определяет уровень функционирования индивида в виде динамического взаимодействия его/ее состояния здоровья, факторов окружающей среды и личностных факторов. Оба эти подхода позволяют широко толковать понятие инвалидности, в рамках которого признается важность контекста и факторов окружающей среды в создании благоприятных условий или ограничений для эффективного участия индивида в жизни общества.

Как отмечается в докладе ЮНИСЕФ [6], в странах региона Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств растет понимание того, что все дети в соответствии с международным и национальным законодательством имеют право на образование, все дети способны к обучению, и именно правительство несет ответственность за создание учебных заведений, обеспечивающих соблюдение их прав и развитие их способностей. В настоящее время в национальных законах об образовании большинства стран региона указывается, что все дети имеют право на образование в обычных общеобразовательных школах, а также на индивидуальное обучение в соответствии с их способностями. В большинстве стран также имеются законы или нормативно-правовые акты, специально разработанные в целях обеспечения равных возможностей для детей с ограничениями жизнедеятельности, с тем, чтобы они могли максимально воспользоваться благами образования на любом уровне.

Ряд стран включили компонент по инклюзивному образованию в свои национальные стратегические планы развития образования, например Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Косово, бывшая югославская Республика Македония и Сербия. Вместе с тем в них отсутствуют бюджетная поддержка, программы действий, показатели и обязательства по внедрению инклюзивного образования, которое, как правило, никак не привязано к системе общего образования.

В докладе особо подчеркивается, что только у двух стран этого региона Боснии и Герцеговины и Грузии имеются реальные стратегические планы продвижения инклюзивного образования. О внедрении инклюзивного образования в качестве приоритетной задачи стратегического планирования образования

официально объявили Косово и Грузия, тогда как Азербайджан в 2009 году в порядке реформирования системы дошкольного образования для обеспечения его инклюзивного характера представил на рассмотрение центрального правительства закон об инклюзивном образовании. В государственной программе Армении по развитию образования на период 2011–2015 годов обеспечение инклюзивного образования определено в качестве первоочередной задачи [6].

Тем не менее, стратегии, обеспечивающие внедрение и лучшее понимание инклюзии, весьма разнообразны. Не всегда проводится четкое различие между понятиями интеграции и инклюзии, которые нередко используются как взаимозаменяемые. К таким странам, как подчеркивают авторы доклада, наряду с Беларусью, Молдовой, бывшей югославской Республикой Македонии, Украины относится и Россия, в них не проводят различия между инклюзией и интеграцией, а существующие методики ясно указывают на то, что большинство детей с ограниченными возможностями получают услуги в специальных учреждениях. В документе также отмечено, что в таких странах как, Азербайджан, Грузия, бывшая югославская Республика Македонии, Черногория, Сербия и России, прилагаются многочисленные усилия по развитию инклюзии, направленные, главным образом, на до начальное (дошкольное) и предварительное начальное образование. В России, например, выражают намерение преобразовать специальные школы в центры документации для предоставления поддержки по вопросу инклюзивного образования обычным школам системы общего образования, тогда как Черногория, например, имеет мобильные бригады, которые посещают обычные общеобразовательные школы и консультируют их персонал по вопросам образования детей со специальными потребностями. Министерство образования и науки Армении в настоящее время осуществляет экспериментальный проект по обеспечению полной инклюзии учащихся в обычные школы в одном регионе страны.

Позволим себе не согласиться с авторами доклада, которые утверждают, что в России «не задумываются о возможности получения общего (полного) образования и высшего образования для учащихся с ограниченными возможностями здоровья, а возможности получения послесреднего образования для этой категории учащихся вызывают большие сомнения, которые связаны с малодоступной образовательной средой» [6]. В этой связи можно привести опыт получения высшего и послевузовского образования студентами с инвалидностью в России. Изучение российского опыта обучения лиц с инвалидностью показывает, что за последние 20 лет ситуация в профессиональной подготовке студентов-инвалидов существенно изменилась: каждый пятый инвалид стремится к получению высшего образования.

Как справедливо отмечает Г.И. Пенин, системное обучение лиц с ограниченными возможностями в российских вузах стало интенсивно развиваться только в 90-е гг. XX столетия, когда началась профессиональная подготовка указанного контингента студентов в Московском институте-интернате для инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы (ныне Московский государственный гуманитарно-экономический университет), в Институте социальной реабилитации Новосибирского государственного технического университета и в других учебных заведениях [2, с. 45]. Так, специалистами Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана была разработана и внедрена модель непрерывного многоуровневого интегрированного высшего образования для обучения глухих и слабослышащих студентов.

С 2008 г. модель инклюзивного образования внедряется в экспериментальном порядке в образовательных учреждениях ряда субъектов РФ, инклюзивный

подход создает благоприятные условия для решения проблемы доступности высшего образования для инвалидов, расширения номенклатуры выбираемых ими специальностей.

Ранняя профессиональная ориентация учащихся с особыми образовательными потребностями как важная составляющая самоопределения и социализации личности

Особое внимание в докладе [6] отводится организации профессиональной ориентации учащихся с особыми образовательными потребностями: «Инклюзивные системы образования должны обеспечивать дифференцированный подход, приспособления и усовершенствования в рамках общей программы обучения и *предусматривать раннюю профессиональную ориентацию, обучение навыкам мобильности и альтернативным способам общения*».

В этой связи необходимо принять меры для:

- включения обязательства по обеспечению инклюзивного обучения в классах;
- разработки муниципальных стратегий по созданию инклюзивной классной среды. В этот процесс должны быть вовлечены школы, учителя, муниципальные работники, школьные администраторы, родители и дети, а также другие заинтересованные стороны;
- предоставления поддержки детям с ограниченными возможностями, обучающимся в обычных классах;
- регулярного мониторинга школ в целях недопущения формальной или неформальной сегрегации в школах.

Мониторинг должен осуществляться с привлечением родителей детей с ограниченными возможностями, что позволит обеспечить им и их детям прозрачность и подотчетность систем.

Как отмечает главный инспектор Министерства образования и науки Ирландской республики И. Стэк (Eamon Stack), в последние десятилетия Ирландия достигла впечатляющего прогресса в области образования учащихся с особыми образовательными потребностями в средних общеобразовательных школах [5, с. 46]. Так, в докладе, посвященном исследованию перехода учащихся с особыми образовательными потребностями из начальной школы в среднюю, содержится ряд рекомендаций для школ по выявлению, признанию и включению новых учащихся с особыми образовательными потребностями.

Большинство средних общеобразовательных школ в Ирландии имеют тесные контакты с начальными школами, которые являются «поставщиком», своего рода «каналом», предназначенные содействовать переходу студентов из начальной школы в среднюю. Это сотрудничество включает посещение учителями других школ с целью сбора и передачи информации, распространения информации среди потенциальных учащихся о своей школе посредством буклетов, постеров о школе, а также проведение дней открытых дверей для школьников и их родителей.

Что касается приема в школу новых учащихся, в том числе учащихся с особыми образовательными потребностями, то в отношении этой категории обучающихся должны быть соблюдены все предусмотренные законом процедуры по защите персональных данных, касающиеся передачи и получения информации, которая, как правило, рассматривается в качестве конфиденциальной (напр.,

личные данные, результаты аттестации, индивидуальные учебные планы, а также отчеты узких специалистов). При этом школы должны получить письменное разрешение от родителей учащегося на обмен конфиденциальной информации о своем ребенке, например, результаты итоговых и промежуточных испытаний. Конфиденциальная информация является информацией, которая является личной или частной и не доступна для широкой публики.

Переход от общеобразовательной школы к выбору профессии ли профессиональной ориентации

Период, связанный с переходом школьников с особыми образовательными потребностями после окончания общеобразовательной школы к выбору профессии или профессиональной ориентации, требует тщательного планирования. Только слаженная система профориентационной деятельности сможет оказать существенное влияние на выбор жизненного пути школьной молодежи с особыми образовательными потребностями, ее адаптацию к профессии и рациональное распределение трудовых ресурсов.

В выпускных классах общеобразовательной школы некоторые школьники с особыми образовательными потребностями могут обратиться по вопросу их трудоустройства в центры по обеспечению занятости или оказания других специальных услуг, предоставляемые за счет добровольных или оговоренных законом организаций. В свою очередь поставщик услуг / работодатель должен быть проинформирован заранее о необходимости предоставления рабочего места / трудоустройства школьнику с особыми образовательными потребностями с тем, чтобы принять соответствующие меры для такой категории работников, а именно иметь запас времени для подготовки соответствующих условий труда и согласовать дату размещения.

Как показывает ирландский опыт [5], для таких студентов, на планирование в переходный период школьника с особыми образовательными потребностями из школы к непосредственно рабочему месту может потребоваться до двух лет. Педагогический персонал школы может внести значительный вклад в период социализации школьников, их адаптации к новой обстановке и новому окружению, подготовив соответствующую информацию и документы для родителей, которые при необходимости, смогут оказать соответствующую помощь и поддержку своим детям в новой обстановке. В переходный период школы могут также поддерживать своих учеников путем непосредственного ознакомления и посещения будущего места трудоустройства, возможно также предоставление рабочего места на короткое время для адаптации к новой обстановке.

Поэтапный подход в переходный период и поддержка школьников с особыми образовательными потребностями

В рекомендациях [5], в частности, также обращается внимание, что школам следует осуществлять поэтапный подход к интервенции и поддержке студентов с низкой успеваемостью или особыми образовательными потребностями. Поэтапная модель поясняется в буклете *Working Together to Make a Difference for Children*, представленном Национальной психологической службой по вопросам образования (НПСО).

На первом этапе - *the whole-class stage* - поддержка на уровне класса – отмечаются и фиксируются трудности в обучении школьников, происходит информирование родителей об их успеваемости, на этом этапе предусмотрено вмешательство только со стороны педагогического коллектива, основных учителей.

На втором этапе - *the school support stage* – поддержка, осуществляемая на уровне школы - в дополнение к поддержке со стороны основных учителей в этот процесс вовлечены учителя по оказанию помощи в учебе или учителя-методисты (либо и те и другие).

На третьем этапе - *the consultation and assessment stage* - этап проведения консультаций и оценивания – осуществляется итоговая аттестация с помощью педагога-психолога или других специалистов, разрабатывается индивидуальный учебный план с целью удовлетворения потребностей учащегося.

Итак, сегодня инклюзивное образование рассматривается, прежде всего, как *предоставление услуги, а не места в школе* (Inclusion: A Service Not a Place) [4]. Это требует полной реорганизации школ на всех уровнях систем образования и управления. Признание ценности многообразия и индивидуальных различий, а не просто проявление терпимости или акцентация – вот суть данной концепции, в рамках которой также предполагаются изменения в содержании программ обучения и методах преподавания с учетом потребностей в обучении и способностей детей. Кроме того, в Конвенции о правах инвалидов содержится требование, в соответствии с которым правительства *«обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях»*. Для достижения этой цели, прежде всего, необходимо уделять внимание формированию в школах культуры инклюзии и ликвидации сегрегации в школах.

Профориентацию следует рассматривать как многоаспектную, целостную систему научно-практической деятельности общественных институтов, ответственных за подготовку подрастающего поколения к выбору профессии и решающих комплекс социально-экономических, психолого-педагогических и медико-физиологических задач по формированию у учащихся профессионального самоопределения, соответствующего индивидуальным особенностям каждой личности и запросам общества в кадрах высокой квалификации.

Список литературы

1. Байрамов В.Д. Социальная интеграция: словарь-справочник специальных терминов /В.Д. Байрамов, А.В. Тюрин ; Московский гос. социально-гуманитарный ин-т - М., 2010. (2-е изд., испр.).
2. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon. (дата обращения: 20.11.2015).
3. Пенин Г.И. Инклюзивное образование как новая парадигма государственной политики // Universum Вестник Герценовского университета. - № 9. - 2010. – С. 41-47. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/inklyuzivnoe-obrazovanie-kak-novaya-paradigma-gosudarstvennoy-politiki>. (дата обращения: 29.01.2016).
4. Райдугин Д.С. Инклюзия и инклюзивное образование: конфликт интерпретаций //Социально-гуманитарные знания. 2016. № 2. С. 130-142.

5. *David Mitchell*. Education that fits: Review of international trends in the education of students with special educational needs. - 2010. – Режим доступа: http://www.educationcounts.govt.nz/publications/special_education/education-that-fits/chapter-eleven-inclusive-education. (дата обращения: 09.11.2016) .
6. *Dorothy Kerzner Lipsky, Alan Gartner*. Inclusion: A Service Not a Place. -2012. Режим доступа: <https://books.google.com.tr/books?id=YnyGOpRIXyUC&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Dorothy+Kerzner+Lipsky%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjJiqfGyd3KAhXDBSwKHcjoAngQ6AEIGzAA#v=onepage&q&f=false>. (дата обращения: 26.01.2016).
7. Inclusion of Students with Special Educational Needs: Post-Primary Guidelines, 2007, Department of Education and Science, Published by the Stationery Office, Dublin.
8. The Right of Children with Disabilities to Education: A Rights-Based Approach to Inclusive Education. Женева: Региональное отделение ЮНИСЕФ для Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств (ЦВЕ/ЧНГ). - UNICEF, 2012. Режим доступа: <http://www.bala-kkk.kz/sites/default/files/upload/files/инклюзив%20на%20рус.pdf>. (дата обращения: 29.01.2016).
9. *Toby J. Karten*. Inclusion in The Classroom. Режим доступа: <http://www.inclusionworkshops.com/>. (дата обращения: 02.02.2016).

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SOCIAL MANAGEMENT STRATEGY AGAINST DESTRUCTIVE IN TERMS OF GLOBAL SOCIAL TRANSFORMATION

КУБЯКИН Евгений Олегович, доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России».

KUBYAKIN Evgeniy Olegovich, chief of department of philosophy and sociology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of sociological sciences.

ПЛОТНИКОВ Владимир Валериевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Краснодарского Университета МВД РФ (e-mail: inkognito13@inbox.ru).

PLOTNIKOV Vladimir Valeriyevych, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology at the University Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: inkognito13@inbox.ru).

Аннотация: В статье говорится о последствиях глобальной трансформации общества в проекции на локальные системы, к коим относится государство. В тексте выводятся основные принципы системного функционирования общества, которые должны учитываться в управленческой деятельности. Авторы исходят из методологического принципа, смысл которого заключается в том, что актуальные тенденции современной государственной политики требуют не только непосредственной реакции на проявления деструктивности, но и предотвращение ее возникновения и развития, что приводит к необходимости изучения факторов, способствующих интенсификации деструктивных процессов. Отсюда, исследовательский интерес представляет комплексный анализ ситуации, сопряженный с просчетом основных условий развития управляемой системы и наиболее вероятных сценариев протекания управленческих процессов.

Summary. The article describes the impact of the global transformation of society in the projection on the local system, to which the state belongs. The text displays the basic principles of the system of functioning of the society, which should be considered in the management activities. The authors come from a methodological principle, the meaning of which is that the current trends in modern public policy require not only the immediate reaction to the manifestation of destructiveness, but also to prevent its occurrence and development, which makes it necessary to examine the factors that contribute to the intensification of destructive processes. Hence, the research interest is the comprehensive analysis of the situation, coupled with the miscalculation of

the basic conditions for the development of the control system and the most probable scenarios flow management processes.

Ключевые слова: социальная трансформация, деструктивность, социология управления, регулятивные функции, государство, социальная структура, системные нарушения.

Keywords: social transformation, destructiveness, management sociology, regulatory functions of the state, social structure, system breach.

Современная структура общества претерпевает непрерывное изменение, результатом которого становится увеличение количества функциональных контактов между отдельными людьми и общее усложнение системы общественных отношений. При этом наблюдается повышение динамики социальных процессов, что реализуется на двух уровнях – ускорение социальных процессов и увеличение их числа. В этих условиях происходит увеличение количества сторонних факторов, определяющих состояние практически любой сферы социальной жизни [1]. Общественные процессы становятся значительно менее стабильными и отгороженными от внешнего воздействия, повышается вариативность их развития. В совокупности это свидетельствует о наличии тенденции увеличения рисков в выполнении управленческой деятельности. Причина заключается в том, что одной из основных задач управленческой деятельности является формирование такого состояния управляемой структуры, при котором она может гарантированно давать запланированный результат. Важнейшим рычагом управленческой деятельности является методология теоретического прогнозирования и моделирования возможных направлений развития ситуации. Однако, чем шире спектр привходящих факторов, тем более вероятным становится отклонение системы от изначально предзаданного курса.

С одной стороны, субъект управления не должен быть перегружен информацией для анализа (что может пагубно отразиться на оперативности принимаемых решений), с другой – недостаточно полное рассмотрение спектра факторов, определяющих состояние системы, может в результате привести к возникновению незапланированных последствий. Цель настоящего обзора – обозначить основные направления многофакторного исследования условий социального управления. В этом отношении заслуживает внимания проблема взаимной определенности элементов социальной структуры, а также проблема многоуровневого взаимодействия в обществе.

Исследование общества и, в частности, тематики управления, предполагает уточнения вопроса о том, какой масштаб социальной организации находится в поле зрения исследователя. Это связано с тем, что на уровне общества имеет место разветвление различных по своему масштабу и формам приложения структур, находящихся друг с другом в сложных отношениях взаимодействия. По своему типу эти структуры могут быть разделены на смежные (отражающие различные аспекты социальной организации) и иерархически связанные (в случае, когда одна структура является частью другой). Это отражает такие аспекты исследуемого вопроса, как функциональная направленность социальных структур и масштаб их развития.

Контроль состояния локальных элементов государства имеет различный уровень тотальности и динамичности в зависимости от того, насколько быстрым является информационное сообщение. По этой причине в обществе, для которо-

го характерен низкий уровень развития коммуникаций, имеет место повышение удельной роли местной власти в управлении социальными процессами, иными словами – большая степень самостоятельности отдельных территориальных единиц. Отчасти это определяется насущной необходимостью быстрого решения проблем в условиях, когда обращение к органам центральной власти может быть осуществлено только в течении длительного промежутка времени. Таким образом, тенденция к сокращению пространства представляет собой одновременно тенденцию к централизации и унификации социальных процессов. Повышается уровень тотальности государственной власти, растут ее возможности по контролю состояния отдельных элементов государства.

Немаловажным фактором является обратная связь между государством и населением, и, в частности, момент информационной самоорганизации общественного мнения [6]. Как показывают современные исследования, развитие цифровых технологий привело к повышению уровня социального самосознания членов общества.

Проблема заключается в том, что взаимосвязаны между собой не только те социальные структуры, которые имеют иерархическую связь или отражают определенную общую сферу. Практически любое социальное явление является результатом суммы факторов, различных по своему масштабу и характеру. Адекватный взгляд на проблему управления требует рассмотрения и сопоставления властных отношений с другими факторами, определяющими направление развития и состояние управляемого объекта. Это позволяет определять наиболее вероятные варианты развития событий при условии осуществления различных форм воздействия на управляемую структуру.

Следует обратить внимание на многоуровневый характер социальных процессов. Одно и то же социальное явление может быть детерминировано как совокупностью частных обстоятельств (например, личные воззрения или проблемы отдельного человека), так и общими целями социальной структуры, выраженными на законодательном, идеологическом или ином уровне [7]. Однако нередкой является ситуация, когда векторы направленности различных по своему масштабу социальных структур, в которые включен конкретный человек, не совпадают. Так, например, личные интересы или интересы семьи могут вступить в противоречие с правовыми нормами или с таким показателем, как эффективность труда работника. Результатом конфликта различных типов социальной включенности становится снижение эффективности деятельности человека либо нарушение им какой-либо нормативной определенности [8].

Идеальные представления о структуре социальных ролей предполагают момент «вынесения за скобки» индивидуальных условий человека на момент исполнения им определенной роли [5]. Иными словами, предполагается, что, занимаясь трудовой деятельностью, человек реализует профессиональную мотивацию, а, например, выполняя определенные семейные обязанности – реализует существующее у него личное отношение к своим родственникам. Однако на деле зачастую имеет место смешение различных сфер социальной включенности [5] (например, человек стремится работать лучше, поскольку кто-либо из его родственников нуждается в материальной помощи, либо вымещает на членах семьи агрессию, вызванную неудачами на работе).

Существует множество различных форм социальной включенности человека, которые отражают различные аспекты его принадлежности к системе обще-

ственных отношений. Мы взяли для рассмотрения лишь один аспект – индивидуальное функциональное поведение человека, и уже обнаружилось, что оно детерминировано широким рядом условий, от личных обстоятельств до общесоциальных тенденций. Однако подобное комплексное воздействие оказывается не только на отдельных членов социальной структуры (например, экономического предприятия или локального территориального образования). Оно также оказывает влияние на всю локальную систему, причем речь идет не о простой сумме индивидуальных воздействий, но о тенденции изменения протекания внутренних процессов. До тех пор, пока возникновение индивидуальных отклонений от нормы является хаотичным и разнонаправленным, система может пребывать в относительно стабильном состоянии. Однако даже увеличение числа различных по своему типу отклонений в совокупности может дать отрицательную тенденцию, влекущую за собой значительное изменение показателей эффективности социальной структуры.

Таким образом, для всякой системы целесообразно анализировать ее общее состояние (уровень функциональной эффективности системы и ее элементов), индивидуальный аспект (основные показатели отдельных представителей социальной структуры) и общесоциальный аспект (общие характеристики и тенденции внешней среды, что включает в себя как динамические процессы (например, изменения в экономических показателях конкурентов) так и статичные условия (например, условия законодательства, регламентирующие конкретную сферу деятельности). На этом этапе возможно отражение наиболее значимых тенденций изменения внешних (и внутренних) условий функционирования системы. Вместе с тем, процесс управления предполагает не только определение актуальных тенденций, но и поиск наиболее эффективных решений. В этой связи необходимо определять не только то, в каком направлении происходит естественное развитие системы, но также и то, какой спектр последствий будут иметь те или иные решения. А это уже предполагает момент теоретического моделирования и прогнозирования.

В этом отношении важным аспектом проблемы является момент общей взаимосвязи элементов системы, представляющий собой серьезный фактор осуществления регулятивной деятельности. Для большинства социальных структур, будь то семья или экономическое предприятие, характерен момент распределения функциональности между отдельными участниками социальной структуры. При этом, поскольку жизнеспособность системы определяется полной совокупностью ее внутренних функций, реализация каждой из них накладывает отпечаток на другие. Существенные изменения в какой-либо одной сфере могут повлечь не только ее локальную дисфункцию, но и смещение общего функционального баланса системы, что может привести к временному нарастанию кризисных тенденций. В определенной степени можно судить о том, что любая сбалансированная система «сопротивляется» изменению своей структуры, что проявляется на уровне временного снижения ее эффективности и возникновении ряда кризисных тенденций.

Взаимосвязанность элементов социальной системы и кризисный характер радикальных преобразований свидетельствуют о нескольких принципах. Во-первых, управленческая деятельность, направленная на поддержание стабильности функционирования системы, требует привлечения значительно меньших ресурсов, нежели деятельность по ее преобразованию (за исключением ситуа-

ции, когда исходное состояние системы является кризисным в силу ее несбалансированности). Во-вторых, для оценки перспектив регулирования необходимо определять статус регулятивных мер. Существует, как минимум, три их разновидности: направленные на поддержание сложившейся системы функциональных процессов, направленные на адаптацию системы к внешним или внутренним изменениям, а также преобразовательные, инициируемые субъектом управления. Сопротивление системы преобразовательной деятельности во многом определяется ее благополучием. Чем более расшатанной является социальная структура, тем менее ощутимы кризисные последствия, вызванные ее преобразованием. И, напротив, наибольшее сопротивление получает преобразовательная деятельность в рамках слаженных, сбалансированных социальных структур, что связано как с очевидностью кризисного характера изменений, так и с наличием механизмов защиты социальной структуры (например, акции протеста при увольнении члена слаженного коллектива). В специально посвященных проблеме возникновения деструктивных тенденций исследованиях мы подробно изложили принципы возникновения социальной деструкции, в том числе феномена экстремизма [3], в то время как проекция социальной деструктивности на систему государства, отражена специально посвященной публикации [4].

Анализируя в целом специфику современных социальных процессов в аспекте проблемы сохранения внутренней целостности общества за счет адекватных управленческих решений, следует отметить несколько существенных выводов. Процессы глобализации являются необходимым следствием современного развития мирового общества, и потому государственное регулирование социального процесса должно учитывать специфику современного глобализационного процесса.

В силу масштабов и постоянного повышения интенсивности воздействия процессов глобализации на отдельные общества, можно судить о достаточно серьезном наборе внешних деструктивных факторов, в условиях которых происходит развитие социальной системы. Это связано как с переходным характером современного общества, и, как следствие – необходимости постоянной адаптации к изменяющимся внешним условиям, так и о естественном процессе увеличения числа связей между различными общественными системами, в силу чего имеет место взаимное проникновение культурных норм, социальных моделей и т. д.

Сочетание внешних дестабилизирующих факторов и наполненности информационного пространства различными альтернативными моделями социального устройства существенным образом осложняет процесс социальной регуляции общественного процесса. В частности, в среде населения возникает недовольство существующим социальным порядком, что представляет серьезную проблему для государства. Последний фактор является очень важным на уровне мониторинговых решений, ввиду маркированности содержания.

От характера управленческой деятельности и ее отношения к сложившейся ситуации во многом зависит степень эффективности управления. Нами в общих чертах было произведено рассмотрение важнейших аспектов проблемы социального управления – определения состояния управляемой структуры, условий управленческой деятельности, а также типов возможного отклика на преобразовательную деятельность. Каждый из рассмотренных аспектов требует деталь-

ного рассмотрения, что представляет достаточно сложную процедуру. Однако именно комплексный анализ ситуации, сопряженный с просчетом основных условий развития управляемой системы и наиболее вероятных сценариев протекания управленческих процессов является залогом эффективного регулирования социальных процессов, независимо от их масштаба.

Список литературы

1. *Байрамов В.Д.* Социальный хаос в российском обществе: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Южный федеральный университет - Ростов-на-Дону, 2009
2. *Корнаи Я.* Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса /URL: <http://institutiones.com/theories/2260-innovacii-i-dinamizm-vzaimosvyaz-sistem-i-texnicheskogo-progressa.html> (дата обращения: 05.01.2016)
3. *Кубякин Е.О.* Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность.: монография - Краснодар, 2014.
4. *Кубякин Е.О., Плотников В.В.* Феномен дестабилизации локальной социальной системы (государства). Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 4 (59). С. 69-72.
5. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873 с.
6. *Парсонс Т.* Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой - М.: Аспект Пресс, 1998.-270с.
7. *Плотников В.В.* Трансформация социальных институтов как генетический фактор феномена экстремизма: монография - Краснодар, 2016.
8. *Райдугин Д.С.* Философия преступления: социальные аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук /Краснодарский государственный университет культуры и искусств - Краснодар, 2007.

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ В ЗАДАЧАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

AUTOMATED SITUATIONAL ANALYSIS AS A METHODOLOGY FOR STUDIES OF HUMAN SOCIAL AND CULTURAL SYSTEM'S DYNAMICS

СМЕНЦАРЕВ Геннадий Васильевич – кандидат технических наук, доцент кафедры интеллектуальных транспортных систем Московского государственного университета путей сообщения (e-mail: infotalk@bk.ru).

SMENTSAREV Gennady Vasilievich – candidate of technical Sciences, associate professor in intelligent transport systems of the Moscow state university of railway engineering (e-mail: infotalk@bk.ru).

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования средств вычислительной техники для автоматизации процессов качественного анализа антропосоциокультурных систем. Дается формализованная постановка задач исследования динамики развития антропоциокультурной системы с учетом особенностей регистрации ее состояний. Вводится понятие автоматизированного ситуационного анализа как методологии исследования системы. Рассматриваются различные элементы указанной методологии, включая теоретические основы прогноза направлений эволюции антропосоциокультурной системы, методы формализации системы и описание алгоритмов прогноза эволюции системы для различных методов формализации. В статье использованы материалы собственных разработок автора, а также результаты исследований других ученых в данной сфере научного знания, систематизированные автором и приведенные к единой системе моделирования трудноформализуемых динамических систем, на самом верхнем уровне развития которых находятся антропосоциокультурные системы.

Ключевые слова: антропосоциокультурная система, ситуационный анализ, прогнозирование, эволюция, моделирование, качественный анализ, событийный анализ, формализация

Summary: The article considers the problem of the use of computer technology to automate the qualitative analysis of human social and cultural systems. It describes a formalized formulation of the problem for the investigation of human social and cultural system's dynamics and takes into account the registration features of its states. The article suggest the concept of automated situational analysis as research methodology for those systems. It discusses the various elements of this methodology, including the theoretical basis of the forecast evolution of human social and cultural systems, methods of system's formalizing and algorithms of evolution prediction for human social and cultural systems, that uses different methods of system's formalization. The article reflects the results of the own research of the author, as well as results of other scientists, that were systematized by author and adduced by him in single coherent modeling concept

for hard formalized dynamic systems, at the top level of which are human social and cultural systems.

Keywords: human social and cultural system, situational analysis, prediction, evolution, modeling, qualitative analysis, event analysis, formalization

1. Информатизация и проблемы автоматизированного анализа антропосоциокультурных систем

В условиях широкого распространения и проникновения в различные сферы профессиональной деятельности человека средств вычислительной техники, а также технологий удаленной обработки и хранения данных все более актуальное значение приобретают вопросы автоматизации анализа больших потоков накопленной и непрерывно генерируемой вновь информации, касающейся деятельности сверхсложных социальных систем, в интересах управления такими системами.

Известный российский ученый М.С.Каган для подобного рода систем ввел в научный обиход понятие «антропосоциокультурная система», которую он определил как наиболее сложное явление действительности, отличающееся не только целенаправленно-избирательным характером деятельности, свойственным всем живым системам, но функционированием духовно-регулируемым, свободным (а потому нелинейным), или, иными словами, – культурным функционированием [3].

Как следует из определения, нелинейность является одним из основных признаков таких систем. Это обстоятельство существенно затрудняет применение методов формализации и математического моделирования, а, значит, и средств автоматизации для анализа деятельности антропосоциокультурных систем.

Предметом настоящей статьи является описание методологии качественного исследования антропосоциокультурных систем в задачах их ситуационного анализа, предлагаемой автором на основе собственных научных разработок, а также с учетом результатов исследований, полученных иными учеными и специалистами в данной области научного знания. При этом под ситуационным анализом понимается изучение деятельности антропосоциокультурной системы в ее естественном окружении на конкретный промежуток времени. Ситуационный анализ, проводимый с использованием средств вычислительной техники, будем называть автоматизированным ситуационным анализом.

Пусть имеется некоторая антропосоциокультурная система **C**, функционирующая в окружении множества иных антропосоциокультурных систем **B1, B2, ... Bn** и состоящая из большого числа дискретных элементов. Каждый элемент системы обладает определенными количественными и качественными характеристиками (параметрами), заданными в числовых и буквенных символах, входящих в знаковый набор некоторого алфавита. Элементы имеют выраженную внутреннюю структуру. Некоторая часть элементов системы может иметь программы развития, определяемые условиями внешней среды, собственными целевыми функциями или деятельностью других элементов системы. Такие элементы будем называть активными, или субъектами антропосоциокультурной системы и обозначать $s_1, s_2, \dots, s_m$ в противоположность пассивным элементам, или объектам антропосоциокультурной системы $o_1, o_2, \dots, o_k$. Субъект самостоятельно формирует одну или несколько программ развития и инициализирует

их на разных стадиях своего существования. В целях маскировки собственных целевых функций и действий определенная часть субъектов системы может генерировать доступные для восприятия другими субъектами системы шумовые сигналы с неизвестными для них характеристиками.

Субъекты и объекты антропосоциокультурной системы находятся в состоянии непрерывного движения и развития. Они вступают друг с другом в определенные связи и отношения непосредственно либо опосредованно через другие объекты системы.

Антропосоциокультурная система *С* представляет собой открытое множество. Она не имеет четкой пространственной границы по причине того, что в силу логики внутреннего развития в ней непрерывно появляются новые и исчезает часть существовавших ранее элементов; и, кроме того, за счет условности классификационных категорий в нее могут быть включены, или наоборот, исключены элементы или даже целые подсистемы. Важным фактором является то обстоятельство, что наблюдателю, по общему правилу, неизвестны законы развития элементов системы и их взаимного влияния друг на друга, поэтому отсутствует возможность на основании определенных посылок формулировать заключения о динамике развития системы (т.е. система не является аксиоматической).

Информация об исследуемой системе *С*, отдельных ее элементах и их параметрах рассредоточена по множеству регистрирующих датчиков, которые снимают показания бессистемно, нерегулярно и фрагментарно в том смысле, что каждый датчик регистрирует лишь некоторые характеристики отдельных элементов системы, их взаимоотношений или происходящих в системе *С* событий. Стандартная форма регистрации данных отсутствует, каждый датчик фиксирует результаты измерений в удобной для него форме с использованием символов привычного ему алфавита. Отчеты об измеренных количественных и качественных состояниях элементов системы, привязанные к моментам регистрации, направляются датчиками по телекоммуникационным сетям в локальные узлы хранения, где они доступны для ознакомления в течение некоторого времени, после чего пересылаются в архив или уничтожаются. Время хранения отчетов на каждом узле индивидуально и не синхронизировано с другими узлами.

Для подобного рода систем требуется разработать методологию, позволяющую решать следующие задачи:

- автоматизацию процессов классификации информации, описывающей элементы систем и их состояния;
- систематизацию данных о процессах и явлениях, происходящих в антропосоциокультурной системе, за счет аккумулирования фрагментарно поступающей информации вокруг аттракторов;
- анализ причинно-следственных связей событий, происходящих с субъектами антропосоциокультурной системы;
- выявление неявных и опосредованных связей между элементами системы;
- прогнозирование развития систем и их отдельных элементов.

Методологической основой качественного ситуационного анализа антропосоциокультурных систем выступает формализация. В задачах ситуационного анализа антропосоциокультурных систем используется формализация двух видов: математическая и гуманитарная.

Математическая формализация предполагает, что элементам антропосоциокультурной системы и происходящим в ней процессам могут быть поставлены

в соответствие адекватные количественные характеристики (числа, векторы, матрицы и т.д.), а связи и отношения могут быть записаны с помощью математических уравнений.

Понятие гуманитарной формализации как метода исследования сложных социальных процессов было предложено А.В. Гришиным и Н.М. Никольским [1, с. 139], которые связывали ее с логикой мышления в отличие от математической формализации, более тесно связанной с математическим инструментарием. Гуманитарная формализация опирается на описание антропосоциокультурной системы в конкретно-историческом аспекте ее развития, охватывает все разнообразие социальных явлений и процессов и включает три составляющие:

- статическую в виде структурного и функционального анализа антропосоциокультурной системы и отдельных ее элементов;
- динамическую в виде непосредственных и опосредованных связей между элементами системы, зафиксированных во времени и пространстве;
- логическую в виде алгоритмов многоуровневого автоматизированного анализа системы, начиная от распознавания образов и обобщения фрагментированной информации и заканчивая причинно-следственным анализом событий и прогнозом возможных направлений развития системы.

Инструментарий моделирования антропосоциокультурных систем представляют теория распознавания образов, математическая статистика, теория объектно-ориентированных банков данных, теория автоматов, теория аналогий, искусственные нейронные сети и иные разделы математики и информатики. Применение указанного инструментария для решения задач исследования антропосоциокультурных систем позволило разработать в составе методологии ситуационного анализа следующие методы автоматизированных исследований:

1. Методы структуризации и гуманитарной формализации исходных данных, описывающих состояния антропосоциокультурной системы, в т.ч.:
 - автоматизированную формализацию неструктурированного потока исходных данных,
 - распознавание и идентификацию элементов системы,
 - стандартизацию значений элементов системы с изменяемыми свойствами;
2. Событийный анализ антропосоциокультурной системы, в т.ч.:
 - формирование цепей событий,
 - автоматизированную имитацию текущего состояния системы,
 - анализ событий на причинную связь;
3. Прогнозирование эволюции антропосоциокультурной системы:
 - на основе структурированного архива данных,
 - с использованием неструктурированного архива данных.

2. Методы структуризации и гуманитарной формализации информации, описывающей состояния антропосоциокультурной систем

Принципы гуманитарной формализации антропосоциокультурных систем, заложенные А.В.Гришиным и Н.М.Никольским применительно к реляционным технологиям хранения данных, получили новый импульс развития по мере становления и совершенствования технологии объектно-ориентированных банков данных (ООБД). Основные критерии гуманитарной формализации антропосоциокультурных систем на основе технологии ООБД были предложены автором

настоящей статьи [5; 9]. Они базируются на следующих фундаментальных концепциях данной технологии:

1. Возможность описания некоторой предметной области совокупностью определенного ограниченного числа различных типов, или классов данных, характеризующихся конечным перечнем своих свойств и конечным набором допустимых взаимосвязей (ассоциаций) между различными типами данных;
2. Возможность заполнения классов данных конкретными значениями свойств и реальными связями на основе параметров конкретной исторической ситуации, в которой оказалась антропосоциокультурная система и которые описаны в соответствующем регистрационном отчете (формирование информационных объектов и их связей в соответствии с шаблонами классов данных);
3. Взаимосвязь информационной и логической компонент модели системы путем назначения определенным классам данных и отдельным свойствам классов данных конкретных алгоритмов их обработки.

Имманентно присущая технологии ООБД взаимосвязь информационных компонент и алгоритмов их обработки позволяет говорить об информационно-логическом, или инфологическом моделировании антропосоциокультурных систем как разновидности моделирования, основанного на технологии объектно-ориентированных банков данных.

Инфологической модели антропосоциокультурной системы присущи два типа алгоритмов обработки данных: аналитические и синтетические.

Аналитические алгоритмы решают следующие задачи:

- автоматизируют процессы гуманитарной формализации, т.е. преобразования исходных данных о текущем состоянии системы, описанном в неструктурированном документе, в совокупность взаимосвязанных информационных объектов инфологической модели системы;
- выполняют функции стандартизации и унификации значений тех свойств информационных объектов модели, которые обладают вариативностью (изменчивостью) в окрестности определенных аттракторов;
- осуществляют распознавание загружаемых информационных объектов с объектами, введенными в модель ранее, и загружают в модель новые объекты, выполняя при этом функции консолидации данных.

Синтетические алгоритмы предназначены для решения задач количественного и качественного анализа антропосоциокультурной системы в целом и отдельных ее элементов. К числу этих задач относятся:

- причинно-следственный анализ событий, происходящих в системе;
- выявление неявных и опосредованных связей;
- прогноз развития системы и ее отдельных элементов;

а также ряд других задач, определяемых потребностями пользователей инфологической модели антропосоциокультурной системы.

Таким образом, аналитические алгоритмы иницируются на стадии ввода информации в инфологическую модель, синтетические – на стадии выполнения системой ее функциональных задач.

3. Событийный анализ антропосоциокультурной системы

Событийный анализ как метод ситуационного анализа антропосоциокультурных систем в качестве предмета исследования рассматривает динамический ряд событий, имевших место в антропосоциокультурной системе. Собственно говоря, событие является центральными элементами методологии гуманитарной формализации, предложенной А.В. Гришиным и Н.М. Никольским [1, с.155].

Основными компонентами событийного анализа являются:

- формализованное представление структуры события, позволяющее алгоритмизировать процессы обработки информации о текущих и исторических событиях;
- архив формализованных описаний событий, имевших место в антропосоциокультурной системе и ее окружении, организованный в виде автоматизированной базы данных;
- алгоритмы обработки цепочек событий, представленных в формализованном виде.

Формализация события заключается в его структурной декомпозиции на основе определенных критериев и правил оценки, в результате чего каждое событие может быть представлено в виде описания ряда структурных элементов, таких как субъекты и предикат (действие, противодействие, бездействие, состояние субъекта) события, дата и место события, а также ряд других элементов [1, с. 212].

Массив событий, представленный в виде информационных объектов базы данных – структурированных моделей событий, в дальнейшем подвергается автоматизированному анализу с целью решения аналитических задач по выявлению движущих сил и причин развития антропосоциокультурных систем. Аналитические алгоритмы событийного анализа объединены родовым понятием «коммуникационный анализ», они обеспечивают автоматизированный анализ всех или части связей (коммуникаций) исследуемого события с другими событиями – как по времени, так и по предметному содержанию [1, с.229].

4. Прогнозирование эволюции антропосоциокультурных систем

Автоматизированный анализ эволюции антропосоциокультурных систем является одной из самых актуальных и наиболее востребованных задач исследования подобного рода динамических систем. Теоретической основой для алгоритмизации и автоматизации задачи анализа эволюции антропосоциокультурной системы служит теория аналогии для предсказаний.

Как известно, под аналогией понимается метод выводов, при которых обнаруживается подобие между несколькими заданными объектами или явлениями; благодаря переносу фактов и знаний, справедливых для одних объектов (явлений) на основе этого подобия, на другие объекты, либо определяется способ решения задач, либо предсказываются неизвестные факты и знания. При этом под новыми фактами понимаются факты, которые дедуктивно не выводятся из существующих знаний. [7, с.263].

По характеру решаемых задач методы аналогии классифицируются на методы аналогии для решения задач и методы аналогии для предсказаний. Аналогия первого типа применяется главным образом для повышения эффективности ре-

шения задач, которые, в общем случае, можно решить и без аналогии. С другой стороны, используя аналогию для предсказаний, благодаря преобразованию знаний на основе подобия между объектами или явлениями, можно сделать заключение о том, что, возможно, справедливы новые факты.

По характеру уподобляемых сущностей различают аналогию предметов и аналогию отношений. Аналогия предметов – умозаключение, в котором объектом уподобления выступают два сходных единичных предмета, а переносимыми признаками – свойства этих предметов. Аналогия отношений – умозаключение, в котором объектом уподобления выступают сходные отношения между двумя парами предметов, а переносимыми признаками – свойства этих отношений.

Основы теории аналогии для предсказаний были заложены американским ученым П.Уинстоном. Последний, проводя аналогию, следовал основной гипотезе о том, что подобие сохраняет причинные отношения, т.е. подобные причины приводят к подобным заключениям. Подобие (аналогичность) является функцией времени и свойств субъектов системы.

Различают глобальное подобие отношений субъектов антропосоциокультурной системы, когда они демонстрируют аналогичность развития на всем исследуемом интервале времени; и локальное подобие, когда субъекты ведут себя аналогично на отдельных временных промежутках. Можно также говорить о полном, частичном или приближенном подобии.

Полное подобие – это временное и пространственное подобие всех процессов, в основном определяющих характер явления, т.е. подобие всех определяющих факторов. Частичное (неполное) подобие – это подобие между отдельными сторонами изучаемых явлений, однако протекающие при этом неподобные процессы и явления не должны искажать изучаемые стороны системы. Приближенное подобие – это подобие явлений при некоторых упрощающих допущениях, заведомо известных и заранее оцениваемых количественно и качественно на основании аналитических или экспериментальных исследований [10, с. 57].

Аналогия относительна. С одной стороны, выбранные критерии (отношения, атрибуты и свойства субъектов системы) определяют требуемое пользователю направление поиска аналогии. С другой стороны, идентифицировав значительное количество критериев, особенно если они определяют уникальные качества субъектов системы, можно никогда не прийти к заключению об аналогичности состояний субъектов системы; в то же время, выделив наиболее существенные и важные свойства и атрибуты субъектов, пользователь имеет возможность сопоставлять их по аналогии. Напротив, неправильное или недостаточное определение подобия между отношениями может привести к неверным или поверхностным аналогиям.

В случае гуманитарной формализации антропосоциокультурной системы, использующей инструментарий ООБД и представляющей систему в виде совокупности взаимосвязанных структурированных иерархически организованных элементов (субъектов), алгоритм прогноза эволюции исследуемого субъекта системы по аналогии с развитием сходных субъектов состоит в выполнении следующей последовательности операций:

1. В банке данных выделяется текущее состояние субъекта, в отношении которого исследователем поставлена задача прогнозирования его развития.

Для исследуемого субъекта в текущий момент времени это состояние является конечным состоянием субъекта системы.

2. В банке данных отыскиваются все субъекты антропосоциокультурной системы, состояния, входные и выходные воздействия которых в зафиксированные моменты времени совпадают или близки по соответствующим качественным и количественным характеристикам (в пределах заданной меры схожести) с исследуемым субъектом в его конечном состоянии (т.е. субъекты, у которых срединные состояния совпадают с конечным состоянием исследуемого субъекта);
3. Анализируется предыстория развития исследуемого субъекта и субъектов сравнения, выбранных из структурированного архива. При этом отслеживается продолжительность периода идентичного развития. Так как регистрация значений субъектов производится асинхронно, то в целях обеспечения возможности сопоставительного анализа атрибутов и свойств субъектов антропосоциокультурной системы при сравнении производится их синхронизация путем выбора имеющихся или моделирования прогнозируемых значений свойств субъектов по отношению к конкретному моменту времени на основании накопленного массива данных (например, с помощью результатов индуктивных выводов, если они имеются). Для каждого субъекта сравнения анализ предыстории выполняется до появления начала существенных расхождений в развитии (выходе определенной номенклатуры и количества сравниваемых свойств за пределы диапазона допустимости) или полной выборки предыстории развития одного из сравниваемых субъектов. Фиксируется продолжительность периодов сходного развития, субъекты ранжируются по уменьшению продолжительности этих периодов. При этом учитывается то обстоятельство, что в цепи состояний субъектов сравнения могут быть зафиксированы состояния, отсутствующие в цепи состояний анализируемого субъекта, и наоборот.
4. Последовательно в соответствии со списком ранжирования для каждого субъекта сравнения выдается информация о процессе его развития, начиная от зафиксированного срединного состояния, т.е. последовательность его последующих состояний и связанных с ними управляющих воздействий, которые оказывал субъект на другие субъекты антропосоциокультурной системы и которые оказывались на него. Процесс последующего развития субъекта сравнения, начиная от его срединного состояния, по аналогии может быть использован для прогнозирования эволюции сравниваемого субъекта.
5. При отсутствии полностью идентичных субъектов найденные в банке данных похожие субъекты ранжируются в зависимости от количества совпадающих признаков и степени их важности для пользователя, и прогноз развития субъекта по аналогии выполняется в соответствии с этими не полностью аналогичными субъектами с соответствующим информированием об этом пользователя [6].

Для решения задачи прогнозирования развития антропосоциокультурной системы группой специалистов под руководством И.Наймушина была разработана статистическая модель представления состояния системы по его неструктурированному текстовому описанию. В соответствии с этой моделью, неструктурированному текстовому документу, описывающему состояние системы, может быть поставлен в соответствие формализованный образ в виде перечня слово-

форм, встречающихся в тексте, с указанием частоты их употребления в тексте. Вводится критерий идентичности образов ситуаций на основе меры схожести. Подобного рода формализация дает возможность использовать математический инструментарий для сравнения ситуаций по их образам, сформированным на основе текстовых описаний ситуаций, и сопоставлять динамику эволюции как различных элементов какой-либо определенной антропосоциокультурной системы, так и различных антропосоциокультурных систем в целом.

Алгоритм прогнозирования состоит в том, что для исследуемого субъекта антропосоциокультурной системы по описаниям его состояний, относящихся к текущему временному интервалу, определяется последовательность образов этих состояний и меры их схожести. Для этого исследуемый временной интервал делится на несколько подынтервалов. Полученные значения мер схожести, привязанные к временным меткам, фиксируются в графическом или табличном виде.

Далее аналогичным образом регистрируется динамика изменения мер схожести состояний других однотипных с исследуемым субъектов антропосоциокультурной системы на некоторых исторических временных периодах. Для этих субъектов определяются образы состояний, совпадающие с текущим (концевым) состоянием исследуемого субъекта с требуемым значением меры схожести. В результате выполнения этой процедуры определяются привязанные к временной оси состояния субъектов антропосоциокультурной системы, рассматриваемых в качестве потенциальных аналогов исследуемой ситуации (эталонов).

Далее для каждого такого выделенного состояния – потенциального аналога текущего состояния исследуемого субъекта системы проводится процедура верификации. Верификация каждого эталонного состояния выполняется путем сравнения предыстории его развития с предысторией развития исследуемого субъекта на основе анализа идентичности изменения мер схожести динамично изменяющихся образов ситуаций. Иными словами, предпринимается попытка установить наличие у иных, однотипных с исследуемым, субъектов антропосоциокультурной системы временных интервалов, на которых меры схожести последовательно меняющихся состояний этих субъектов изменяются аналогично динамике мер схожести состояний исследуемого субъекта в текущем временном периоде.

При наличии совпадающей динамики изменения мер схожести у состояний исследуемого субъекта и исторических состояний подобных субъектов делается вывод об идентичности процессов их развития, и в качестве прогноза развития исследуемого субъекта принимается динамика развития исторического состояния иного субъекта антропосоциокультурной системы после зафиксированной даты.

4. Практика реализации методологии ситуационного анализа и ее отдельных элементов

Техническим инструментарием, обеспечивающим реализацию на практике методов ситуационного анализа на основе гуманитарной формализации, являются объектно-ориентированные системы управления базами данных (СУБД). На рынке продуктов хранения данных представительство таких систем отли-

чается достаточным разнообразием. В частности, можно назвать такие продукты, как ObjectStore корпорации Object Design, Objectivity/DB корпорации Objectivity, Versant ODBMS корпорации Versant, ONTOS*Integrator корпорации ONTOS, FastObjects компании Poet Software и др.

В процессе разработки технологий ситуационного анализа автор использовал отечественный продукт – инструментальную СУБД CronosPRO компании «Кронос-Информ» [2]. Данный продукт обеспечивает описание инфологической модели антропосоциокультурной системы в виде конечного числа типов данных, каждый из которых представлен счетным набором свойств, и конечным набором допустимых взаимосвязей (ассоциаций) между различными типами данных. Кроме того, СУБД предоставляет пользователю встроенный алгоритм идентификации и распознавания субъектов и объектов антропосоциокультурной системы со слиянием одинаковых сущностей. Это предотвращает фрагментацию информации и автоматизирует обеспечение целостности данных. Для исключения проявлений вариативности свойств элементов антропосоциокультурной системы автором разработан алгоритм идентификации динамических структур с изменяемыми параметрами [4]. Правила формирования инфологической модели антропосоциокультурной системы подробно описаны в [9].

На основе выбранного инструментария и разработанной методики создан автоматизированный банк данных «Телекоммуникации и связь» [8]. Как модель специфической отраслевой антропосоциокультурной системы данный банк данных обеспечивал:

- конкурентный анализ рынка информационно-коммуникационных технологий в интересах формирования адекватной маркетинговой стратегии и тактики действий на рынке компании - владельца банка данных;
- непрерывный мониторинг конкурентов и выработку ответных и превентивных мер воздействия на действия и акции конкурентов;
- подготовку по заказу руководства компании аналитических справок и прогнозных оценок развития сегментов рынка информационной коммуникационных технологий и его отдельных участников и т.д.

Методика событийного анализа была реализована его разработчиками в Диалоговой информационной и аналитической системе по современным международным проблемам (ДИАС/СМП). Система позволяла:

- обеспечить автоматизацию наиболее трудоемкой работы в исследовательском труде специалиста-международника на 60 – 70%;
- проводить реконструкцию исторических событий, включая воссоздание неизвестных их сторон в прошлом;
- воссоздавать текущие политические, военно-политические и социальные ситуации выявлять неизвестные (или неучтенные) стороны текущей зарубежной политики и текущих международных событий, необходимых для точного или более полного понимания ситуаций в целом;
- проводить автоматизированный причинно-следственный анализ событий с раскрытием по крайней мере ближайших причин или последствий событий или сложных ситуаций;
- моделировать и проводить анализ различных вариантов развития событий и их возможных последствий и др. [1, с.150 – 151]

Алгоритм прогнозирования развития антропосоциокультурной системы на базе статистической модели представления состояния системы по его неструк-

турированному текстовому описанию был реализован специалистами ЗАО «ЭВИТОС» в информационно-аналитической системе «ТЕНДЕНЦИЯ». Система разработана в интересах конкретного заказчика – хозяйствующего субъекта (далее – компания, юридическое лицо) и предназначалась для мониторинга, анализа и оценки следующих ситуаций:

- действий участников политических и экономических процессов и их влияния на интересы юридического лица;
- разработки нормативных актов, влияющих на деятельность компании, в т.ч. выявление лоббистских интересов;
- действий негосударственных служб безопасности в сфере интересов компании, в т.ч. оценка связи этих действий с криминалом;
- наличия факторов напряженности вокруг юридического лица, включая угрозы личной безопасности его руководству;
- влияния СМИ на деятельность юридического лица, в т.ч. заказные кампании по его дискредитации и рекомендации по их парированию;
- оценки социальной напряженности в интересующих компанию регионах и компаниях, в т.ч. санкционированные и несанкционированные акции протеста, предупреждения о возможных протестных акциях;
- состояния экономических процессов в зарубежных странах, влияющих на интересы юридического лица;
- действий иных компаний, влияющих на рынки продукции компании;
- реструктуризации рынков продукции юридического лица, а также реструктуризации собственности основных участников рынков и др.

5. Заключение

Изложенное в настоящей статье теоретическое обоснование и варианты практической реализации методов исследования эволюции антропосоциокультурных систем и их отдельных элементов исходят из предпосылки неизвестности наблюдателю законов развития этих систем (что соответствует практическому состоянию дел в этой сфере научного познания), а также наличия следящей системы реального времени, позволяющей регистрировать и фиксировать текущие состояния систем.

В этих условиях ситуационный анализ как методология исследования антропосоциокультурной системы в конкретно-исторической среде ее развития образует базис для формирования внутри раздела информатики под названием «Искусственный интеллект» отдельного научного направления, ориентированного на использование вычислительных методов количественного и качественного анализа для исследования деятельности трудноформализуемых динамических систем. При этом одной из важнейших задач ситуационного анализа является обеспечение исследователей превентивной информацией о направлениях развития антропосоциокультурной системы, что создает предпосылки для выработки и практической реализации адекватных мер по управлению данной системой.

Принципиальным недостатком методологии является то, что она в процессе прогнозирования не учитывает возможности появления новых направлений эволюции антропосоциокультурных систем, не обусловленных опытом прошлого развития, а будет исходить из предположения, что эволюция описывается только теми состояниями элементов антропосоциокультурной системы и по-

следовательностью их изменения, которые накоплены в банке данных. Поэтому развитие архива исторической информации создает предпосылки для повышения качества прогноза эволюции антропосоциокультурных систем в условиях, когда законы развития таких систем остаются неизвестными исследователю.

Список литературы

1. *Гришин А.В., Никольский Н.М.* Системный анализ и диалог с ЭВМ в исследовании международных отношений – М.: «Международные отношения», 1982.
2. Инструментальная система управления базами данных CronosPRO v.6.4. Руководство пользователя М.: Закрытое акционерное общество «Научно-производственная компания «КРОНОС-ИНФОРМ», 2014. – 565 с.
3. *Каган М.С.* Системность и целостность. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_kagam01.htm (дата обращения: 27.02.2016).
4. Патент № 2217792 Российская Федерация (51) МПК7 G 06 F 17/30, G 06 N 3/02. Способ идентификации динамических структур с изменяемыми параметрами. [Текст] / Ю.И.Припачкин, Г.В.Сменцарёв. – № 2001102088, заявл. 25.01.2001; опубл. 27.11.2003, бюл. № 33.
5. Пат. № 2225033 Российская Федерация. Способ формирования информационной модели динамической системы и визуализации полученных результатов [Текст] / Г.В. Сменцарёв. – № 2000112330, заявл. 18.05.2000; опубл. 27.02.2004.
6. Пат. № 2236700 Российская Федерация (51) МПК7 G 06 F 17/60. Способ анализа и прогнозирования развития динамической системы и ее отдельных элементов [Текст] / Г.В. Сменцарёв. – № 2000105246, заявл. 02.03.2000; опубл. 20.09.2004, бюл. № 26.
7. Приобретение знаний. Под ред. С.Осуги, Ю.Саэки. Пер. с японского Ю.Н. Чернышова – М., Мир, 1990.
8. Российское агентство по правовой охране программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем (РосАПО). Свидетельство об официальной регистрации базы данных № 980019. База данных: Автоматизированный банк данных «Телекоммуникации и связь» (АБД «ТелС»). Правообладатель: закрытое акционерное общество «Московская телекоммуникационная корпорация» («КОМКОР»). Автор: Сменцарев Геннадий Васильевич. Заявка № 98014. Дата регистрации: 17.03.1998.
9. *Сменцарёв Г.В.* О концепции имитационного моделирования социальных процессов // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века / год ред. Л.И. Бородкина, Ю.П. Смирнова, И.Ф. Юшина. – Москва-Чебоксары, 1999. С.351-371.
10. *Тихонов А.И.* Основы теории подобия и моделирования (электрические машины) – Иваново, ФГБОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И.Ленина», 2011.

А.В. Герасимов

**ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE THEORY
OF NATIONAL SECURITY**

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич – профессор кафедры истории и философии МГГЭУ, доктор философских наук, профессор (e-mail: gav-53@mail.ru).

GERASIMOV Anatoly – Professor of the Department of history and philosophy of MGGEU, doctor of philosophical Sciences, Professor (e-mail: gav-53@mail.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты социально-философского анализа ключевых понятий теории национальной безопасности, дано определение национальной безопасности на основе аксиологического подхода к этому сложному явлению. Опираясь на новые нормативно-правовые источники, автор уделяет особое внимание концептуальным основам национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: безопасность, опасность, угроза, ценность, ущерб, интересы, национальная безопасность, философия безопасности, аксиология.

Summary. The article presents the results of socio-philosophical analysis of key concepts of the theory of national security, the definition of national security on the basis of the axiological approach to this complex phenomenon. Based on new legal sources, the author pays special attention to the conceptual fundamentals of national security of the Russian Federation.

Keywords: safety, danger, threat, value, damage, interests, national security, security philosophy, axiology.

Угрозы и вызовы XXI века потребовали кардинальной перестройки всей системы национальной безопасности России. Вопросы обеспечения национальной безопасности получили регламентацию в целом ряде нормативно-правовых документов, в том числе на уровне федеральных законов и указов Президента Российской Федерации. С учетом изменений в международной и военно-политической обстановке в 2014-2015 гг. были введены в действие два новых концептуальных документа - Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [9] и Военная доктрина Российской Федерации [10].

Тем не менее, проблемы обеспечения национальной безопасности по-прежнему стоят достаточно остро, продолжают оставаться чрезвычайно актуальными как с научной, так и с практической точки зрения. Они имеют, в частности, прямое отношение к стратегическому управлению в сфере обороны страны. Это, в свою очередь, предопределяет, необходимость обращения к фи-

лософии национальной безопасности, которая является теоретически обобщенным знанием о безопасности сложных социальных систем, о ее наиболее общих свойствах и законах становления, развития и функционирования.

Научный подход к изучению любого явления предполагает в первую очередь уточнение понятий. Изучить явление – значит выразить его в логике понятий. Великий французский философ и просветитель Вольтер подчеркивал: «Если вы хотите со мной говорить, определите свои понятия». Это требование методологической самодисциплины в полной мере относится и к таким понятиям, как «безопасность», «национальная безопасность».

Безопасность — это достаточно сложное и многогранное понятие, допускающее различные толкования. В древности термин «безопасность», употребляемый Платоном, трактовался как отсутствие опасности или зла для человека. В средние века, согласно библейскому словарю Робера, под безопасностью понимали спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении в лексику народов Западной Европы этот термин прочно не вошел и практически не использовался вплоть до XVII века.

Широкое распространение в научных и политических кругах западноевропейских государств понятие «безопасность» приобретает благодаря философским концепциям Т.Гоббса, Д.Локка, Ж.Ж.Руссо, Б.Спинозы и других мыслителей XVII-XVIII вв., когда в большинстве стран мира утверждается точка зрения, что государство имеет своей целью обеспечение общего благосостояния и безопасности. Поэтому термин «безопасность» получает в это время новую трактовку: состояние, ситуация спокойствия, проявляющаяся в результате реальной опасности (как физической, так и моральной), а также материальные, экономические, политические условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данной ситуации [11, с. 13-14].

Таким образом, на этапе исторического генезиса рассматриваемого явления, что очень важно, его суть определялась как некое равновесное состояние объекта в любых условиях, а содержание термина наделялось определенной институционально-инструментальной характеристикой.

Современные представления о феномене безопасности многообразны. Наиболее распространенными следует признать три концептуальных подхода: официальный, системно-философский и аксиологический.

В контексте *официального* подхода, который был использован еще в первом российском законе «О безопасности» 1992 г., безопасность определяется как *состояние защищенности интересов* (в том числе и национальных) от угроз. Распространенность данного подхода объясняется не только законодательным статусом, но и генезисом самого явления и его понимания, о чем уже было сказано.

Вместе с тем, как указывает Н.Н. Рыбалкин, «закрепленное законом понимание безопасности не отражает сущности феномена» [7, с. 9]. Само словосочетание «защищать интересы» оказалось весьма уязвимо для критики. Защита интересов относится к проблематике обеспечения безопасности только в контексте рассмотрения упущенной выгоды от аморальных, неправовых, военных и т.п. действий. Ведь интерес – это основная форма осознания нужд, потребностей действовать. Интересы, скорее, надо удовлетворять, реализовывать, а не защищать, особенно если это внезапно возникшие, «разовые» (не постоянные, т.е. воспроизводимые) интересы. Для обеспечения безопасности важнее именно непредвиденные опасности и угрозы.

Сторонники *системно-философского* подхода в определении безопасности акцентируют внимание на сохранении целостности, устойчивости, стабильности и способности социальной системы (страны, государства, общества) эффективно функционировать при деструктивных воздействиях на нее [1, с. 13]. Такое понимание безопасности также далеко не безупречно, так как в определенных условиях стремление сохранить целостность, стабильность может быть опасным для социальной системы, а деструктивное влияние – наоборот, благом. Понятия стабильности и деструктивности весьма условны и в каждом конкретном случае требуются ценностные координаты, чтобы снять вопрос — хорошо это или плохо с точки зрения безопасности. Примеры — застой, тоталитарный строй в обществе, хроническая болезнь и т.п. Такое понимание безопасности согласуется с личными или корпоративными интересами представителей власти и руководителей, поскольку безопасность начинает отождествляться с незыблемостью политических и административных структур, сохранением существующего государственного аппарата.

Наиболее корректным с научной точки зрения, по мнению профессора А.И. Позднякова, следует считать *аксиологический* подход, в контексте которого основные понятия теории безопасности можно увязать в логически стройную и последовательно выводимую систему: ценности — ущерб (вред, риск) — опасность (угроза) - безопасность [5].

Аксиология (от греч. *axia* — ценность и *logos* — учение) — философская дисциплина, исследующая категорию «*ценность*», характеристики, структуры и иерархии мира ценностей, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений. Ценность — свойство общественного предмета. С помощью данного понятия в науках о социуме характеризуют социально-историческое значение для общества и личностный смысл для человека определенных предметов и явлений действительности. Понятие ценностей отражает специфические социальные характеристики, свойства объектов (предметов, явлений), вытекающие из их положительной или отрицательной значимости для субъекта, из их способности порождать или удовлетворять материальные и духовные потребности социального субъекта (человека, группы людей, общества и т.д.). Понятия блага, добра и зла, прекрасного и безобразного, выгоды, прибыли, ущерба, потерь, утрат и т. п. теряют смысл вне ценностного (аксиологического) контекста.

Ущерб следует понимать как негативное изменение ценностей субъекта (например, национального достояния, ресурсов и т.д. — любых ценностей страны), т.е. изменение, которое отрицательно, негативно влияет на его жизнедеятельность, и потому нежелательно. Близким по смыслу к понятию ущерба является понятие вреда, столь широко используемое в юридической науке, а также понятия убытка, урона, утраты, потери и т.п. Ущербом следует считать и утрату позитивных ценностей, и получение негативных.

Именно ущерб — важнейшее понятие аксиологической теории безопасности. Он может быть нанесен не только *национальным (материальным и духовным) ценностям*, но и всей совокупности материальных и духовных ресурсов, благ, принадлежащих народу и составляющих основу его устойчивого существования и развития - общественной морали, национальной религии, произведениям искусства, национальной культуре, морально-психологическому состоянию народа и т.п.

Речь идет, по сути дела, об *ущербе национальному достоянию*, который может быть получен вследствие: внешних воздействий со стороны других государств (особенно противников, конкурентов на «мировой арене»), их пособников, агентов влияния внутри страны; действий различных субъектов (личностей и коллективов разного рода) внутри страны, особенно в сфере государственной власти, т.е. политики (субъективные факторы — ошибки, непонимание всех последствий деятельности, погоня за личной выгодой, коррупция и т.п.); объективных процессов (стихия, отказы техники и пр.).

В войнах неприемлемым ущербом обычно считается такой уровень поражения экономического потенциала государства, вооруженных сил, военно-промышленных объектов, систем государственного и военного управления, при котором государство теряет возможность продолжать войну или лишается политических и экономических мотивов ее дальнейшего ведения. Он достигается нанесением противнику таких потерь, компенсация которых возможна лишь в отдаленной перспективе.

В свете вышеизложенного становится ясно, что критериями опасности (угрозы) в соответствии с аксиологическим подходом должны быть *величина (размер) и вероятность (риск) ущерба*. При этом надо учитывать, что понятие риска иногда трактуют расширительно, включая в него не только вероятность получения ущерба, но и его предполагаемую величину.

Опираясь на понимание ущерба, основные понятия теории национальной безопасности корректнее определять следующим образом.

Опасность — объективно существующая возможность негативного воздействия на объект или процесс, в результате которого может быть причинён какой-либо ущерб национальному достоянию (национальным материальным и духовным ценностям), вред, ухудшающий состояние, придающий развитию нежелательную динамику или параметры (характер, темпы, формы и т.д.). Чем больше величина и вероятность (риск) ущерба, тем больше и опасность. Опасность может выступать в качестве условия, причины и обстоятельства, а также средства снижения качества жизни, в том числе и при росте уровня жизни. Такое понимание опасности соответствует общепринятому смыслу этого слова в русском языке: «Опасность — способность причинить какой-либо вред, несчастье; возможность чего-либо опасного, какого-нибудь несчастья, вреда» [8].

Опасность есть реальная, но не фатальная вероятность нанесения ущерба, вреда кому-либо, чему-либо, определяемая наличием объективных и субъективных факторов, обладающих поражающими свойствами. Поэтому по степени вероятности возникновения различают реальную и потенциальную опасности.

По характеру, направленности и роли субъективного фактора в возникновении неблагоприятных условий наряду с опасностью можно выделить:

вызов, как совокупность обстоятельств, не обязательно конкретно угрожающего характера, но, безусловно, требующих реагирования на них;

риск, как возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта;

угроза, как наиболее конкретная и непосредственная форма опасности, создаваемая целенаправленной деятельностью откровенно враждебных сил.

На основе аксиологического подхода в теории безопасности профессор А.И. Поздняков определяет **национальную безопасность** как защищенность национального достояния, главных материальных и духовных ценностей стра-

ны от получения небезразличного для ее народа прямого и опосредованного ущерба. Конечно, в идеале безопасность обеспечена при нулевых значениях величины или вероятности ущерба. Но в реальности таких комфортных условий практически не бывает. Поэтому в теории безопасности следует использовать понятие порога значимости ущерба [5].

Следует также отметить, что через понятия «ценности» и «ущерб» можно корректно определять суть всех видов безопасности — экономической, информационной, экологической, демографической, психологической, военной, государственной, пограничной и т.п. Такой подход также позволяет вводить количественные оценки, как уровня опасности, так и эффективности обеспечения национальной безопасности [6]. Критерием эффективности деятельности структур (органов) обеспечения национальной безопасности может быть *предотвращенный ущерб*, ведь эти органы должны снижать величину ущерба и риск (вероятность) его получения.

Таким образом, главной задачей органов государственной власти в области обеспечения национальной безопасности является *сохранение национальных ценностей, в том числе и духовных, защита национального достояния страны от ущерба*.

Понятие «**национальные ценности**» характеризует важнейшие побудительные силы и ориентиры общественных отношений, государственной политики. Российская Федерация, как и любая другая держава, вырабатывает и осуществляет свою политику, определяет ее цели с учетом национальных ценностей и интересов.

Национальные ценности складывались в ходе исторического развития материальной и духовной культуры общества в соответствии с геополитическим положением страны. Это, прежде всего, фундаментальные нравственно-этические представления и нормы, концентрированно выражающие своеобразие, самобытность, особенности характера, обычаи, традиции и уклад жизни, наиболее важные потребности многонационального народа России. Образно говоря, они представляют собой сердцевину его духовной жизни, синтез лучших черт и качеств. Национальные ценности определяют жизненную позицию человека и гражданина, его отношение к обществу и государству, прошлому, настоящему и будущему своей страны, ответственность за сохранение и приумножение национального достояния.

В Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию последних лет подчеркивается важная роль таких ценностей, как безопасность, свобода, благосостояние, государственность, законность, человечность, гражданственность, достоинство, патриотизм, нравственность, равенство, справедливость. Эта система национальных ценностей должна стать жизненным ориентиром россиян, их современным мировоззрением.

Следует отметить, что в новой Стратегии **национальной безопасности Российской Федерации** [9] дано по сути аксиологическое определение национальной безопасности. Действительно, в этом документе под национальной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-эконо-

мическое развитие Российской Федерации. Таким образом, в этом определении перечислены такие национальные ценности России, как конституционные права и свободы, достойные качество и уровень жизни ее граждан, суверенитет и др., сохранение и защита которых составляет сущность национальной безопасности.

Ключевым в официальном определении национальной безопасности является также понятие защищенности. Под **защищенностью** понимается способность сохранения объектом или системой (природа, человек, общество, государство и др.) своей качественной определенности и возможности выполнения своих функций в условиях воздействия негативных факторов.

Отождествление безопасности с защищенностью в нашей стране исторически восходит к понятию государственной безопасности как состояния защищенности Советского государства от внутренних и внешних угроз. Происшедшие в конце 80-х — начале 90-х гг. социально-политические изменения вызвали определенную трансформацию представлений. Однако, хотя и в более широком контексте защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, закон РФ «О безопасности» законодательно закрепил ту же самую дефиницию государственной безопасности. В результате сложившееся традиционное понимание безопасности несколько изменило форму, но осталось доминирующим.

Вместе с тем, как показывает опыт, безопасность не может быть сведена исключительно к защищенности. Например, основу обеспечения глобальной безопасности в конце XX — начале XXI в. составляло поддержание состояния незащищенности ведущих ядерных держав от ракетно-ядерного нападения. В этой связи СССР и США, заключив договор о противоракетной обороне (ПРО), фактически пришли к соглашению о том, что повышение уровня противоракетной защищенности не укрепляет, а, наоборот, снижает их безопасность, поскольку у противоположной стороны возникает возможность нанесения безнаказанного ядерного удара. Отождествление безопасности с защищенностью является следствием не теоретического, а практически-политического, «государственно-охранительного» подхода, при котором значительное влияние оказывает фактор противостояния социальных систем, преследующих собственные интересы.

Термин «национальная безопасность» фактически является калькой с английских слов «national security», которые в принципе могут переводиться и как национальная, и как государственная безопасность, что нередко и делается рядом авторов. По большому счету, когда в нашей стране все было государственным, и безопасность была государственной.

Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Государство уже не является монопольным собственником, ограничено его участие и в других сферах жизни человека и общества. Поэтому в этих условиях более правомерно и целесообразно использовать термин «национальная безопасность», имея в виду, что эти термины не синонимы, а разновеликие понятия. Подменять национальную безопасность государственной, и наоборот, недопустимо, поскольку первое понятие — более общее, родовое, а второе — частное, видовое. Тем более нельзя использовать гибридный термин «национально-государственная безопасность», нередко встречающийся в отечественной литературе.

Национальные ценности являются наименее подвижным и самым стабильным элементом системы национальной безопасности. На их основе формируются национальные интересы — элемент сравнительно динамичный.

Категория **«национальные интересы»** является основополагающим, методологически важным понятием теории национальной безопасности, обеспечивающим понимание важнейших ориентиров устойчивого социально-экономического развития РФ, путей приращения ее мощи. По объему она шире используемых ранее в политической практике понятий «государственные интересы», «жизненно важные интересы». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [9] национальные интересы определены как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития». Однако это определение не совершенно.

Во-первых, не четко определены роль и цели развития. Все живые системы от простейших до человеческих цивилизаций развиваются для того, чтобы обеспечить качественную определенность своего существования. В примитивном варианте существование сводится к физическому выживанию на уровне особи и вида. На уровне человека и социальных систем этого недостаточно. Человеку требуется реализовать свой духовный, интеллектуальный потенциал, приобретать социальную значимость. По мере культурного освоения мироздания эти потребности развиваются и требуют развития всех компонент жизнедеятельности. Поэтому социально-экономическое развитие не может являться самостоятельной целью. Оно способствует созданию благоприятных условий для удовлетворенности людей качеством своего бытия.

Во-вторых, не все потребности являются объективно значимыми. Объективность, как представляется, вытекает из научной обоснованности, опирается на естественно научное основание. Следовательно, объективная потребность не подвергается сомнению, её неудовлетворение неизбежно должно привести к невозможности существования нации. Но национальные интересы - это не только объективные потребности. Они включают, должны включать субъективные компоненты. Субъективным выбором является та или иная идеология, система духовных, цивилизационных ценностей, которая служит основанием для гражданской идентификации, принципы позиционирования в международных отношениях и др. Так, национальные интересы США формулируются на основе разработанной Г. Моргентау концепции реальной политики, которая предполагает сугубо эгоистичную внешнюю политику США и может быть ограничена только их возможностями. Вряд ли экспорт демократии по-американски, экономико-финансовое закабаление регионов мира, сопровождаемые разрушением целых стран (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Украина) могут рассматриваться как объективные национальные потребности. Это субъективный выбор американской элиты, в той или иной степени поддержанный обществом жителей США.

В-третьих, официальное определение национальных интересов разделяет их на потребности личности, общества и государства. Однако носителем национальных интересов является нация, как субъект исторического процесса и международных взаимоотношений. В современной науке нацию характеризуют как политическое сообщество граждан определенного государства, проживающих на его территории и осознанно причисляющих себя к нему, независимо от своей национальности, конфессиональных и других различий. Нация является также выражением экономической и культурно-исторической общности образующих ее народов, предполагает наличие и сохранение языка межнационального общения, общих традиций и образа жизни.

Следовательно, речь должна идти о таких системообразующих для нации потребностях, как территория, численность населения, патриотизм, культурная традиция, национальные ресурсы и некоторые другие. Государство при этом корректно рассматривать как форму существования нации. В этом случае его сбережение и совершенствование по мере необходимости (в том числе в упреждающем режиме) само является национальной потребностью. Государство, как субъект, не может иметь потребностей равноценных с национальными. Оно должно выполнять возложенные на него функции и решать поставленные перед ним задачи.

Все признаки нации применимы и к России, несмотря на многонациональный состав ее населения. Из этого факта закономерно вытекает и реальность национальных интересов России. Они объективно существуют, требуют своего осмысления, необходимой систематизации, а также реализации в политике государства в различных сферах, в том числе в сфере обороны. В новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [9] перечень национальных интересов охватывает все необходимые компоненты и, как представляется, в целом отвечает задачам стратегического управления для обеспечения национальной безопасности. Однако в формулировках национальных интересов местами отмечается смешение целей и средств, потребностей разного уровня общности. Например, конкурентоспособность экономики, оборону, развитие демократических институтов точнее рассматривать как средства достижения благоденствия, а не «объективно значимые потребности».

Национальные интересы любой страны представляют собой своеобразный мост с одной стороны, между, жизненно важными потребностями и ценностями нации, а, с другой стороны, ее стратегическими целями, реализуемыми в государственной политике и способствующими благу нации-государства. Они приводят нацию в движение, задают ему направленность на выживание страны в противоречивом и меняющемся мире, определяют условия её оптимального функционирования и устойчивого развития как суверенного государства.

Завершая философский анализ основных понятий теории национальной безопасности, остановимся на понятии «**состояние национальной безопасности**». Обратимся к философской трактовке самого понятия «состояния». Первые попытки определить понятие «состояния» были предприняты Аристотелем, он называл состояние видом качеств, которые, правда, сами претерпевают изменения, при этом состояние вещи отлично от его свойств. Кроме того, Аристотель считал, что всякое состояние предмета проявляется лишь в определенных отношениях и вне этих отношений судить о наличии того или иного состояния невозможно, однако количественных характеристик этих изменений и отношений он не дал и дать не мог.

Представители диалектики уже пытались придать понятию «состояние» некие измерительные параметры. К примеру, И. Кант понимал под состоянием конкретные формы проявления бытия субстанции (и объектов): покой и изменение, равновесие и движение и т.д.[3]. По Канту, «изменение есть способ существования, следующий за другим способом существования того же самого предмета», следовательно, то, что изменяется, сохраняется, и сменяются только его состояния. Таким образом, Кант противопоставляет состояние, как непрерывно изменяющееся, тому, что в предмете относительно устойчиво. Этим относительно устойчивым является субстанция. Всякое изменение, как совершен-

но справедливо замечает Кант, есть возникновение нового состояния. Смена состояний непрерывна: ни время, ни явления во времени не состоят из частей, которые были бы наименьшими. И, тем не менее, в процессе изменения состояния вещь проходит через все эти части как элементы к своему второму состоянию, значит, новое состояние вырастает из первого состояния, в котором его не было, проходя через бесконечный ряд ступеней.

Наиболее полно диалектика понятия «состояние» раскрывается у Г. Гегеля [2]. Рассматривая первый этап развития абсолютного духа как последовательную смену категорий «качество», «количество», «мера» в сфере бытия, Гегель определяет понятие «состояние» как форму проявления бытия изменяющегося субстрата — мирового духа; он связал понятие «состояние» с категорией «мера», представляя его как некую снятую меру. Категории «качество», «количество», «мера» рассматриваются им как этапы развития абсолютного духа. Изменение меры, по Гегелю, является переходом из одного состояния в другое.

На основе историко-философского анализа понятия «состояния» мы приходим к следующим умозаключениям.

Первое. Состояние определяется как философская категория, отражающая специфическую форму реализации бытия, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии, движении материальных объектов в некоторый данный момент времени при определенных условиях. Состояние национальной безопасности, по нашему мнению, *отражает бытие общества в совокупности проявлений его жизнедеятельности, степень удовлетворения (защиты) национальных интересов* в некоторый данный исторический момент при определенных условиях (факторах). По этому поводу еще в 1943 г. американский журналист У. Липпман, в частности писал, что нация находится в состоянии безопасности, когда ей не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда она в состоянии защитить при необходимости эти интересы путем войны.

Состояние национальной безопасности можно понимать как состояние надежной защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором правовые и институциональные механизмы, а также ресурсные возможности государства и общества пребывают в таком положении и на таком уровне, который отвечает национальным интересам Российской Федерации. Устремленность на удовлетворение национальных интересов уже не позволяет саму национальную безопасность рассматривать как нечто вспомогательное в системе стратегического управления, в узком смысле выживания или лишь как деятельность по отражению угроз, т.е. сугубо в «оборонительном» смысле.

Второе. Состояние характеризуется тем, что описывает переменные свойства объекта. Состояние устойчиво до тех пор, пока над объектом не будет произведено действие; если над объектом будет произведено некоторое действие, его состояние может измениться. Последовательная смена состояний объекта называется процессом. Сущность процесса обеспечения национальной безопасности состоит: в выявлении, предупреждении и нейтрализации опасностей и угроз; в прогнозировании вероятных рисков; в локализации, минимизации и устранении опасностей и угроз; в парировании вызовов; в недопущении превращения угроз со стороны источников опасности в реальные действия путем нанесения ущерба другой стороне, а при реализации военных угроз, — в форме,

развязанной против государства войны или вооруженной агрессии, участия в ней в целях разгрома агрессора; в принуждении его к миру в интересах сохранения безопасности или ее восстановления.

Третье. Состояние объекта можно оценить на основе тех или иных показателей. В любом случае такие оценки будут страдать определенной односторонностью и неполнотой, что не дает возможности комплексно охватить все аспекты таких сложных систем, как вооруженные силы и экономика страны, особенно в чрезвычайных условиях.

Показатель - количественная характеристика какого-либо свойства объектов и процессов, качественно определенная величина, являющаяся результатом измерения или расчета. По признаку формальной характеристики различаются абсолютные и относительные показатели. При конкретных расчетах в обязательном порядке должны использоваться как те, так и другие показатели [4, с. 243].

При формировании системы показателей их число может разрастись до чрезвычайно больших масштабов, что сделает крайне затруднительным и длительным процесс расчетных операций. Однако решение этой проблемы может быть значительно упрощено, если из множества возможных показателей экспертно отобрать строго определенное количество наиболее представительных показателей. Но и многие из отобранных показателей имеют различного рода взаимосвязи и взаимозависимости. Наличие тесной корреляции между отдельными показателями свидетельствует о принципиальной возможности выбора ограниченного количества агрегированных показателей.

В ст. 115 Стратегии национальной безопасности РФ названы основные *показатели, необходимые для оценки состояния национальной безопасности*. В Стратегии 2009 года их было 7, в новой Стратегии – 10, а именно:

- удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств;
- доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- валовой внутренний продукт на душу населения;
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения);
- уровень инфляции;
- уровень безработицы;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования;
- доля расходов в валовом внутреннем продукте на культуру;
- доля территории Российской Федерации, не соответствующая экологическим нормативам [9].

Перечень основных показателей состояния национальной безопасности может уточняться по результатам его мониторинга.

В то же время сопоставление отдельных, пусть даже очень важных показателей, не позволяет получить достаточно обоснованных выводов как о состоянии национальной безопасности в целом, так и ее отдельных видов. Так, ни теория, ни практика военной политики пока не выработали методики и инструмента

оценки реального состояния военной безопасности России. Предложенный в Стратегии (ст. 115 «Основные показатели, необходимые для оценки состояния национальной безопасности») оценочный показатель – «доля современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах» – позволяет судить об эффективности некоторых аспектов технической модернизации Вооруженных Сил РФ и других войск, но не дает возможности оценить степень готовности вооруженных сил и их способности выполнять задачи по обеспечению национальной безопасности России.

Четвертое. Состояние национальной безопасности зависит от множества факторов: геополитических, экономических, социальных, духовных, военных и т.п. Если исходить из этого, то первостепенное значение приобретает определение в каждый конкретный исторический момент *приоритетности различных направлений ее обеспечения*. Возникает опасность «распыления» внимания и финансовых ресурсов, а также совершения ошибки в определении приоритетов обеспечения национальной безопасности. В этом случае крайне важен системный подход к оценке всего спектра угроз национальной безопасности, что позволяет адекватно реагировать на них, концентрируя финансовые, экономические, интеллектуальные и иные ресурсы государства и общества на приоритетных, наиболее угрожаемых направлениях.

Таким образом, национальная безопасность представляет собой сложное, полиаспектное, многоуровневое явление. Она может рассматриваться как общественное явление, как теория и как процесс. Аксиологический подход в теории безопасности и сформулированный на его основе понятийный аппарат являются эффективными методологическими средствами анализа системы национальной безопасности.

Список литературы

1. Актуальные социально-политические проблемы национальной безопасности: учеб. пособие. Ч. 1 - М.: ВАГШ, 2007.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики //Соч. Т. 1 - М.; Л., 1930. <http://www.philosophy.ru/library/hegel/logic.html>.
3. Кант И. Критика чистого разума //Соч.: В 6-ти т. Т. 3. М., 1964. Гл. 2. http://www.philosophy.ru/library/kant/01/2_4.html.
4. Общая теория национальной безопасности: Учебник /под общ. ред. А.А. Прохожева. – Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во РАГС, 2005.
5. Поздняков А. И. Основы теории национальной безопасности. Курс лекций //Электронное научное издание «Альманах. Пространство и время». Выпуск № 1. Т. 2. 2013.
6. Поздняков А.И. Критерии оценки эффективности обеспечения национальной безопасности //Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2010. № 17(403). С. 57–64.
7. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности: Учебное пособие - М.:МПСи, 2006.
8. Словарь современного русского литературного языка /под ред. Л.С. Ковтун, И.Н. Шмелёва - М.—Л.: АН СССР, 1959. Т. 8. С. 882.
9. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.

10. Указ Президента Российской Федерации от 25 декабря 2014 года № Пр-2976 «О Военной доктрине Российской Федерации» //Российская газета. 2014. 28 декабря.
11. Экономическая и национальная безопасность: Учебник /под ред. Е.А. Олейникова - М., 2004.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ Ф. БЭКОНА

THE THEORY OF SCIENTIFIC COGNITION OF F. BACON

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич - кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и философии МГТУУ (e-mail: evg-v@yandex.ru).

VORONTSOV Evgeny Aleksseovich - The candidate of philosophical sciences. The head of chair of history and philosophy of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru).

Аннотация. В статье содержится историко-философский анализ программного произведения Ф. Бэкона «Новый Органон». Дается дифференцированное представление об основных компонентах теории познания английского мыслителя: критике познавательных практик прошлого, учении об «идолах», концепции индукции. В работе особое внимание уделяется освещению взаимосвязи указанных компонентов.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, Аристотель, философия, метафизика, эмпиризм, теория двух истин, логика, индукция

Summary. The article provides a historical and philosophical analysis software the works of F. Bacon «The New Organon». The author gives a distinct view concerning the major components of the theory of knowledge English philosopher: a critique of cognitive practices of the past, the doctrine of «idols», the concept of induction. The work pays particular attention to coverage of the interlinkages among the components.

Keywords: F. Bacon, Aristotle, philosophy, metaphysics, empiricism, the theory of the two truths, logic, induction.

В современной литературе, посвященной творчеству Ф. Бэкона, отчетливо прослеживаются две основных тенденции: преобладание абстрактно-оценочной компоненты в ущерб компоненте фактологической (Торубарова Т.В., Сердечная В.В.) и смещение внимания на второстепенные детали творчества английского мыслителя (Дудар Т.Е., Мартишина Н.И.). В случае, когда затрагиваются основные темы, дело, как правило, ограничивается стереотипными характеристиками, оставляющими в тени многомерность философской мысли Ф. Бэкона [12].

Цель настоящей работы — всесторонний анализ бэконовской методологии познания, являющейся наиболее влиятельной и оригинальной частью идейного наследия английского философа. Проблему методологии научного знания сам Бэкон считал «самой важной из всех существующих» и видел в ее эффективном решении ключ к прогрессу во всех сферах человеческой деятельности [2, с. 295, 279]. Плоды многолетних раздумий, сфокусированных на данной теме, изложены Бэконом в двух его основных философских произведениях — «Новый Органон» и «О достоинстве и преумножении наук». В настоящей статье первостепенное внимание уделяется первому из указанных произведений. Трактат «О достоинстве и преумножении наук» привлекается фрагментарно, в целях уточнения отдельных деталей.

Написанный на латинском языке «Новый Органон» впервые был опубликован в Лондоне в 1620 году. На титульном листе издания изображена галера, проходящая между двух Геркулесовых Столбов, стоящих на границе Средиземноморья и Атлантики. Средиземное море знаменует сферу познанного. Атлантический океан — область неведомого. Галера — новый метод познания, позволяющий в эту область проникнуть. Работе над «Новым Органоном» Бэкон посвятил более 10 лет жизни, в течение которых труд этот перерабатывался, по крайней мере, 12 раз. В XVII столетии «Новый Органон» переиздавался трижды, а в XVIII веке был переведен на основные европейские языки — английский, немецкий, французский и русский.

Полемическая направленность детища Бэкона очевидна. Его «Новый Органон» был призван заменить собой «Органон» Аристотеля, являвшийся на протяжении многих столетий по существу единственным источником методологических принципов философской мысли. Полемический запал распространяется и на выбранную Бэконом форму изложения. В отличие от «Органона», являющего собой образец сухого научного трактата, «Новый Органон» пересыпан образами и выдержан в жанре афористическом. В работе «О достоинстве и умножении наук» Бэкон отмечает, что материал, изложенный афористически, содержит в себе «приглашение» восполнить и развить предлагаемое. Напротив, «методическое изложение, представляя науку как нечто цельное и законченное, приводит к тому, что люди успокаиваются, думая, что они достигли вершины знания» [2, с. 330].

Первая книга «Нового Органона» посвящена всесторонней критике господствующих познавательных практик прошлого. Речь идет о признаках и причинах бедственного состояния научного и философского познания, а также о предпосылках, вселяющих надежду на исправление сложившейся ситуации. Вторая часть книги излагает созидательную часть бэконовской методологии, ядро которой образует учение об «истинной индукции».

Подобно методическому сомнению Декарта, критическая составляющая «Нового Органона» заряжена потенциалом созидательным. Демонтаж старой системы знаний осуществляется ради возведения новой. Признавая развитие предшествующей науки неудовлетворительным, Бэкон далек от того, чтобы трактовать сложившуюся ситуацию как неизбежную и безнадежную. «Если ошибка заключается в выборе самого пути и труды людей растрочены совсем не на то, на что надо было, то из этого следует, что не в самих вещах, которые вне нашей власти, возникает трудность, но в человеческом разуме, в его применении и приложении, а это допускает лекарство и лечение» [3, с. 38].

Критический разбор предшествующей философии и науки («философия» и «наука» в учении Бэкона — понятия взаимозаменяемые) начинается с указания на фактор национально-психологический. Все существующие науки обязаны своим происхождением грекам. Но свойственная им мудрость «была профессорской» и имела неискоренимую склонность к спорам и тщеславию. «У них была детская черта: они были скоры на болтовню, но не могли создавать. Их мудрость представляется богатой словами, но бесплодной в делах» [3, с. 37–38]. Симптоматично, что открытые греками науки не получили заметного приращения — первоначальное цветение быстро сменилось упадком [3, с. 38].

Препятствовал развитию науки и лишенный объективных оснований пиетет перед древними [3, с. 47]. «У греков не было тысячелетней истории, которая

была бы достойна имени истории, а только сказки и молва древности. Они знали только малую часть стран и областей мира» [3, с. 38]. Единственным основанием пирамиды знаний являются история и опыт [2, с. 228]. Эллины, получается, этого основания не имели. Не было у них и практических изобретений, каковые, по Бэкону, и должны считаться мерилom истинности всякой философской доктрины [3, с. 39].

Косвенным индикатором неблагополучия науки служат как ее противоречивость, так и разделяемый многими учеными гносеологический пессимизм, явно обнаруживший себя еще в период платоновской Новой Академии, которая «открыто провозгласила акаталепсию и приговорила людей к вечному мраку» [3, с. 40]. «Даже разумные и твердые мужи совершенно отчаиваются, когда они размышляют о непонятности природы, о краткости жизни, об обмане чувств, о слабости суждения, о трудностях опытов [3, с. 56]. Редкие периоды всеобщего согласия, к примеру, эпоха господства взглядов Аристотеля, свидетельствуют не о благополучии, а об его отсутствии, ибо «общепринятое» и «истинное» — понятия неравнозначные [3, с. 40].

Говоря о причинах сложившейся ситуации, Бэкон напоминает о том, что за два с половиной тысячелетия прогресс наук ограничивается всего шестью столетиями (примерно по двести лет у греков, римлян и западных народов соответственно). Краткость периодов плодотворного развития науки в значительной мере была обусловлена скованностью последней религиозными и философскими предпосылками. Сказалось и то, что на протяжении многих столетий интеллектуальная энергия лучших представителей европейской культуры направлялась на решение сугубо религиозных задач. Все эти обстоятельства вели к забвению фундаментального значения естественной философии, являющейся, по мысли Бэкона, праматерью всех прочих наук. Бэкон при этом не отрицает средневековой трактовки естественной философии как служанки богословия. Он даже говорит о том, что после Библии естествознание — «вернейшее лекарство против суеверия и тем самым достойнейшая пища для веры» [3, с. 43, 59; 2, с. 231].

Бедственное состояние науки объясняется и обстоятельствами плана социально-психологического. «В науках и искусствах, как в рудниках, всё должно шуметь новыми работами и дальнейшим продвижением вперед» [3, с. 56]. Однако на деле существующие научные центры — как в своей педагогической, так и в административной составляющей — являются оплотом консерватизма и ведут не к развитию знания, а к его стагнации. Усилия отдельных энтузиастов науки, отважившихся идти собственным путем, общей картины не меняют. Со стороны ученого сообщества их деятельность квалифицируется как разрушительная и бесперспективная. Поэтому ни о каком содействии говорить здесь неуместно. Деятельность ученых напрямую зависит от материальной поддержки со стороны людей, от науки далеких, но ни темная «толпа», ни отдельные просвещенные меценаты в необходимом объеме эту поддержку оказать не могут [3, с. 56].

Тормозит прогресс знаний и лукавая недобросовестность ученых, которые придают своим по сути фрагментарным и поверхностным знаниям видимость законченности и глубины. «Если посмотреть на их метод и разделы, то может показаться, что они объедают и заключают в себе всё, что может быть отнесено к их предмету. И хотя их части плохо заполнены и подобны пустым ящикам,

всё же для обычного разума они представляются как формы и основания целостной науки» [3, с. 50]. Скрывая существенные лакуны в корпусе научных знаний, указанный подход предлагает довольствоваться имеющимся. Оправданием пассивной позиции служит и отмеченная выше убежденность многих ученых в ограниченности познавательных способностей человека.

Но главная причина отсутствия научного прогресса заключается не во внешних обстоятельствах, а в ложных гносеологических установках, вследствие которых объективная «интерпретация» природы подменялось ее субъективным «предвосхищением». «Интерпретировать» — значит судить по аналогии со Вселенной. «Предвосхищать» — значит судить по аналогии с человеком [3, с. 22; 2, с. 73]. Разграничение объективного и субъективного измерения сущего, или, как учили еще досократики, сферы мнения и сферы знания, имеет основополагающее значение для всей древней философии. В контексте отказа опоры на Откровение это разграничение становится одной из центральных тем и для философии новой.

Адекватное познание материальной действительности, то есть познание научное, достигается, согласно Бэкону, решением трех взаимосвязанных задач: (1) установлением должного отношения между чувственным и рациональным уровнями познания; (2) преодолением «идолов», (3) опорой на «истинную индукцию». Первые два пункта «отвечают» за объективность научного знания. Пункт третий — за их каузальную направленность.

На протяжении всего творчества Бэкон исходит из представления, согласно которому, единственным источником знаний естественного плана является чувственный опыт. «Всякая наука дает нам двоякого рода знание. Одно есть результат божественного вдохновения, другое — чувственного восприятия» [2, с. 199]. Важно, что данная гносеологическая матрица «работает» и по отношению к общезначимым истинам универсального характера: изменяется всё, но не гибнет ничего; сведение вещи к первоначалам предотвращает ее уничтожение; две величины, равные третьей, равны и между собой [2, с. 200; 3, 136]. Бэкон прямо говорит о том, что отрицание указанных положений есть следствие интеллектуальной близорукости [2, с. 202]. Однако трактовать их в качестве врожденных, как это делают рационалисты, для Бэкона неприемлемо [17, с. 496]. Культивируемое ими сверхчувственное познание является, по Бэкону, пустым по содержанию и бесплодным по результату. На путях умопознания человек познает в природе то, что сам же в нее и вкладывает (отсюда и термин «предвосхищение»).

Но, несмотря на приведенные данные, широко распространенная характеристика Бэкона как эмпирика не обоснована [4, с. 151]. Да и сам английский мыслитель определял собственную позицию не столь однозначно. Заявляя, что разум «гораздо более склонен к заблуждениям, чем чувства» [2, с. 73], Бэкон в то же время отмечает, что «в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств» [3, с. 22].

Недостаточность чувств двояка. Любой сенситивный опыт ограничен очевидным. Он всегда фиксирует лежащее на поверхности. Внутренние механизмы видимых явлений остаются скрытыми. «То, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что

наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе» [3, с. 23; 3, с. 167]. Этим обстоятельством диктуется необходимость во всевозможных вспомогательных инструментах, служащих «пополнению и исправлению непосредственных действий чувства»: микроскоп, телескоп, шест для измерения земли, астролябия и т. п. [3, с. 164].

Второй недостаток чувственного опыта глубже. Вспомогательный инструментарий здесь бессилён. Примыкая к многовековой философской традиции, восходящей своими истоками к эпохе досократиков (Демокрит, Парменид), английский мыслитель обращает внимание на субъективную компоненту чувственного опыта. В показаниях чувств отражаются не только сторона объективная, но и субъективная. Глаз фиксирует движения Солнца, но если бы наблюдающий двигался синхронно со светилом, оно казалось бы неподвижным. Рука ощущает тепло воды, но при условии, что температура руки ниже температуры жидкости. Таким образом, состояния воспринимающего и воспринимаемого когерентны. В пространстве чувственного опыта «черты вещей строятся по аналогии с человеком, а не по аналогии со Вселенной» [3, с. 19; 2, с. 172]. В данном отношении чувственно воспринимаемые объекты ничем не отличаются от объектов умозрительных. И те, и другие в равной степени служат резервуаром идолов рода, о которых будет сказано ниже [3, с. 23]. Пользуясь платоновской метафорой, Бэкон сравнивает тело с темницей, пребывание в которой лишает душу возможности адекватного восприятия сущего [2, с. 309].

В критической оценке непосредственного чувственного опыта Бэкон сознательно солидаризируется со скептиками. Приобщиться к «тайнам пирронизма» английский мыслитель мог посредством появившихся ещё в XVI столетии латинским переводам Секста Эмпирика [18]. Но если для скептиков недоверие к сенситивному опыту служило аргументом для обоснования непознаваемости вещей, Бэкон решает эту проблему иначе: недоверие к чувственным восприятиям должна быть осознана и исправлена. Радикальное отрицание чувственного опыта для английского пропагандиста новой науки ведет к упразднению самой возможности познания, и потому неприемлемо. «Рассуждения тех, кто проповедовал акаталепсию, и наш путь в истоках своих некоторым образом соответствуют друг другу. Однако в завершении они бесконечно расходятся и противопологаются одно другому» [3, с. 18].

Чувственные восприятия «сбивают с толку», «вводят в заблуждение» и вообще «порочны» [3, с. 35]. Но ошибки, порождаемые чувственным опытом, им же могут быть исправлены [2, с. 72]. Однако происходит это не автоматически, а благодаря «подключению» разума [3, с. 172]. В отличие от опыта «случайного», подобного хождению на ощупь, «истинный метод опыта сначала зажигает свет, потому указывает светом дорогу» [346, с. 72]. Благодаря привлечению рациональной компоненты чувственный опыт очищается от субъективных наслонений, упорядочивается и раскрывает закономерности, присущие самим вещам. «Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же — о природе и самой вещи» [3, с. 23; 2, с. 73]. В идеале научный опыт должен стать экспериментом, испытывающим у природы ее тайны. По меткому замечанию одного из исследователей, эксперимент — это вопрос, на который отвечает природа [17, с. 289]. «Скрытый смысл души и страстей лучше обнаруживается тогда, когда человек подвержен невзгодам... таким

же образом и скрытое в природе более открывается, когда оно подвергается воздействию механических искусств» [3, с. 61].

Бэкон, таким образом, ратует за неразрывное единство чувственного и рационального компонентов познания, которые в прежней философии ошибочно противопоставлялись. «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно паукам, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии... Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего не было до сих пор) союз этих способностей — опыта и рассудка» [3, с. 59].

Единство чувства и разума — необходимое, но не достаточное условие адекватного познания материального мира. Наши естественные познавательные способности должны быть усилены вспомогательными средствами, ибо «тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума» [3, с. 13], и иного пути преодоления «темноты вещей», по Бэкону, не существует. «Ведь ни один человек не обладает такой твердой и опытной рукой, чтобы быть способным провести прямую линию или начертить совершенный круг, тогда как он легко может сделать это с помощью линейки или циркуля. Именно это мы и собираемся сделать: с помощью особой науки сделать разум адекватным материальным вещам, найти особое искусство указания или наведения, которое раскрывало бы нам и делало известным остальные науки, их аксиомы и методы» [2, с. 285].

В предисловии к «Новому Органону», иллюстрируя оригинальность своей позиции, Бэкон проводит следующую аналогию. Браться за механические работы «голыми руками» — неэффективно. Даже если рук много, а их возможности усилены атлетическим искусством. Столь же бесплодно, по Бэкону, двигаться по пути познания, полагаясь на «голый разум». Ни многочисленность умов, ни их исключительная острота дела вперед не продвигают. Необходимость во вспомогательных средствах подспудно интуитивно ощущалось и теми, кто обращался к диалектике. Но это предчувствие было запоздалым, носило локальный характер и, как следствие, оказалось бесполезным. Те, кто прибегал к диалектике, «искали помощи разуму, относясь с подозрением к прирожденному и самопроизвольному движению ума. Но слишком поздно прилагать это средство, когда дело уже загублено» [3, с. 8–9].

Ставка на метод сближает Бэкона с Декартом. Остро осознавая недостаточность спонтанных реакций и свидетельств наших познавательных способностей, основоположники новой философии рассматривали метод в качестве своеобразного «философского камня», с помощью которого удастся легко сделать то, что без него неосуществимо. Оба реформатора философского познания были убеждены в том, что применение метода сводит на нет личностную дифференциацию познающих [10, с. 342]. Бэкон прямо заявляет, что при правильной постановке дела деятельность разума должна совершаться «как бы механически» [3, с. 8]. В контексте сциентистской модели данный ход мысли закономерен. Если всякое подлинное знание есть знание научное, а научное знание есть знание объективное, принцип минимизации субъективности приобретает значение первостепенное.

«Механической» работе разума препятствуют «идолы» — неотрефлексированные процессы нашей мыслительной деятельности, наделяющие воспри-

нимаемые предметы антропоморфными чертами. «Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде» [3, с. 19; 2, с. 73, 306].

Ф. Бэкон учит о четырех видах идолов: идолы рода (*tribus*), пещеры (*specus*), площади (*fori*) и театра (*theatri*). Идолы рода (под «родом» в данном случае подразумевается «род человеческий») присущи всем людям и возникают из «стремления объяснить действия природы по аналогии с действиями и поступками человека» [2, с. 308]. Что мы, будучи людьми, приписываем окружающим нас вещам? Прежде всего, цели. Вопреки учению Аристотеля, Бэкон категорически не согласен с тем, что у вещей есть назначение. Назначение есть не в самих вещах, а в нашем восприятии вещей. Далее, по своей природе человеческий ум склонен, скорее, обращать внимание и запоминать положительное и присутствующее, нежели отрицательное и отсутствующее, хотя то и другое заслуживают равного отношения. Поэтому человек предрасположен фиксировать положительные примеры и игнорировать отрицательные, что, в свою очередь, является, по Бэкону, причиной доверия всевозможным суевериям, астрологическим предсказаниями и вещим снам. Эта же склонность, как мы увидим впоследствии, является причиной недостоверности традиционной индукции.

Другой пример идолов рода. Наш ум, будучи по своей сущности единым и однородным, вносит в мир порядок и единообразие, которых в нем значительно меньше, нежели нам представляется. Отсюда, по мнению Бэкона, произрастали предположения древних математиков о том, что небесные тела движутся по кругу, а также представления перипатетиков о том, что все многообразие материального мира может быть объяснено четырьмя стихиями: водой, воздухом, землей и огнем, качества которых соотнесены друг с другом. Ум устремлен к абстрактному и постоянному, тогда как в природе, напротив, все конкретно и подвижно.

Еще одним источником идолов рода является влияние страстей. «Человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти» [3, с. 22]. Человек склонен верить в истинность предпочитаемого. Он отвергает трудное ради легкого, трезвое ради сохранения надежды, приносит парадоксальное в жертву общепринятому. Не упускает Бэкон и то обстоятельство, что ум наш «работает» с данными чувственного опыта. Но непосредственный чувственный опыт, как мы уже знаем, обманчив и недостаточен.

Итак, идолы рода обусловлены следующими изначально присущими человеческому духу особенностями: единообразием, предрасположенностью, ограниченностью, подверженностью страстям, зависимостью от чувственных данных, склонностью к абстрагированию [3, с. 23].

Если идолы рода суть заблуждения, присущие человеку как таковому, то второй род идолов — идолы пещеры — порождается индивидуальными особенностями познающего. Речь идет о нюансах его характера, воспитания, образа жизни, его интересах и пристрастиях. Одни умы склонны почитать древности, другие ищут новизны. Одни фиксируют внимание на различиях тел, другие на их сходстве. Одних завораживают элементы мироздания, других интересует его структура. Указывает Бэкон и на тот факт, что человек невольно симпатизирует тем взглядам, к которым он больше всего привык или на овладение которыми потратил значительную часть времени и сил.

Для иллюстрации данного типа идолов Бэкон апеллирует к изречению Гераклита о том, что спящие живут в своих собственных мирах, тогда как у бодрствующих мир один. Упоминается и знаменитый платоновский миф о пещере. Резюмируя рассуждения об идолах пещеры, Бэкон выделяет следующие факторы, их порождающие: господство прошлого опыта, гипертрофированная склонность к обобщениям или к анализу рассматриваемых объектов, пристрастие к временному вопреки нацеленности на вечное. В качестве общего противоядия рекомендуется сохранять разум «уравновешенным и чистым», не искаженным эмоциональным запалом [3, с. 2].

Третий род идолов — идолы площади — это лишенные ясности вербальные обозначения. «Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума» [3, с. 25]. В большинстве случаев человек пользуется словами, смысл которых ему неясен. Идолы площади подразделяются на две части. К первой относятся понятия, «проистекающие из пустых и ложных теорий», например, «судьба», «перводвигатель», «круги планет», «элемент огня». Вторую группу образуют понятия, проистекающие из чувственного опыта, однако их смысл остается смутным и неопределенным. Дело не ограничивается собственно философскими категориями, такими как «субстанция», «качество», «действие», «страдание», «бытие». Далеки от совершенства и понятия, которыми оперируют физики: «тяжелое», «легкое», «густое», «разреженное», «порождение», «элемент», «материя». «Менее порочны» понятия, обозначающие название конкретных объектов и их осязаемые характеристики: «человек», «собака», «жар», «черное». Впрочем, и они «становятся смутными из-за текучести материи и смешения вещей» [3, с. 14].

Положение усугубляется тем, что «слова в большинстве случаев формируются исходя из уровня понимания простого народа» и фиксируют лишь такие различия между вещами, которые тот способен уловить. Идолы площади наиболее «тягостны» [2, с. 309].

Учение Бэкона об идолах площади можно рассматривать как предвосхищение неопозитивистского идеала правильно построенного научного языка, блокирующего рассуждения о предметах сверхопытных. Бэкон предвидел неосуществимость данного идеала, что, между прочим, история неопозитивизма и подтвердила. Слово «способно сбивать мысль с правильного пути, совершая некое насилие над интеллектом, и, подобно татарским лучникам, обратно направлять против интеллекта стрелы, пущенные им же самим» [2, с. 310].

Идолы театра — умозрительные модели действительности, под воздействием которых мы видим мир не собственными глазами, а глазами тех, кто эти модели создал. Все многообразие влиятельных философских концепций, посредством которых их адепты «предвосхищают» реальность, делится Бэконом на три группы — рационалистическую, эмпирическую, суеверную.

Рационалистическая философия представлена идеалистическими учениями. «Философы рационалистического толка выхватывают из опыта разнообразные и тривиальные факты, не познав точно, не изучив и не взвесив. Все остальное они возлагают на размышления и деятельность ума» [3, с. 38]. За несколько столетий до Канта Бэкон отождествляет диалектику с познанием видимости [3, с. 46]. Отличительные признаки рационалистической философии (в этом она равнозначна софистике) — болтливость и бесплодие [3, с. 37]. Разница между Протагором и Горгием, с одной стороны, и Платоном и Аристотелем — с дру-

гой, по Бэкону, несущественна. «Первый род софистов был бродячий и наемный, другой же был более уважаем и благороден» [3, с. 37].

Диаметральной противоположностью рационалистической философии является философия эмпирическая. Если первая опытом пренебрегает, то вторая его абсолютизирует, экстраполируя локальные закономерности на неоправданно широкую предметную область [3, с. 30]. Данный подход, по мнению Бэкона, характерен для «химиков» (читай: алхимиков). Указывает он и на своего современника, крупного теоретика в области магнитных и электрических явлений У. Гильберта, с открытиями которого автор «Нового Органона» был хорошо знаком [3, с. 148, 156]. С пророческой дальновидностью Бэкон говорит о том, что найдется немало тех, кто под воздействием его учения, перейдет от рационализма к эмпиризму, и таким образом поменяет одно заблуждение на другое.

Сущность философии «суеверной» заключается в отсутствии должного разграничения области веры и области разума. Будучи сторонником теории двух истин [6, с. 70], Бэкон считал отсутствие указанного разграничения в равной степени разрушительным и для философии, и для религии. Яркий пример «суеверной философии» Бэкон находит у Пифагора. «Тоньше и опаснее» заблуждения Платона. Элементы «суеверия» присутствуют и у Аристотеля, в рамках учения которого теология является частью не только метафизики, но и физики. Сюда же, по логике Бэкона, следует отнести и все схоластические учения.

Поскольку идола служат источником мнимых объяснений исследуемого, в «Новом Органоне» учение об идолах выполняет ту же самую функцию, какую в «Органоне» Аристотеля занимало опровержение софизмов [3, с. 19]. Есть, правда, одно существенное отличие. Софизмы могут быть изобличены и отброшены. Из идолов же полностью преодолимы лишь идола театра. Кроме того, замечает Бэкон, учение об идолах нельзя сделать наукой (по-видимому, имеется в виду, что исчерпывающее знание о них невозможно), «единственное средство» против их пагубного влияния — некая благоразумная мудрость [2, с. 307].

Несмотря на то, что сам автор считал разработанную им методологию познания универсальной [3, с. 19], учение об идолах выявляет ее принципиальную ограниченность. И не только в плане познания предметов метафизических (таковые Бэконом не признаются), но и в ракурсе постижения творений человеческого духа [17, с. 453]. В последующей истории европейской мысли, после отрицательного опыта экстраполяции неестественно-научной методологии на «сферу человеческого», в рамках «философии жизни» было проведено разграничение наук о природе и духе — разделение, усвоенное целым рядом философских течений XX столетия (экзистенциализм, герменевтика, структурализм).

Объективная «интерпретация» реальности достигается на путях минимизации влияния идолов. Однако объективность — необходимое, но не единственное требование, предъявляемое Бэконом к научному знанию. Последнее должно выявлять причину исследуемого явления. За каузальный характер научного познания в философии Бэкона «отвечает» индукция, к рассмотрению которой мы и переходим.

Со времен Аристотеля основным инструментом выявления причины исследуемого явления была дедукция. Бэкон считает, что эта функция должна быть передана индукции, но индукции не традиционной, а новой, или, как ее называет сам Бэкон, «истинной».

Индукция широко применялась уже Сократом. У истоков ее теоретического осмысления стоит Аристотель. В отличие от силлогизма, предполагающего движение мысли от общего к частному, индукция (наведение) есть умозаключение от частного к общему. «Если кормчий, хорошо знающий свое дело, — лучший кормчий и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, — лучший, то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший» [1, с. 362]. Стагирит различает индукцию полную и неполную [1, с. 347–348]. Являясь тавтологией, полная индукция познавательного значения не имеет, поэтому, говоря о данном виде умозаключений, как правило, имеют в виду индукцию неполную. Последняя, будучи наглядна и популярна среди неспециалистов, доказательной силой не обладает [1, с. 362; 10, с. 142]. Отказывая индукции в достоверности, Аристотель вместе с тем признает: «Доказательство исходит из общего... однако созерцать общее нельзя без посредства наведения» [1, с. 289].

Критикуя традиционную индукцию, Бэкон указывает на два основных недостатка: игнорирование отрицательных инстанций — с одной стороны [2, с. 282; 3, с. 35], и поспешность обобщений — с другой [3, с. 15]. Из двух-трех случаев делают общие выводы, не уделяя должного внимания промежуточным обобщениям («средним аксиомам»). «Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не прерывающимся ступеням — от частных к меньшим аксиомам и затем к средним, одна выше другой, и наконец, к самым общим. Ибо самые низшие аксиомы немногим отличаются от голого опыта. Высшие же и самые общие аксиомы умозрительны и абстрактны, и у них нет ничего твердого. Средние же аксиомы истинны, тверды и жизненны, от них зависят человеческие дела и судьбы. А над ними, наконец, расположены наиболее общие аксиомы — не абстрактные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами» [3, с. 63]. Согласно А.О. Маковельскому, Бэкон различает три вида аксиом: самые общие, называемые им принципами (*axiomata generalissima*); средние и низшие (*axiomata media* и *axiomata minora*); и наконец, незначительно отличающиеся от «голого опыта» самые низшие (*axiomata infima*) [10, с. 338]. «Легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных» [3, с. 22].

Переходя к изложению содержания разработанной Бэконом «истинной» индукции, обратим внимание на два важных допущения. Первое: каждое исследуемое свойство («природа») имеет свою причину («форму»), а каждая причина, в свою очередь, порождает то или иное свойство. Поэтому причина и ее следствие друг без друга не существуют. Второе: вещь есть не что иное, как сумма свойств, при этом одни и те же свойства присущи самым разным объектам. Бэкон не перестает предупреждать о том, что исследование той или иной природы, ограниченное узкой предметной областью, бесперспективно. «Величайшее невежество представляет собой исследование природы какой-либо вещи в ней самой» [3, с. 52, 36].

Для создания одной и той же формы могут использоваться различные материальные и движущие причины. Поэтому, как уже отмечалось, последние являются для Бэкона «второстепенными и преходящими». Чем шире открытый человеком диапазон материальных и движущих причин, тем обширнее и глубже его власть над материальным миром. Установка Бэкона на поиск универсального средства, позволяющего наделять тот или иной предмет изначально не при-

сущими ему свойствами, с одной стороны, указывает на влияние алхимической традиции [19], с другой — может рассматриваться в качестве теоретического основания возможности создания «второй природы» — мира искусственных предметов, призванных облегчить земное существование человека.

В ходе открытия «формы» исследуемой «природы» составляются три таблицы: присутствия, отсутствия, степеней. В «таблице присутствия» регистрируются разнообразные случаи проявления исследуемого свойства, причину которого ищут. Например, если мы исследуем причину теплоты, то в таблицу присутствия будут включены следующие явления: лучи солнца, молнии, пламя, раскаленные твердые тела, горячие источники воды, тела животных (всего Бэкон приводит двадцать семь примеров).

В «таблице отсутствия» регистрируются примеры, в которых исследуемое свойство не обнаруживается, хотя эти примеры по целому ряду параметров «родственны» случаям, вошедшим в «таблицу присутствия». Скажем, солнце сопоставляется с луной, раскаленные тела — с телами охлажденными, живые организмы — с трупами.

Указанные таблицы позволяют вычленить условия, при которых интересующее нас свойство наличествует. Но сосуществование выявленных нами условий и искомого свойства может оказаться случайным. В целях исключения этой ситуации составляется таблица степеней. Если среди выявленных условий есть такие, изменение которых вызывает соответствующие изменения искомого свойства, вероятность того обстоятельства, что данные условия образуют причину искомого свойства, резко возрастает.

Опираясь на содержание всех трех таблиц, переходим к поэтапному поиску компонентов, образующих «форму» исследуемой «природы». При этом особое значение имеют случаи, возможную гипотезу отвергающие. Тепло — небесный феномен? Нет, ведь и лучи земного происхождения обладают теплом. Может, это чисто земное явление? Нет, и солнце источает тепло. Но можно ли нагревать тело, не изменяя интенсивности движения мельчайших частиц, это тело образующих? Очевидно, нет. Таким образом, одним из необходимых компонентов «формы» тепла будет движение.

Суммируя гипотезы, для которых не нашлось опровергающего примера, получаем «форму» исследуемой «природы»: тепло есть хаотичное распространяющееся движение мельчайших материальных частиц, скованных определенными границами [3, с. 122].

Основным средством сокращения количества примеров, служащих посылами индуктивного умозаключения, является обращение к особым случаям, в которых исследуемая природа выступает в наиболее четкой и рельефной форме. Эти исключительные случаи именуются прерогативными инстанциями. Всего во второй части «Нового Органона» разбирается двадцать семь прерогативных инстанций. Их подробное описание составляет основную часть второй книги «Нового Органона». По своей гносеологической значимости прерогативные инстанции неравноценны [9, с. 66]. Наиболее важные из прерогативных инстанций следующие: «обособленные», «указующие», «переходные», «примеры креста».

«Обособленные» инстанции делятся на примеры в отношении сходства и примеры в отношении различия. Например, исследуется природа цвета. Обособленными примерами в отношении различия в этом случае будут разноцветные жилы мрамора, которые тождественны во всем, кроме самого цвета. Обосо-

бленным примером в отношении сходства может служить роса. Последняя не имеет ничего общего с подавляющим большинством прочих цветных предметов, кроме самого цвета.

В «указующих» примерах изучаемое свойство предстает в своих высших проявлениях [2, с. 126]. Скажем, при исследовании тяжести таковым будет ртуть, наглядно демонстрирующая, что форма тяжелого «зависит от количества материи, а не от плотности соединения» [2, с. 127]. В «переходных» инстанциях исследуемая природа переходит к зарождению либо к разрушению. При исследовании белизны таковой инстанцией будет целое стекло и толченное стекло. Форму белизны продуцирует раздробление стекла, вследствие которого его мельчайшие частицы преломляют лучи света под разными углами [2, с. 125].

Особого внимания заслуживают «примеры креста». Если одно и то же явление сопровождается сразу двумя конкурирующими факторами, — пример креста должен показать, наличие какого из них при исследуемой природе постоянно и неотделимо, а какого — непостоянно и отделимо. Фактор первого типа и будет причиной. Например, исследуется природа веса. Тяготение тел к центру Земли можно объяснять как их собственной природой, так и массой Земли. Берем часы, стрелки которых движутся гирями, и проверяем, влияет ли на скорость движения стрелок расстояние часов (гирь) от центра Земли. «Если обнаружится, что сила тяготения уменьшается на высоте и увеличивается под землей, то за причину тяготения нужно будет принять притяжение телесной массой Земли» [2, с. 155].

Не оспаривая существенного вклада, внесенного английским мыслителем в разработку средств повышения достоверности индуктивного вывода, отметим, что основная проблема индукции Бэконом не решается [13, с. 63]. Вопрос о правомочности перехода от известных случаев к случаям неизвестным, поднятый еще античными скептиками и заостренный в Новое время Юмом, остается открытым и поныне [21].

Наряду с традиционной индукцией, мишенью бэконовской критики является диалектика. В пространстве современной Бэкону философской культуры диалектикой называли, с одной стороны, общую теорию рассуждений, которая во времена господства схоластики постепенно трансформировалась в искусство спора [4, с. 156], с другой — обозначали сферу умозрительного познания. Критикуя диалектику, Бэкон имеет в виду оба эти смысла, тем более в универсуме средневековой мысли они были тесно переплетены друг с другом.

В первую очередь Бэкон обращает внимание на сомнительность базовых положений, к которым диалектика апеллирует. Последняя, по Бэкону, покоится на общепринятых мнениях, но мнение и истина — вещи разные [3, с. 17]. Кроме того, диалектические понятия абстрактны, а те, кто ими оперирует, «лишь бегло касаются опыта» [3, с. 15]. Те же, кто данные опыта учитывает, не заботятся о том, чтобы опыт этот был целенаправленным и «светоносным» [3, с. 35–36]. Не ускользает от Бэкона и тот факт, что диалектики, преувеличивая возможности умозрения, склоны «к преклонению перед первыми понятиями ума» [2, с. 72]. Надо полагать, речь идет об основных спекулятивных категориях: «единое», «многое», «часть», «целое», «бытие», «возможное», «подобное». Смысл этих понятий представляется самоочевидным, однако на деле нуждается в прояснении и наполнении конкретным «физическим» содержанием [2, с. 203].

Очевидны изъяны диалектики и в свете предлагаемых ее результатов. Она порождает «пышные споры» и вместо победы над природой довольствуется победой противника [2, с. 70]. Диалектика подчиняет мир умствованиям, а умствования словам [3, с. 35], тем самым выступая источником произвола в понятиях и аксиомах [3, с. 14]. Она способствует перескакиванию от фрагментарных единичных фактов к бессодержательным общим выводам, вокруг которых впоследствии ведутся бесплодные рассуждения [3, с. 15]. Бэкон сравнивает манипулирование диалектическими приемами с неэффективной «атлетикой» «голого разума» [3, с. 9].

Ярко выраженная антиметафизическая направленность учения Бэкона объясняет резко негативное отношение к воззрениям английского мыслителя со стороны Гегеля [5, с. 272]. Напротив, Кант в предисловии к во второму изданию «Критики чистого разума» именует Бэкона «проницательным». Правда, эта характеристика касается не собственно философских построений Бэкона, а его вклада в развитие естествознания. Не будем забывать, однако, что, Юм, «пробудивший» Канта от «догматического сна», принадлежал той самой традиции английского эмпиризма, у истоков которой стоял Бэкон [17, с. 517].

В контексте критики диалектики Бэкон уделяет специальное внимание разбору недостатков силлогизма. Особенностью дедуктивного вывода является 100% достоверность: из истинных посылок получаем истинный вывод. Однако дедуктивный вывод формален. Соблюдение правил силлогизма гарантирует истинность логическую, но не фактическую. Иными словами, если взять фактически ложные посылки и сделать из них корректный вывод, то последний будет истинен логически, но не фактически. На этот изъян и указывает Бэкон. «Ведь силлогизмы состоят из предложений, предложения — из слов, слова же — это знаки понятий; поэтому если сами понятия (которые составляют душу слов) будут плохо и произвольно абстрагированы от реальных явлений, то разрушится и все здание» [2, с. 284; 3, с. 14].

Силлогизм есть движение от общего к частному. Источником общих положений могут быть религиозные истины, истины разума или, наконец, результаты индукции [2, с. 283]. Однако, в соответствии с разделяемой Бэконом теорией двух истин, философствование не должно опираться на религиозные положения [3, с. 31]. И хотя английский мыслитель признавал существование универсальных истин [2, с. 200], однако ни о какой дедукции из них не могло быть и речи. Бэкон не отрицает «лестницы знаний» [2, с. 228], но полагает, что безопаснее и плодотворнее двигаться по ней в одном направлении — снизу вверх. Остается индукция, но традиционная индукция, как уже сказано выше, недостоверна.

И наконец, силлогизм не расширяет имеющихся знаний, поскольку в выводе мы получаем то, что уже содержалось в посылках. Основная же цель научных знаний, как она понимается Бэконом, не систематизация имеющегося, а открытие и использование нового [2, с. 280]. Как и Декарт, Бэкон акцентирует внимание на проясняющей функции силлогизма — эвристическая значимость данного вида умозаключений равна нулю [7, с. 110].

Мы реконструировали основные компоненты теории познания Ф. Бэкона: критику традиционной научной парадигмы, концепцию идолов, принцип взаимосвязи чувственного и рационального познания, учение об индукции. Бэкон погружается в рассмотрение этих вопросов ровно настолько, насколько это исследование может способствовать достижению практических результатов. Бесплодные теоретические глубины английского лорд-канцлера не интересуют.

Превалирование практического интереса отличает Бэкона не только от его античных предшественников, таких как Демокрит или Аристотель, но и от его современников, будь это Декарт, Спиноза или Юм. Все они стремились добраться до последних оснований бытия, познания и смысла человеческого существования, независимо от того, к каким приобретениям или потерям поиск приведет. В идейном универсуме Бэкона истина есть «дочь времени» [3, с. 48] и по своей сути тождественна пользе [3, с. 77].

В опыте современной философской рефлексии (трансцендентализм, феноменология) опорные пункты бэконовской мысли («естественная установка», «теория отражения», эссенциализм) выглядят в лучшем случае неоправданными догматическими допущениями. Но Бэкон и не претендовал на роль спекулятивного мыслителя. Он видел свою задачу в утверждении новой парадигмы знания — знания, лишённого экзистенциально-метафизического измерения, и вместе с тем открытого, гибкого, чреватого новшествами и изобретениями. И в этом отношении Ф. Бэкон по праву занимает одно из первых мест в ряду идейных вдохновителей современной технической цивилизации.

Список литературы

1. *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 2. - М., 1978.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. - М., 1977.
3. *Бэкон Ф.* Сочинения в 2 т. Т. 2. - М., 1972.
4. *Виндельбанд В.* История новой философии - М., 2000.
5. *Гегель*. Лекции по истории философии. Книга третья - СПб, 1994.
6. *Городенский Н. Г.* Франциск Бэкон, его учение о методе и Энциклопедия наук. - Сергиев Посад. 1915.
7. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. - М., 1989.
8. *Котарбиньский Т.* Программа Бэкона //Избранные произведения - М., 1963.
9. *Лопатин Л.М.* Лекции по истории новой философии - М., 2010.
10. *Маковельский А.О.* История логики - Жуковский-Москва, 2004.
11. *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной - М., 2011.
12. *Метафизика на переломе времен* //сб. материалов регионального научно-практического семинара, посвященного 450-летию Ф. Бэкона и 415-летию Р. Декарта, 21–22 февраля 2011 г. - Мурманск: Мурманский гос. университет, 2011.
13. *Рассел Б.* История западной философии - М., 1993.
14. *Торубарова Т.В.* Ф. Бэкон и его программа восстановления наук //European social science journal. 2014. №2.
15. *Субботин А.Л.* Френсис Бэкон и принципы его философии //Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Вст. статья - М., 1977.
16. *Секст Эмпирик.* Сочинения: в 2 т. - М., 1976.
17. *Фишер К.* История Новой философии. Френсис Бэкон - М., 2003.
18. *Luciano Floridi.* The Rediscovery and Posthumous Influence of Scepticism // <http://www.philosophyofinformation.net/publications>
19. *Cintas Pedro.* Francis Bacon: an alchemical odyssey through the Novum Organum http://www.scs.illinois.edu/~mainzv/HIST/bulletin_open_access/v28-2/v28-2%20p65-75.pdf

20. *Klein Jürgen*. Francis Bacon //Stanford Encyclopedia of Philosophy. [http: // plato.stanford.edu/entries/francis-Bacon/#SciMetNovOrgTheInd](http://plato.stanford.edu/entries/francis-Bacon/#SciMetNovOrgTheInd)
21. *Vickers John* The problem of induction // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [http: // plato.stanford.edu/entries/induction-problem/#ConNotInd](http://plato.stanford.edu/entries/induction-problem/#ConNotInd)

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА НА РЫНКЕ ТРУДА

HUMANITARIZATION OF EDUCATION AS A FACTOR IN THE SUCCESS OF YOUNG SPECIALIST IN THE LABOUR MARKET

ОРЕХОВСКАЯ Наталья Анатольевна – доктор философских наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе МГТЭУ (e-mail: orehovskaya@yandex.ru).

OREHOVSKAYA Natalia A. - Ph.D., associate professor, Vice-rector for Science and Research MGGEU (e-mail: orehovskaya@yandex.ru).

Аннотация. Цель статьи состоит в выявлении взаимосвязи между общекультурной компетентностью и профессиональной успешностью специалиста. Ведущей идеей исследования выступает теория гуманитаризации профессионального образования. Автором представлены данные социологического опроса, посвященного определению общекультурного уровня студентов. В статье показана необходимость повышения уровня общекультурных компетенций у большинства современных студентов, которая обеспечит не только мотивацию к процессу овладения профессиональными знаниями, но и повысит вероятность успешной самореализации на рынке труда.

Ключевые слова: образование, гуманитаризация, рынок труда, профессиональная деятельность, молодой специалист

Summary. The purpose of the article is to identify the relationship between the general cultural competence and professional success technician. The main idea of research supports the theory of vocational education humanization. The author presents the findings of a sociological survey on the definition of the general cultural level of the students. The article shows the need to raise the level of general cultural competence in most of today's students, which will provide not only a motivation to the process of mastering the professional knowledge, but also increase the likelihood of successful self-realization in the labor market.

Keywords: education, humanization of the labor market, professional activity, young professional

Изучая и анализируя современное поколение студенческой молодежи многие исследователи, все чаще приходят к выводу о том, что та культура, которая всегда считалась неотъемлемой чертой образованного человека, уходит из молодежной среды. Сокращение числа читающих школьников и студентов породило проблему дефицита общекультурных компетенций, необходимых для функционирования студента в образовательной среде высшего учебного заведения и далее в профессиональной деятельности [3]. Речь идет о редукции языковой компетенции, т.е. о функциональной неграмотности, которая выражается, в частности, в неспособности студентов конспектировать лекции, самостоя-

тельно структурировать содержание учебного текста, применять элементарные понятия как общенаучного, так и специального характера. То же самое касается любой другой информации, получаемой молодыми людьми, так, например, по данным исследования «Влияние СМИ на молодежь» лишь немногим более половины студентов полностью понимают современную лексику (55,6%), в то время как для 37,9% респондентов «какие-то слова остаются непонятными» [6].

Наряду с описанными выше изменениями в системе российского высшего образования имеет место резкое разделение и даже противопоставление гуманитарной и технико-технологической сфер деятельности и мышления, в силу чего деятельности современного инженера практически не коснулся гуманистический дух творчества [9]. Именно поэтому гуманитаризация образования вообще, и особенно технического, является одной из первоочередных задач для российской высшей школы.

Фактически только гуманитарные дисциплины в системе образования сегодня имеют воспитательный потенциал и способствуют развитию в студенте человеческого начала: нравственности, ответственности, совести, толерантности и т.д. Мы согласны с О.И. Кирсановым [10], стоящим на позиции гуманитаризации образования, в том, что изучение гуманитарных наук на всех ступенях образования, от начального до высшего, всегда было фактором формирования целостной личности, способной понимать конечный общественный смысл своей профессиональной деятельности и отличать его от сиюминутных конъюнктурных интересов и целей.

Гуманизация технических, технологических и экономических специальностей дает возможность решить две неизменно важных задачи высшего образования: обеспечить сохранение глобального жизнеобеспечения человечества и повышение реальной ценности каждого человека.

Несмотря на значимость гуманизма, и гуманитарных наук в целом следует обратить внимание на то, что современное высшее образование не уделяет должного внимания гуманитарному аспекту. В значительной степени это объясняется тем, что общество все более ориентируется на бизнес-ценности, так называемые «полезные знания». Студенческая молодежь, приходя в технические, технологические или экономические университеты, ориентирована на получение таких знаний, ошибочно рассчитывая на то, что они обеспечат эффективный и быстрый доступ к источникам капитала [18]. В этом свете гуманитарные дисциплины оказываются «лишними», необязательными. Дегуманизация общества и дегуманизация технического университетского образования, таким образом, переплетены между собой. Современные университеты все больше превращаются в корпорации, в которых применяются «эффективные» управленческие практики, целью которых выступают не повышение качества образования, а сокращение издержек, оптимизация и процесса обучения, и системы управления для получения финансовой прибыли [11]. В результате мы получаем: неподготовленных к освоению университетской программы студентов, рост числа так называемых «необучаемых» студентов, но имеющих возможность оплатить образование, т.е. принести прибыль образовательному учреждению [1], и как итог - низкоквалифицированных молодых специалистов, пополняющих ряды безработных.

С развитием науки, техники, технологии обучения, хранения и передачи информации образовательный потенциал общества растет. В этой связи растет и

уровень требований, предъявляемых к системе образования в целом. Вместе с тем, российские работодатели говорят о необходимости и нехватке специалистов творческих, высокообразованных, т.к. только при наличии таких успешных работников можно говорить о модернизации производства, повышении делового имиджа компаний и страны в целом [21]. Это может быть достижимо при условии внедрения принципа гуманитаризации образования через междисциплинарный подход, способствующий формированию у студентов нестандартности мышления, способности решать комплексные проблемы, возникающие на стыке различных областей, видеть взаимосвязь фундаментальных исследований, технологий и потребностей производства и общества, уметь оценить эффективность того или иного новшества, организовывать его практическую реализацию [15].

Прежде всего, необходимо определить понятие «гуманитаризация образования» [20]. Представим два подхода к раскрытию данной дефиниции. Первый определяет гуманитаризацию образования как систему мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и таким образом на формирование личностной зрелости обучающихся. Второй, и автор разделяет эту точку зрения, - рассматривает гуманитаризацию образования через призму ориентации на освоение содержания образования независимо от его уровня и типа, позволяющего с готовностью решать главные социальные проблемы на благо и во имя человека; свободно общаться с людьми разных национальностей и народов, любых профессий и специальностей; хорошо знать родной язык, историю и культуру; свободно владеть иностранными языками; быть экономически и юридически грамотным человеком [14].

Гуманитаризация образования вступает как фактор профессиональной успешности молодого специалиста на рынке труда по следующим причинам:

1. Молодой специалист должен быть носителем культуры, способным с позиции профессиональной культуры оценить общечеловеческие последствия тех или иных изменений в сфере техники, технологий и экономике.
2. Конкурентоспособность современного специалиста зависит не только от овладения студентом будущей специальностью, но и от его разносторонней гуманитарной культуры, творческого мышления, воспитанности.
3. Гуманитарные дисциплины формируют глобальность мышления, способность к анализу различных информационных потоков, готовность к творческому решению проблем — это важнейшие характеристики человека, способствующие профессиональной и личной успешности.

Проблема состоит, во-первых, в том, что существует противоречие между запросом, диктуемым рынком труда и реальными возможностями выпускников университетов. Во-вторых, имеется существенное влияние рыночных механизмов на систему образования, в том числе, и ее ориентация на расширение платных услуг. Университеты превращаются в корпорации, применяя такие практики управления персоналом, которые имеют своей целью не повышение качества обучения, а сокращение издержек и получение прибыли. В-третьих, образование становится обязательной процедурой, в которой главную роль начинает играть платежеспособность студента, а не его знания [2].

Для решения поставленной нами задачи данной статьи необходимо четко определить, что мы понимаем под «успешностью». Успешность — способность и умение достигать успеха [5]. Успешный человек — человек, достигающий своих

целей, ощущающий это сам и имеющий в этом признание окружающих. Каждый успех — это чувство удовлетворения и положительных эмоций. Способность вызывать положительные эмоции не только у себя, но и у окружающих [7].

Под профессиональной успешностью понимается совокупность позитивных результатов, накопленных в течение карьеры. Таким образом, успешность на рынке труда молодого специалиста, выпускника системы профессионального и высшего образования заключается в адаптации на рынке труда, то есть нахождении полноценного рабочего места - вакансии, которая соответствует профессии и уровню квалификации молодого человека, устраивает его по условию и режиму труда, уровню заработка, возможности карьерного роста и самореализации.

Академик М.К. Горшков в своем аналитическом опыте социологической диагностики «Российское общество как оно есть» формулирует факторы [4], влияющие на успешность молодого специалиста на рынке труда:

1. Высокий уровень образования. Статистические данные показывают, что чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости и ниже безработица. В 2010 году уровень занятости среди населения с высшим профессиональным образованием составил 81%. Более трети респондентов (37%) [4], уже сумевших сделать карьеру, приходится на обладателей двух высших образований.
2. Наличие высокой квалификации и знаний, так полагает 50% опрошенных молодых людей [13].
3. Готовность трудиться с полной отдачей сил (28%) [17].

Таким образом, мы делаем вывод, что наличие всесторонней подготовки (общекультурной и профессиональной) дает молодому специалисту больше возможности для профессиональной самореализации. Более трети успешных молодых специалистов получают два и более образования в разных областях знаний. Современному специалисту-инженеру или экономисту уже недостаточно только узких знаний по специальности, ему необходимы знания в области управления, коммуникации, менеджмента, философии и культурологии. К сожалению, современная система профессионального и высшего образования не в состоянии вооружить в полной мере комплексом этих знаний студента. Чаще всего второе высшее образование приходят получать уже квалифицированные специалисты в возрасте от 25 и старше, проработавшие определенное время по своей первой специальности. Основания для этого следующие:

1. Карьерный рост. Многие при появлении возможности продвижения по служебной лестнице сталкиваются с такой проблемой, когда для получения более высокой должности необходимы дополнительные знания.

2. Поиск высокооплачиваемой работы. Современному работодателю выгоднее нанять сотрудника, способного выполнять должностные обязанности сразу нескольких специалистов. Для организации, например, намного выгоднее платить более высокую зарплату менеджеру, который владеет знаниями в юриспруденции и самостоятельно решает с клиентом все юридические вопросы, чем брать на работу юриста и оплачивать двух сотрудников. В наше время особенно в крупных городах эта тенденция стала очень распространенной, предприятия все чаще предлагают обладателям двух дипломов более высокую зарплату. И это, безусловно, является сильной мотивацией для нынешних выпускников вузов, которые сразу же после получения диплома поступают на фа-

культет второго высшего для получения еще одного образования или получают второй диплом параллельно.

3. Углубление знаний в своей профессиональной сфере. Соответственно, специальность при выборе должна быть смежной с первой. Что дает на практике углубление знаний? Во-первых, это повышает уровень профессионализма специалиста, во-вторых, закрепляет его профессиональные позиции на уже занимаемой должности.

При работе над статьей использовались материалы социологических опросов ВЦИОМ, института социологии РАН, данные культур-диагностики в режиме социологического мониторинга Лаборатории социологических исследований Московского энергетического института под руководством Андреева А.Л. [1], а также данные полученные в результате исследования Ореховской Н.А. и Гаврилиной Е.А. на тему «Кругозор студентов первого курса МГТУ им. Н.Э. Баумана» [14], проведенного методом анкетирования, при кластерном типе выборке. Кроме массового опроса студентов (выборка составила 1459 человек) были проведены фокус-группы и глубинные интервью с экспертами рынка труда, работодателями крупных промышленных предприятий Москвы, Казани, Санкт-Петербурга, с начальниками конструкторских бюро Самары, владельцев крупного и среднего бизнеса Екатеринбурга и Белгорода.

Исследование обнаружило весьма скромные познания студентов не только в рамках знаний школьной программы, но и в тех сферах, которые непосредственно относятся к их будущей профессии. Это при том, что $\frac{3}{4}$ опрошенных – выпускники специализированных школ, лицеев и гимназий. Так, назвать известных российских ученых смогла только половина опрошенных, а вспомнить знаменитых русских инженеров не смогли более 60% респондентов [14].

Так, например, студенты-гуманитарии лучше идентифицировали выдающихся ученых, в том числе естествоиспытателей. Правда, разрывы здесь были далеко не столь разительными, как отмеченные выше. Но все же в гуманитарных вузах Н. Бор, Н. Винер, Н.И. Вавилов оказались более узнаваемыми, чем в технических. Единственный, кого будущие инженеры знали чуть лучше, это известный советский математик А.Н. Колмогоров. Зато Лобачевского в гуманитарных вузах правильно идентифицировали 70% опрошенных, а в технических - только 60% [14]. И это отнюдь не случайность: к сожалению, с историей отечественной науки и техники в их наивысших достижениях будущие российские авиаконструкторы, энергетики, программисты, инженеры связи знакомы явно недостаточно. Только 43% студентов технических вузов знают, что В.И. Вернадский был именно ученым, тогда как среди студентов-гуманитариев правильных ответов по этому пункту оказалось на 30% больше [14]. Одного из основоположников российской генетики Н.И. Вавилова знают 48% студентов технических вузов и 64% гуманитариев, а великого физиолога И.П. Павлова соответственно 68% и 83%. Однако, может быть, самым важным среди полученных результатов является то, что все поддающиеся сопоставлению «именные» индикаторы в 2013 г. резко упали. Например, В.И. Вернадского в 2002 г. правильно идентифицировали почти 82% студентов, а в 2013 г. — чуть больше 48%. Даже по С.П. Королеву налицо примерно 17-процентное снижение общего числа правильных ответов [14].

Несколько лучше дело обстоит со знанием российских писателей и поэтов.

Таблица 1

	Writers		Poets	
1.	Tolstoy L.N.	75,5%	Pushkin A.S.	87,5%
2.	Dostoevsky F.M.	52,5%	Lermontov M.Y.	54,5%
3.	Bulgakov M.A.	37%	Mayakovsky V.V.	46%
4.	Gogol N.V.	35%	Yesenin S.A.	44,5%
5.	Pushkin A.S.	29%	Block A.A.	34%
6.	Chekhov A.P.	27%	Akhmatova A.A.	34%
7.	Turgenev I.S.	24,5%	Tsvetaeva M.I.	26,5%
8.	Solzhenitsyn A.I.	17%	Fet A.A.	22,5%
9.	Gorkiy A.M.	16%	Tiutchev F.I.	16,5%
10.	Sholokhov M.A.	13%	Nekrasov N.A.	88%

Из табл. 1 видно, что первые десять позиций занимают авторы, чьи произведения включены в школьную программу. Современная российская проза была представлена такими авторами как Д. Донцова и Т. Устинова. Лишь 1% опрошенных вспомнили детских писателей В. Бианки, В. Драгунский, С. Михалков, Н. Носов. Вместе с тем, обращает на себя внимание и колоссальный разрыв между первой и десятой позициям [14].

Анализ знаний студентов в других областях показывает, что наибольший интерес у них вызывает музыка и история.

Обратимся к табл. 2. Приведенные данные показывают, что уровень общей эрудиции респондентов, выходящий за рамки школьной программы, весьма хаотичен. В нем ярко выделяются области с «провальными» знаниями. А ведь еще у поколения родителей современных студентов эти знания входили в круг «это должен знать каждый культурный человек». На лицо резкое падение общекультурных компетенций.

Таблица 2

**Назовите российских военачальников, художников,
композиторов, педагогов**

Warlord	Zhukov G.K.	70,5%
	Kutuzov M.I.	67,5%
	Suvorov A.V.	55,5%
Artists	Shishkin I.I.	52,5%
	Aivazovsky, I.K.	38%
	Malevich K.S.	35%
Composers	Tchaikovsky P.I.	79%
	Glinka M.I.	34,5%
	Mussorgsky M.P.	27%
Teachers	Makarenko A.S.	13,5%
	Sukhomlinsky V.A.	1,5%
Doctors	Pirogov N.I.	26,5%
	Sklifosovsky N.V.	18%
	Sechenov I.M.	18%

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на интерес к истории, по словам самих же студентов - особенно к военной истории, первые позиции в анкетах занимают имена военачальников, наиболее часто упоминаемые в СМИ и в школьных учебниках. Подавляющее большинство респондентов (70,5%) называют имя Г.К. Жукова, а в числе других имен полководцев Великой Отечественной войны упоминают Рокоссовского (13%), Сталина (12%), Конева (4,5%), Катукова, Говорова, Василевского (по 1%!) В первую тройку по частоте упоминаний входят также великие русские полководцы М.И. Кутузов (67,5%) и А.В. Суворов (55,5%) [14], но какие крупные сражения ими были выиграны, какие победы одержаны? За какие заслуги Суворову присвоено высшее воинское звание генералиссимус? Ответы на эти вопросы остаются для вчерашних выпускников школы «за кадром»! В лучшем случае проводится ассоциация между М.И. Кутузовым и Наполеоном. В событиях и персоналиях, причастных к этим событиям, выявляется путаница, граничащая с полным незнанием исторического материала об Отечественной войне 1812 года. Менее 10% опрошенных указали полководцев разных исторических времен, начиная с А. Невского (12,5%) [14], заканчивая упомянутыми выше полководцами Великой Отечественной войны. Это говорит об отсутствии системности в историческом знании, которая очень часто усугубляется компьютерными играми. К сожалению, увеличивается число студентов, которые черпают «знания» об исторических событиях и фактах из компьютерных игр, порой ссылаясь и приводя их в качестве источника информации.

Обращает на себя внимание тот факт, что первые строчки анкет респондентов занимают имена тех композиторов, военачальников, художников, которые, как говорится «на слуху». Но знание имен не дает нам уверенности в том, что студенты знают название музыкальных произведений или смогут вспомнить картины того или иного художника. По словам самих же студентов, они без особой охоты посещают музеи, выставки, театры. Чаще всего делая это формально по необходимости, т.е. по заданию преподавателя, мотивируя свою позицию отсутствием интереса к данным видам искусства. Некоторые студенты готовили мини-выступления о творчестве того или иного композитора с использованием музыкальных фрагментов из его произведений. Надо отметить, что такая спонтанная инициатива сокурсников вызвала неподдельный интерес у студенческой группы.

Но если имена военачальников, художников и композиторов вспоминает основная масса студентов, то вот имена российских врачей и педагогов, судя по данным опроса, знакомы не многим. Чуть более четверти респондентов смогли назвать русских врачей, ориентируясь по современным медицинским учреждениям, носящим их имена. Просьба, вспомнить какими открытиями или чем знамениты эти люди, вызвала у респондентов большие трудности.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1. Наблюдения показывают, что словарный запас студентов ограничен, речь подавляющего большинства однообразна и изобилует жаргонизмами, а даваемые оценки находятся в «черно-белой» плоскости, это свидетельствует об отсутствии аналитического мышления. Студенты часто не способны обсуждать и высказываться по вопросам современной политики, философским проблемам, пытаясь свести глобальные вопросы к бытовым проблемам. происходит примитивизация не только учебного материала,

но и мировоззрения молодого человека в целом, что не может не сказываться самым негативным образом на способности стратегически мыслить в сфере профессиональной деятельности, а значит и на востребованности и конкурентоспособности на рынке труда.

2. Исторические знания многих вчерашних школьников носят разрозненный, эпизодический характер. Студенты с большим трудом могут сопоставить события, происходившие в одно и то же время в России и других странах, выделить причинно-следственные связи, проанализировать и выделить последствия различных исторических фактов. Несформированность системы исторического знания, может говорить только о близорукости, потому что является очень опасной тенденцией в процессе формирования личности молодого человека. У него не только не развивается аналитическое и стратегическое мышление, так необходимое каждому, кто видит себя успешным человеком и высоким профессионалом своего дела, но главное, у молодого человека происходит трансформация ценностных ориентаций. В этом случае при любом социальном или политическом потрясении можно с высокой долей уверенности прогнозировать вспышку агрессии и интолерантного поведения. На практике это выражается, например, в исчерпывающем переводе в массовом сознании людей понятия патриотизма из нравственно-гуманитарной сферы в сферу национализма и экстремизма, в превращении патриотизма в разменную карту политической борьбы, что чревато расколом общества, обострением конфронтации.
3. На наш взгляд можно говорить о шаблонности знаний молодежи. Отсутствие интереса к чтению художественной литературы, посещению концертов классической музыки, выставок и театров вызвано недостатком культурной практики, не умением понимать увиденное, не желанием размышлять и анализировать глубину художественного или музыкального произведения. Необходимо отметить, что часть студентов во время обучения в общеобразовательной школе получали и дополнительное образование: занимались в музыкальных или художественных школах, кружках моделирования и технического творчества, театральных студиях. Они демонстрируют более высокий уровень общекультурной образованности, находят время на чтение художественных книг, посещение выставок, концертов и театров.

Рассчитанный нами коэффициент корреляции (для 40% студентов, принявших участие в исследовании) продемонстрировал явную зависимость между общим уровнем культуры и успешностью в освоении рабочих программ. Так из группы опрошенных около 30% освоивших программу на хорошо и отлично $\frac{3}{4}$ закончили музыкальную или художественную школу.

Проведенный нами всесторонний анализ различных социологических исследований позволяет утверждать, что в современных условиях уровень образования во многом способствует возможности молодых людей успешной самореализации в профессиональной деятельности. Более трети респондентов (37%), уже сделавших карьеру, имеют два высших образования. Отсутствие же планов по достижению успеха в сфере профессиональной деятельности характерно для лиц, не имеющих высшего образования и обладающих низким социально-профессиональным статусом, наибольшая доля их приходится на группы с начальным и неполным средним образованием – 84% и 58% соответственно против 27% фиксируемых в группе получивших два высших образования [4].

Как отмечает Е.А. Гаврилина, исследования жизненного и профессионального пути молодых людей и выпускников школ показывает, что чем выше у людей уровень образования, тем больше они стремятся его повысить [3]. Другими словами, стремление молодежи к повышению уровня образования, бесспорно, свидетельствует о возрастающей роли образования как ценности.

Одной из целей высшего образования является стремление дать достаточные знания студентам, которые будут необходимы не только в профессиональной деятельности и успешной конкурентоспособности на рынке труда, но и в повседневной жизни в целом. Помимо получения количественного объема знаний, важен и их качественный аспект. Именно поэтому мы говорим о компетенциях и прежде всего, о компетенциях общекультурных. То, что в обиходе принято называть не вполне строгим понятием «общей культуры», выступает при этом как естественная база для систематического, институционально организованного обучения. По мере расширения круга освоенных человеком знаний и способов деятельности она расширяется, углубляется или трансформируется. Однако на характер «общей культуры» влияют и не связанные прямо с образованием факторы социальной жизни, в частности, разнообразные информационно-коммуникативные взаимодействия, и это влияние нередко перекрывает воздействие образования [2]. Управление успешностью молодого специалиста на рынке труда имеет двойственный эффект, который состоит в обоюдной выгоде работника, с одной стороны, и компании, с другой. Молодой специалист в результате получает стабильную работу, достойное материальное вознаграждение и возможность самореализации как профессиональной, так и личностной. Компания же получает работника с высокой степенью лояльности к интересам организации, повышение производительности труда специалиста, уменьшение текучести кадров и более полное раскрытие способностей человека.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Культурные предпочтения современного российского студенчества //Мониторинг общественного мнения.-2008, №2 (86).- 107-117.
2. Андреев А.Л. Студент и культура: информация к размышлению // Высшее образование в России. М., 2004. №4.
3. Гаврилина Е.А. Объектно-документальный анализ как средство повышения когнитивной компетентности студентов. - Наука и образование: электронное научно-техническое издание. - №5, 2012. Режим доступа: <http://technomag.bmstu.ru/doc/400975.html> (дата обращения: 27.04.2016).
4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики)/М.К. Горшков – М.: Новый хронограф, 2011.С. 408.
5. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта - М.: Альпина Бизнес Бук, 2005.
6. Денисова-Шмидт Е.В., Леонтьева Э.О. Категория «необучаемых» студентов как социальный феномен университетов (на примере дальневосточных вузов) //Социологические исследования, 2015, №9. С.86-93.
7. Друкер Ф. Питер. Энциклопедия менеджмента.: Пер. с англ. — М.: Издательский дом «Вильямс», 2004.
8. Жилавская И.В. Медиаобразование молодежной аудитории: монография. Томск: ТИИТ, 2009. С. 287.

9. *Иванова М.А.* Проблемы и перспективы развития гуманитарного образования в технических вузах /Россия в ВТО: проблемы, задачи, перспективы. Сборник научных статей, вып. 13 /под общей редакцией проф. В.В. Тумалева – СПб.: НОУ ВПО «Институт бизнеса и права», 2012.
10. *Кирсанов О.И., Кирсанова Е.С.* Гуманитарные науки в инженерно-техническом вузе и проблема воспитания.- Высшее образование в России. - № 8-9.- 2012.С. 104-109.
11. *Козлов Н.И.* Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека. М.: АСТПРЕСС, 2003.
12. *Orehovskaya N.A.* Problems of youth unemployment in Russia. Differences, Inequalities and Sociological Imagination: View from Russia / Editor-in-Chief V.Mansurov, Moscow, 2015. – p.311-316. CD ROM.
13. *Ореховская Н.А.* Испытание безработицей. Этносоциум и межнациональная культура.- 2013.-№11(65).-С.100-104.
14. *Ореховская Н.А.* Об общей культуре первокурсника технического вуза. Высшее образование в России.-2014.-№3.-С.-135-139.
15. *Ореховская Н.А.* Тренинг как форма обучения в высшей школе. Казанский педагогический журнал.-№6.Ч.2.-2015.-с.287-290.
16. *Синк Д.С.* Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение [пер. с англ.] /Д.С. Синк — М.: Прогресс, 1989.
17. *Тюрина И.О.* Двадцать лет реформ: взгляд на занятость //Служба занятости. 2011. №9. - С.50-59.
18. *Хаммер Я.С.* Профессиональный успех и его детерминанты // Вопросы психологии. 2008. No 4. с. 147—153
19. Концепции гуманизации и гуманитаризации в техническом университете.- Педагогика и психология высшей школы./под. ред. М. В. Булановой-Топорковой: Учебное пособие. - Ростов н/Д:Феникс, 2002.
20. Педагогический словарь. Режим доступа: <http://enc-dic.com/pedagogics/Gumanitarizacija-Obrazovanija-445/> (дата обращения 25.02.2016).
21. Каждый четвертый россиянин сталкивается с дискриминацией в сфере труда. Режим доступа: <http://www.betapress.ru/personnel/2543.html> (дата обращения 25.02.2016).

ЧЕЛОВЕК В МЕДИАТИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

HUMAN IN A MEDIATIZING POSTMODERN WORLD: ANTHROPOLOGICAL MEANINGS AND SOCIAL IMPLICATIONS

ЧИСТЯКОВА Ольга Васильевна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной и творческой работе Российской государственной специализированной академии искусств (РГСАИ). Профессор кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (РУДН) (e-mail: olgachis@yandex.ru).

CHISTYAKOVA Olga Vasilievna – Doctor of Science in Philosophy, Professor, Vice-Rector (Prorector) on Scholarly and Creative Activity. Russian State Specialized Academy of Art. Professor of the Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences. Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: olgachis@yandex.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются принципы информационного воздействия масс-медиа на человека эпохи постмодерна, обозначаются социальные и антропологические следствия этого влияния. Особое внимание уделяется выделению характерных признаков информационного общества, медиатизации социального, «второй» в терминах Э. Гидденса, медийной, реальности, в которую человек включен производителями и трансляторами информации независимо от его воли и сознания. Затрагивается проблема получения объективного знания в непрерывном информационном потоке. Анализируются концепции симуляционного мира Ж. Бодрийяра, общества спектакля Ги Дебора, «модернити» и «постмодернити» З. Баумана, мифологического коммуникационного мира Р. Барта. Автор делает акцент на рациональных и идентификационных возможностях человека, находящегося под постоянным воздействием масс-медиа.

Ключевые слова: масс-медиа, постмодерн, информационное общество, массовые коммуникации, симуляция, гиперреальность.

Summary. The author discusses the informational impact of media on a postmodern person, designates social and anthropological implications of such impact. Particular attention is paid to the allocation of the information society features, social mediatization, «second» (A. Giddens) - media – reality, in which a person is included by the information producers and transmitters regardless of his own will and consciousness. The author addresses the issue of obtaining objective knowledge in an endless consistent flow of information. The author analyses Jean Baudrillard's concept of a simulation of the world, Guy Debord's Society of the Spectacle, Zygmunt Bauman's modernity and postmodernity, Roland Barthes' concept of a mythological mediaworld. The author stresses human rational and identification capabilities, who is found under the constant influence of the media.

Keywords: media, postmodern, information society, mass communications, simulation, hyperreality.

Обо мне говорят – следовательно, я существую
З. Бауман

Проблема человека всегда была и остается ключевой в гуманитарных науках. Однако особое внимание к антропологическим образам, смыслам и конструктам философская мысль проявляет лишь в некоторые исторические периоды. Иерусалимский философ Мартин Бубер отмечал, что в некоторые эпохи продуцируется множество теорий о человеке, а иногда они не появляются вовсе. С чем это связано? Мыслитель считал, что существуют исторические периоды «обустроенности» и «бездомности» человека. Когда окружающий мир представляется благополучным, обжитым и гостеприимным, то глубоких учений о человеке может и не возникнуть. Лишь эпохи кажущейся «бездомности», неустроенности, богооставленности – когда обостряются чувства одиночества, неуверенности, личностного краха – заставляют мыслителей обращаться к проблеме человека. Именно тогда и возникают глубокие и талантливые философско-антропологические учения.

Состояние общества в постсовременность, или постмодерн, характеризуется определенной «бездомностью» и заброшенностью человека. Личность оказывается в ситуации «как бы не у себя дома» в стремительно меняющемся мире с убыстренным течением социального времени, «детерриторизацией» пространства и культуры. Устремленность социума в будущее, размытость и «текучесть» (З. Бауман) реальности, бесконечная циркуляция медийных потоков, затрудненность личностной самоидентификации в усложняющемся многообразии мира выявляют проблему выбора жизненных ориентаций человека. Потому постсовременность требует создания специальных антропологических концепций в новых аналитических формах, учитывающих существенные изменения, произошедшие в мире.

В этом плане философия постмодернизма, осуществляя социально-философский анализ общества предлагает новую, своеобразную модель мира, а также обосновывает способы жизнедеятельности человека в этом мире. Создаваемые антропологические образы достаточно интересны и связаны с теми радикальными трансформациями, которые претерпели современные общества в последние десятилетия. Обозначим некоторые концептуальные философско-антропологические построения теоретиков постмодернизма.

Постмодернизм, как особая форма философии конца XX – начала XXI столетия, проводит разделительную границу с периодом Просвещения в его выделении личности как «целостно-центричного существа, унифицированного индивида с единством разума, сознания и деятельности» [11, с. 97]. В модерне человек и его уникальность со множеством субъективных характеристик концентрировались в определении понятия «личность». В постмодернизме субъективность растворяется в социальности, которая также исчезает, превращается в иные формы, дает рост чему-то принципиально иному. «Индивид социально контекстуализируется, возникает новое функциональное единство «человек-и-его-окружение» [5, с. 180].

В сопоставлении с предшествующим модерном, человек постмодерна – радикально другой, более того, он являет собой феномен новой модели жизни. В учениях постмодернистов субъект «делится» на множество функций, плоскостей, социальных и личностных ролей, что, возможно, связано с разделением

общественной жизни на различные сферы (политика, экономика, культура), которые ослабляются, растворяются, превращаются в другие типы, становятся «эфмерными» (Ж. Бодрийяр), медиа-мифологическими. Вступают в права «языковые игры» и языковые нарративы (Ж.Ф. Лиотар), бесконечные информационные потоки овладевают сознанием человека. Свобода и субстанциональность человека в постмодернизме также отходят на второй план.

Что же становится определяющим, сущностным, что влияет на индивида и его жизнь в постсовременную эпоху?

Прежде всего, в рассмотрении социальной сферы постмодерна «надо исходить из того, что человек этой эпохи включен в коммуникационные отношения иного характера, нежели в период модерна. Сегодня субъект вовлечен в бесконечно циркулирующие потоки информации, для производства и передачи которых и создавались средства, которые даже терминологически отражают их назначение: «средства массовых коммуникаций», «масс-медиа», «средства массовой информации». В 1920-30-е гг. «ранние» масс-медийные структуры (газеты, журналы, кино, радио), как и их продукты, формировались для широкого, массового, потребления [9, с. 155].

Отметим, что и сами средства массовой информации, возникшие в начале двадцатого века в результате социокультурных трансформаций на международной арене и оказавшиеся вовлеченными в общественную жизнь западных национальных государств, уже к началу XXI столетия, радикально изменились в связи с расширяющейся глобализацией. Вместо так называемых «традиционных» масс-медиа возникли новые, цифровые, медиа, основанные на сетевом распространении информации. Во многом благодаря мгновенной и непрерывной передаче сообщений цифровые медиа быстро приобрели статус социального института нового типа и стали определять как жизнедеятельность всего общества, так и жизнь каждого человека. Эпоха постмодерна сформировала самодостаточную и самофункционирующую (аутопойетическую в терминах Н. Лумана) систему по производству и передаче информации, которой не существовало даже в середине прошлого века. Подобного рода информационная машина формирует общественное сознание, одновременно скрыто манипулируя им и предоставляя реципиентам информации иллюзорные феномены «общественного мнения», зачастую «симулятивные», «гиперреальные» (Ж. Бодрийяр), относящиеся ко «второй», искусственно созданной медийной реальности (Э. Гидденс). Потребление непрерывно поступающей информации практически исключает критический анализ, рефлексию того, что преподносят масс-медиа. Таким образом в обществе формируется преимущественно та модель мира, которая необходима (или выгодна) владельцам средств массовой коммуникации и производителям медийных продуктов. Создаваемые и непрерывно транслируемые картины мира воспринимаются в качестве «своих собственных», имманентно присущих сознанию конкретного индивида, пропущенных сквозь персональный опыт и знания, а потому, как представляется каждому человеку, обязательно объективных и истинных.

Мир постсовременности (или постмодерна) с главенством в нем масс-медиа существенно изменяет идентификационное самоощущение человека, способы его жизнедеятельности и восприятия окружающего мира, рефлексивно-критические возможности осмысления получаемого знания. Под воздействием масс-медиа общество все более и более медиатизируется, становится подвластным

всепроникающим сообщениям, образам, символам и знакам, которые не только формируют предпосылки того или иного восприятия социальных фактов и процессов, но и становятся средством познания окружающего мира. По сути, все знания, которые человек получает о современном ему мире, о социальных, культурных, экономических и др. событиях, он получает из средств массовой информации. Масс-медиа «говорят» ему не только о том, что произошло, но и придают субъективный рефрен содержанию сообщения, латентную оценку свершившихся фактов. Таким образом «реальная реальность» (Э. Гидденс) замещается в сознании человека иллюзорной, искусственно сконструированной масс-медиа. Так общество в традиционно-модерном его понимании, согласно Ж. Бодрийяру, постепенно замещается «киберпротезом» – виртуальной реальностью с доминированием медийных знаков-симулякров, коммуникационных мифологем, сетевым взаимодействием людей, пришедшим на смену реальному общению.

Человек постмодерна во многом живет в искусственно созданном мире, мире симуляционных процессов и симулякров. По мере распространения и совершенствования информационных технологий, углубления виртуализации общества этот искусственный мир все более становится естественным для человека. Согласно идеям Ж. Бодрийяра, искусственный мир представляет собой знаково-символическую реальность, практически утратившую связь с реальным предметным миром. Теперь символическая реальность выступает как самостоятельный мир, не отражающий мир объективной социальности. Наступает эпоха кризиса репрезентации.

Симуляционный, неподлинный, мир Ж. Бодрийяр называет «гиперреальностью», подчеркивая его условность, эфемерность, полное отсутствие репрезентации и референциальности. «Гиперреальность» – это третий уровень прогрессирования знаков-симулякров, где не содержится следов схожести с исходной, объективной реальностью. Знаки теперь – подобию самих себя, единственная реальность. Симуляция здесь представляет собой своеобразную коммуникацию, в которой оригинал заменяется его копией, а последняя генерирует целый набор (код) услуг, предложений, рекламных сообщений и т.д. «На продуцирование знаков-символов ориентированы сегодня все виды и формы человеческой деятельности. Игра, равно как и труд. Прибыльным и перспективным становится производство знаков, а не товаров и услуг. Иначе говоря, товары и услуги в наши дни плотно обволакиваются (затягиваются) воображаемым... Симулятивная гиперреальность постмодерна представляет собой некое рассредоточенное множество. Каждый симулякр фрагментарен, частичен, живет сам по себе и ни к какой структуре не приписан... перед нами всегда – поток (потoki) сингулярностей, детерриториализованная клип-культура, в которой нет и не может общей «картины мира» [4, с. 148].

Исторические социальные институты в этом обществе не разрушаются, но незаметно заменяются их подобиями. Описанные Ж. Бодрийяром характеристики третьего периода симулякров означают исчезновение социальности в том понимании, который предлагал модерн и предполагают замену социального его «симуляцией, регулированием кодом». Так осуществляется переход «продуктивистского» типа капитализма к «кибернетическому неокapитализму» [3, с. 127, 128], в котором осуществляется абсолютный контроль над обществом и манипулирование общественными отношениями.

Институт масс-медиа в постмодерне во многом обуславливает и определяет вышеописанную модель жизни «гиперреального» общества. Общество постоянно живет в «режиме референдума» (Ж. Бодрийяр), который никогда не прекратится, не нацелен на получение глубокого знания или анализа получаемых сообщений. Любая телепередача, многочисленные телевизионные политические шоу и баталии, социологические опросы, предвыборные прайм-ринги, бытовые функциональные советы, выраженные через вещательные каналы, любой медийный месседж – все это предстает как вопрос/ответ, своеобразный тест, незаметный неискушенному потребителю информации. Ж. Бодрийяр в этом плане точно отметил: «Вся система коммуникаций перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им» [3, с. 134]. Общественное мнение формируется целенаправленно и последовательно, зависит от целей его создания, применяемых технологий и степени манипуляционного воздействия медийной информации на общество.

Масс-медиа, как основной производитель и транслятор информации, оказываются и основным производителем информационных симулякров. Любая проблема, конфликтная ситуация, социальный факт, свершившееся происшествие становятся «языковой игрой» в вопросы/ответы, коммуникационным кодом, который требует расшифровки. Задача человека, включенного в циркуляцию многообразных вариаций кодов, состоит в их декодировании, интерпретации, принятии решений и собственного выбора. Здесь обнаруживается некая противоречивость: каждый человек предложит свою «расшифровку» сообщений, свое видение проблемы, но этот выбор так или иначе уже подсказан ему транслятором этой информации. Человек не только сам декодирует сообщения, но одновременно и сам тестируется, отбирается средствами массовой коммуникации.

Индивид в названном контексте вынужден ежедневно выполнять множество социальных ролей, похожих скорее на социальные «игры» с быстрым и неуловимым изменением правил и форматов этих игр. Социальное конструирование, симулятивная организация неправдоподобных ситуаций, только кажущихся объективными, – характерная черта описываемого общества. Спектализация здесь выступает сущностью общественного бытия, которую наиболее ярко раскрыл автор этого понятия французский мыслитель Ги Дебор в работе «Общество спектакля». Образно-зрелищные технологии, господство товарного фетишизма, театрализация общественных отношений, где мир реальный замещается зрелищной, созерцательной образностью («окуляцентризм» в его категориях). Постсовременное общество потребления, согласно Ги Дебору, аккумулирует спектакль, характеризуется сценарной, иллюзорно-сконструированной жизнью. Спектакль оказывается вне времени и пространства – он проникает повсюду и пронизывает все структуры социального. Ги Дебор пишет: «Спектакль презентует себя одновременно как все общество, как часть общества и как инструмент его объединения» [10, с. 3]. Стирание граней между Я-личностью и миром, размывание границ между иллюзорным и реальным, замена объективности «кажущимостью» – особенности спектаклеобразного общества. Однако Дебор достаточно оптимистичен, ведь абсолютно негативного в обществе спектакля ничего нет, и выход из «спектализации» социального французский философ видит «на

пути разработки истинной, т.е. революционно-критический, теории практики, иницирующей такие же революционные действия – свободу индивидуального конструирования ситуаций, направленных против созерцательной установки, на отрицание зрелищного отрицания жизни» [4, с.150-151].

Спектаклеобразное общество, ежеминутно пронизываемое циркулирующими потоками необъятной информации постепенно приобретает черты дискретности, фрагментарности, внутренняя логика протекания социальной жизни нарушается. Жизнь человека отражает жизнь общества: сегодня она также фрагментарна, основными феноменами становятся короткие жизненные периоды, высвечивающие сиюминутность настоящего с недолговременными личностными целями и набором путей их реализации. Однако этот сиюминутный презентизм, несмотря на некоторую устремленность в будущее, в любой момент может смениться, уйти в прошлое, стать социально незначимым. Подобного рода быстрая сменяемость социальных ролей и ситуаций, зыбкость и неустойчивость индивидуальных жизненных позиций приводят к рассеиванию социальных институтов, дерегулированию и дезинтеграции их структур. Этот процесс описал Ж.Ф. Лиотар еще в 70-х гг. прошлого века, называя его «атомизацией» социального в эпоху «расслабленности» [7].

Нестабильность индивидуального и общественного бытия в постмодерне приводит к тому, что человек постоянно находится в поиске нового самоопределения, образов и смыслов существования, вынужден приобретать новые типы идентичности, приспосабливаться к изменяющимся правилам социальной жизни. Происходит это столь быстро и часто, что существование человека превращается в жизнь «на распутье», цепь непрерывных поисков и динамики с разнонаправленными векторами, алогичной «ризомности» существования, в которой линейная однонаправленность истории больше не играет никакой роли. Четкую квинтэссенцию общества постмодерна обозначил философ и социолог З. Бауман, назвав его «текучей современностью» по сравнению с предшествующим модерном («модернити») [2]. Нестабильность общества потребления, состояние «незавершенности, неполноты, неопределенности», в которой огромную власть имеют СМИ над коллективным и индивидуальным сознанием – суть такой эпохи. Масс-медиа задают стандарты действительности и пытаются сделать транслируемые образы реальными для восприятия людей. «Желаемая жизнь стремится быть жизнью, которую люди видят по телевизору... именно реальная жизнь кажется нереальной и будет продолжать видаться и ощущаться нереальной, пока она не превращена, в свою очередь, в образы на экранах телевизоров» [2, с. 93]. Конечно, индивидуальная жизнь, стабильность и успех каждого человека в таком обществе во многом зависят от того, насколько быстро он способен сломать собственные модели поведения и адаптироваться к качественно новой социальной системе.

Нельзя не обозначить еще одну важнейшую проблему, возникающую в связи с влиянием масс-медиа на потребителей их информации. Это проблема получения объективного, истинного знания, или возможности ее «распознавания» в бесконечном потоке медийных образов, сообщений, смыслов, символов, симулякров. Имеет смысл вновь обратиться к позиции Ж. Бодрийяра, которому принадлежит серия замечательных очерков о масс-медиа и технологиях их воздействия на человека. Пытаясь разобраться в медийных мессаджах, субъект, в сущности, пытается отрефлексировать поверхность поступающей информа-

ции, поскольку осуществить глубокий анализ постоянно циркулирующих безграницных потоков ни один человек не в состоянии. Поэтому в бесконечности информационного поля истины, оригинала, объективности человек практически достичь не может, какими бы гениальными задатками и аналитическими способностями он ни обладал. Индивид вынужден воспринимать симулякры, имитирующие копии, заменять реальные социальные действия виртуальными аналогами или *ошибочно* воспринимать их как истину, не отдавая себе в этом отчета. Идентификация самого человека начинает растворяться в потоке преподносимых средствами массовой информации символов и кодов.

Виртуально-симулятивный мир постмодерна – это замкнутый круг вращения информационных продуктов и артефактов, в котором не добраться до реального объекта и истинного смыслового значения. На истину и оригинал человек смотрит сквозь преподносимые копии, сконструированные образы и симулякры, часто положительно реагируя на них. (Японское «диво» – певица Мику Хацунэ, которая совсем и не певица, а голограмма, тысячами жителей островов воспринимается как живой субъект, которому поклоняются и в концертных залах, и в социальной жизни. Молодые японцы танцуют, поют, одеваются, делают стрижку, т.е. выстраивают свою личную жизнь «под» программу, созданную фирмой Ямаха и названную «Мику Хацунэ»). Однако объективности ради отметим, что копия не обязательно может быть хуже оригинала. В положительном восприятии символически-иллюзорных знаков усматривается активная роль имиджмейкеров, пиар-технологов, продюсеров шоу-бизнеса, специалистов масс-медийных форм коммуникации, создателей рекламы, компьютерных программ.

В вышеизложенном контексте весьма показательны идеи Р. Барта. В работе «Мифологии» мыслитель, рассуждая об особенностях кетча как атрибута современного мира, где во многом главенствует *театр* и *театральность* в качестве *принципа* современной жизни, показывает, как кетч четко выражает суть времени. Кетч – «зрелище чрезмерности», но, вместе с тем, он представляет «настоящую Человеческую Комедию, где каждый социально конкретный оттенок страсти... счастливо снабжен в высшей степени ясным знаком, способным вобрать его в себя и выразить, триумфально донести до последних рядов зрительного зала. Понятно, что на этой ступени уже не важно, подлинна страсть или нет. Публика требует образа страстей, а не самих страстей как таковых. Проблема правды для кетча не более важна, чем для театра» [1, с. 77]. Р. Барт подчеркивает, что *внешняя знаковость*, формы выражения, типаж и используемые жесты, искусственно представляющие выражения реальных чувств, переживаний, боли, справедливости, поражения, борьбы добра и зла, более значимы, нежели сами реальные чувства и переживания. Игра и символические представления о реальности, внешняя знаковость, сценическая иллюзия публике доставляет истинное «интеллектуальное удовольствие», и в этом кетч более «умопостижим», чем подлинная реальность. В мифе «Актер на портретах Аркура» Р. Барт посредством рассуждений о функции фотокамеры Аркура, вырывающего человека (актера) из реальности и фиксирующего его в «неземной красоте» сцены передает противоречивость жизни: «Парадокс в том, что реально-то здесь именно сцена, тогда как город – это миф, волшебная греза» [1, с. 87]. Мифологические символы театра, образы искусства в изложении Р. Барта во многом выражают те смыслы, которым обладает наше время; те значимости, которые человеку

оказываются важнее, но которые также очень быстро уходят, ускользают по причине быстрой сменяемости событий, «текучести» современного мира.

Масс-медиа в эпоху постмодерна получили особый институциональный статус «медиократии», по выражению Р. Дебре [6], что дает возможность медийным структурам проявлять особую власть над субъектом и обществом. Указанную власть невозможно отрицать, было бы ошибочно недооценивать, поскольку ее влияние всеобъемлюще. Масс-медиа, как новый социальный институт, подвергаясь всем тем постмодернизационным преобразованиям, которые происходят в обществе, усложняют свою структуру, стратифицируются. Они не только подстраиваются под изменяющиеся, «растворяющиеся» формы социального, но и сами активно содействуют этим процессам. Масс-медийная продукция изначально дифференцирована, мозаична, рассчитана на разные категории населения. Эклектизм, как принцип художественного творчества массовой культуры, обратным воздействием затрагивает содержание и качество масс-медийных агентств, концернов, телеканалов и их продуктов. Возрастающее количество каналов проведения информации отнюдь не означает улучшения качества их содержания. Вместе с тем, созданная информация настолько отдалена от самого производящего субъекта, а затем от субъекта потребляющего, что в современную эпоху она приобретает статус объективированной, самодостаточной и самофункционирующей субстанции. Информационное знание становится товаром на продажу, главной производительной силой современных масс-медиа, отчужденной, однако, от человека в силу означенных выше причин и обстоятельств.

Подчеркнем еще раз, что коммуникации постмодерна суть не привычные социальные взаимодействия человека и Другого – человека или сообщества людей. Характер новых коммуникаций специфичен и также симулятивен, поскольку реальное межличностное отношение часто заменяется общением индивида и технического устройства, человека и экрана. Человек постепенно привыкает к такому роду взаимосвязей, с детства взращиваясь *подобиями* форм социального общения и чувствуя глубокую необходимость в них в течение всей жизни. Ожидание изображения на экране оказывается и ожиданием мыслительного «изображения» – размышлений блогеров, образов искусства, общественной дискуссии, форума на сайте и т.д.

Экранное взаимодействие в какой-то степени ограничивает человека в его свободе и действиях, поскольку любое решение, связанное с сетью, информацией и ее визуальным изображением, медийной коммуникацией, является частичным, фрагментарным, нецелостным. Формируется так называемая *клиповая*, или *роликовая*, культура. В XI веке религиозный мыслитель Симеон Новый Богослов (создатель знаменитой концепции личностного познания Бога через восприятие «нетварного» света), достигая особого мистико-религиозного опыта единства с Богом, спрашивал себя: «Кто я теперь? А не Бог ли я?» [8]. Святой Симеон устремлял все помыслы на внутреннее развитие человека, стремящегося к Богу, существу высшему, всеобъемлющему, всеразумному. Человек постсовременности задает схожие вопросы, сопоставляя себя, однако, с гаджетами XXI века: «Человек я или машина?». При современном бурном развитии технологий и функциональных качеств имитационных виртуальных машин вскоре весьма возможен его вопрос: «Не машина ли я?». Философы-постмодернисты называли «концом антропологии» ту ситуацию, когда личность пребывает в состоянии восхищения от коммуникаций, существующих в виде «гомеостаза человека с машиной» (Ж. Бодрийяр).

Философско-антропологические вопросы в наш век постепенно заменяются технологическими; они как бы «конфискованы» компьютерами и другими гаджетами. Однако к компьютеру, технике, имитирующей реальность, нельзя стремиться как к высшей ценности, тем более, воспринимать ее для обозначения модели жизни. Н.А. Бердяев, предвидя губительное для сакральности культуры наступление технологической цивилизации, предупреждал: невозможно человека сопоставлять только с природным естеством. Глубину внутреннего мира личности не раскрыть, если в ее постижении обращаться только к природе: «Из низшего высшее не могло родиться». Человек – существо высокое, духовное, божественное. Добавим, что существо человека тем более не понять и не раскрыть из обращения к машине и новейшим технологиям, виртуально представляющим замену социальным коммуникациям, а зачастую и самому человеку.

Мир постсовременности, на наш взгляд, гораздо более сложен для человека, чем предшествующий модерн. Общество живет сегодня в знаково-символической среде, в мире образов, подобий, симулятивных имитаций. С помощью информационных технологий этот симуляционный мир легко превращается в виртуальный. Киберпространство, виртуализация размывают границы реальной жизни и технической симуляции, объективной реальности и ее иллюзорного образа. Все же человек должен сохранить себя и свой разум в окружающем мире, который все более приобретает характеристики «как бы» реального. Сегодня человека может спасти то, что практически уже упразднено. Рефлексия, мысль о самом себе в пространстве бытия позволит ему стать успешным, процветающим, возвышающимся над машинами, гаджетами, сетями, медийными потоками, информацией, программами, т.е. той силой, которая все более приобретает власть над обществом и мощно, но невидимо им управляет.

Человек постсовременности должен перевернуть уже устоявшееся соотношение: не личность должна выступать в качества атрибута времени и властвующих над ней технологий, а социальное время и новейшие технологии должны изменяться и управляться великим разумом человека.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии - М.: Академический проект, 2010.
2. Бауман З. Текучая современность - М.: Питер. 2008.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть - М.: ДОБРОСВЕТ, 2009.
4. Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности. Историческая продвинутость и ее вызовы - М.: ЛЕНАНД, 2014.
5. Гречко П.К. Социальная теория современности - М.: РУДН, 2008
6. Дебре Р. Введение в медиологию - М.: Праксис. 2009.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна - М., СПб.: Алетейя, 1998.
8. Симеон Новый Богослов. Божественные гимны - М.: Подворье, 1999.
9. Чистяков Д.И. Социальное измерение масс-медийного пространства в эпоху постмодерна //Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. Научный журнал - 2012. № 3 (18).
10. Debord, Guy. Society of the Spectacle - Detroit: Black and Red. 1983.
11. Hill, John. Film and postmodernism //The Oxford Guide to Film Studies. Edited by John Hill and Pamela Gibson - Oxford University Press. London, 1998.

А.Ю. Фомин

**РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ 1930-Х ГГ.:
СВОЕОБРАЗИЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЭВОЛЮЦИИ**

**SOVIET RUSSIAN POETRY OF THE 1930S:
THE ORIGINALITY OF THE IDEOLOGICAL
AND ARTISTIC EVOLUTION**

Фомин Андрей Юрьевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики МГТЭУ (e-mail: Gracchus58@bk.ru).

FOMIN Andrey Yurievich - candidate of philological Sciences, docent of Department of Russian language, literature and journalism MGGEU (e-mail: Gracchus58@bk.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые скрытые явления и процессы, присущие русской советской лирике 1930-х гг. По сравнению с поэтической практикой предшествующих лет они знаменуют постепенное возвращение текущего литературного процесса к классической традиции русской и мировой литературы.

Ключевые слова: русская советская литература 1930-х гг., лирический герой, революционный романтизм, советская поэзия 1930-х гг., романтический герой, романтическая перспектива, тема поэта и поэзии

Summary. The article discusses some of the hidden phenomena and processes characteristic of Russian Soviet lyric poetry of the 1930s. In comparison with poetic practice of previous years, they mark a gradual return of the current literary process to the classical traditions of Russian and world literature.

Keywords: Russian Soviet literature of the 1930s, the lyrical hero, revolutionary romanticism, Soviet poetry of the 1930s, a romantic hero, a romantic perspective, the theme of the poet and poetry

Русской советской поэзии 1930-х гг. не очень повезло с критикой. Ещё в советские годы исследователи неоднократно говорили о ней как о «поэзии труда» (наиболее типичный пример – «Большевикам пустыни и весны» В. Луговского), о присущем ей пафосе строительства нового мира, о «комсомольском задоре» и поэзии молодости («Качка на Каспийском море» Б. Корнилова); отмечалось соединение традиционного для России крестьянского начала с эпохой стали и электричества (сборник «Провода в соломе» М. Исаковского и «Страна Муравия» А. Твардовского); неоднократно упоминалась романтика революции («Гренада» и «Рабфаковке» М. Светлова), констатировалось влияния и последующее возрождение «песенного начала» («Катюша» М. Исаковского). Неодно-

кратно подчёркивалось разнообразие тематики, усиление внимания к истории отечества. Иными словами, отмечались и систематизировались доминирующие явления и имена, явно протекавшие процессы в литературной жизни страны [4]. Всё это стало своеобразным *locus comminis* советского литературоведения. Более тонкие, скрытые явления становились достоянием исследований, посвящённых отдельным авторам. При этом поэзия 1920-х гг. рассматривалась как экспериментальная, однако исследований по ней насчитывалось всё-таки больше. По понятным причинам в конце XX в. ситуация несколько поменялась: на публику хлынул вал перестроечных публикаций, смысл которых был прост и незатейлив и сводился в основном к тому, что 1920-е гг. были расцветом новой поэзии, сменившимся сталинским единообразием и погромом передовых художников. Словом, пустота и ужасы тоталитаризма. Разумеется, поменялась и дежурная обойма обязательных имён.

Между тем далеко не все процессы, проходившие в русской поэзии в 1930-е гг., можно свести к названным выше (не говоря уже о том, что они были отнюдь не столь примитивны, как это порой трактуется и сегодня). Были и другие – скрытые, неявные, проявлявшиеся опосредованно. Это определённые существенные акценты изобразительной системы, изменение типа лирического героя, самой структуры художественного мышления. Разумеется, они проявлялись в творчестве далеко не всех поэтов, однако об определённых тенденциях, присущих всей поэзии данного периода, можно говорить вполне определённо.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что в качестве примеров мы подобрали творчество именно советских поэтов – и по периоду их художественного становления, и по убеждениям, и по художественным приоритетам. Заранее приносим извинение за длинные цитаты, однако в силу неширокой известности отдельных произведений, а также самой специфики лирической поэзии это сделать необходимо.

Итак, во-первых, в отечественную лирику возвращается внутренний драматизм, а подчас и трагизм мироощущения лирического героя. Достаточно сравнить такие произведения, как уже упоминавшиеся здесь «Гренаду» (1926 г.) М. Светлова, «Песню о встречном» (1931 г.) и «Качку на Каспийском море» (1930 г.) Б. Корнилова с одной стороны и, к примеру, стихотворение «Кукла» Д. Кедрина (1932 г.) – с другой. Если лирический пафос «Гренады» – вечный и прекрасный бой за счастье, за высокую всечеловеческую правду, вечная погоня за прекрасным идеалом (и вечная его недостижимость, согласно классическим установкам романтизма), если «Качка...» и «Песня о встречном» – утверждение силы, молодости и правоты избранного пути («...Что мне море?/Какое дело —/ мне до этой/зеленой беды?/Соль тяжелого, сбитого тела/солонее морской воды./ Что мне (спрашиваю я) если/наши зубы,/как пена, белы – /и качаются наши пес-ни/от Баку/до Махачкалы») [1, с. 754], то герой «Куклы» – совершенно иная личность.

Парадокс в том, что попытка построения общества на началах справедливости выявила к тому времени чрезвычайную сложность (а порой и принципиальную невозможность) изменения внутреннего мира человека, и прежде всего – самого себя. Можно изменить политический строй, построить любые предприятия, проникнуть в сокровенные тайны природы – но невозможно изменить внутреннюю суть человеческой личности.

Оказывается, человек – даже в прекрасном и по замыслу гармоничном обществе – может далеко не всё. Он зачастую по-прежнему может лишь *наблюдать* за развивающейся на его глазах трагедией, но *изменить* что-либо в создавшейся ситуации, увы, далеко не в его силах («...И когда сквозь дремоту/Опять я услышу, что начат/Полуночный содом,/Что орёт забулдыга-отец,/Что валится посуда,/Что голос твой тоненький плачет, - /О терпенье моё!/Оборвёшься же ты наконец!..») [5, с. 61]. Вся надежда – на других, которые придут и сделают («...И придут комсомольцы,/И пьяного грузчика свяжут,/И нагрянут в чулан,/Где ты дремлешь, свернувшись в калач,/И оденут тебя,/И возьмут твои вещи,/И скажут:/ «Дорогая!/Пойдём,/Мы дадим тебе куклу./Не плачь!») [5, 62–63].

Здесь любопытно провести сопоставление с известным стихотворением «ТВС» Э. Багрицкого (1929 г). Его герой – тоже не всемогущ, к тому же тяжело болен, но он продолжает бороться на своём маленьком фронте за преобразование этой пошлой, убогой и грязной действительности в нечто ожидаемо нужное и прекрасное:

...Он вздыбился из гущины кровей,
Матерый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головой твоей —
Прими на рогатину и повали.
Да будет почетной участь твоя,
Умри, побеждая, как умер я... [3, с. 232]

Лирический герой поэта ни к чему не привязан в этом привычном и пошлом до отвращения мире («...Под окнами тот же скопческий вид,/Тот же кошачий и детский мир,/Который удушьем ползёт в крови,/Который до отвращения мил...»), – но, наверное, именно это «героическое одиночество» позволяет ему жить. Именно оно – норма (и в идейном, и в сугубо житейском смысле). Авторский идеал такой бесконечной борьбы неопределён и расплывчат (правильнее, наверное, было бы говорить о его отсутствии – ср. «Гренаду» М. Светлова), он заключён в самом процессе этого преодоления действительности, достигаемого через – и прежде всего – самопреодоление:

...И я ухожу (а вокруг темно)
В клуб, где нынче доклад и кино,
Собрание рабкоровского кружка [3, с. 233].

Он любит лишь Революцию, он никого не жалеет – и прежде всего самого себя; ценность окружающего понимается им лишь как соответствие той идее, которой посвящена жизнь:

...Не разберешься, который век.
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.

Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься — а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги.
Но если он скажет: «Убей», — убей... [3, с. 232]

А герой «Куклы» - не суровый паладин революции, а просто маленький и слабый человек, наделённый, к своему несчастью, наблюдательностью и отзывчивым сердцем. Но ведь таких – большинство.

С другой стороны, как много надо сделать, чтобы составить счастье этой маленькой девочки, какая это гигантски сложная задача – не просто вырвать ребёнка из жестокой, грязной и такой привычной повседневности, а хотя бы подарить ему куклу. Но тогда, может быть, содержание и ценность социального переворота измеряется не абстрактной и неопределённой борьбой, не только величием трудовых достижений, но простым человеческим счастьем?

...Для того ли, скажи,
Чтобы в ужасе,
С черствою коркой
Ты бежала в чулан
Под хмельную отцовскую дичь, —
Надрывался Дзержинский,
Выкашливал легкие Горький,
Десять жизней людских
Отработал Владимир Ильич?... [5, с. 61]

Человек оказался намного сложнее всех социальных схем и производственных технологий. Даже благородная в своём замысле идея перевоспитать его, открыть новые перспективы для духовного роста, изжить всё мелкое и эгоистичное в его душе не может, в конечном итоге, избавить от сомнений, страхов, отчаяния, от чего-то такого, что лежит на самом дне нашего сознания и в чём стыдно признаться даже самому себе. Ад – не где-то далеко, ад – в самом тебе.

Недобрый дух повел меня,
Уже лежавшего в могиле,
В страну подземного огня,
Которой Данте вел Вергилий.
Из первого в девятый круг
Моя душа была ведома —
Где жадный поп и лживый друг
И скотоложец из Содома.
Я видел гарпий в том леске,
Над тем узилищем, откуда
В нечеловеческой тоске
Бежал обугленный Иуда.
Колодезь ледяной без дна,
Где день за днем и год за годом,

Как ось земная, сатана
Простерт от нас до антиподов... [5, с. 66]

Значит, литературные образы – не просто вымысел, а сугубая (и подчас страшная) реальность. Более того: есть вечные образы (а значит – и вечные чувства, вечные духовные реалии), не зависящие от социально-классовой структуры общества.

Я грешников увидел всех —
Их пламя жжет и влага дразнит,
Но каждому из них за грех
Вменялась боль одной лишь казни.
«Где мне остаться?» — я спросил
Ведущего по адским стогнам.
И он ответил: «Волей сил
По всем кругам ты будешь прогнан» («Ад», 1934) [5, с. 66].

И никакие эпохальные свершения не отменяют ни неразделённой любви, ни трагедии непонимания, ни ревности, ни жестокой и несправедливой судьбы.

К нам в гости приходит мальчик
Со сросшимися бровями,
Пунцовый густой румянец
На смуглых его щеках.
Когда вы садитесь рядом,
Я чувствую, что меж вами
Я скучный, немножко лишний,
Педант в роговых очках... [5, с. 63]

Любопытно, что свой монолог, обращённый к любимой женщине, поэт начинает от 1-го л. мн. ч. – «к нам». Значит, речь идёт об отношениях людей, достаточно самостоятельных в плане житейском, а следовательно, способных принимать самостоятельные решения.

Глаза твои лгать не могут.
Как много огня теперь в них!
А как они были тусклы...
Откуда же он воскрес?
Ах, этот румяный мальчик!
Итак, это мой соперник,
Итак, это мой Мартынов,
Итак, это мой Дантес!.. [5, с. 63]

Сохраняется и традиционное противопоставление: поэт – и его счастливый и неумолимый соперник, человек слова – и человек дела.

Послушай-ка, дорогая!
Над нами шумит эпоха,
И разве не наше сердце —

Арена ее борьбы?
Виновен ли этот мальчик
В проклятых палочках Коха,
Что ставило нездоровье
В колеса моей судьбы?.. [5, с. 63].

Парадоксальная ситуация: в этой жизненной драме нет виноватых, и сколько-нибудь рациональному решению она не поддаётся. Все правы по-своему. Даже в гармоничном, построенном на научной основе новом обществе возможны ситуации, из которых нет выхода. Поэт не уточняет, сам ли он отказался от возможного счастья, пожалев любимую женщину, или же это она сама сделала в общем-то вполне объяснимый выбор (последнее вероятнее – см. цитаты выше), – изгнать прежнее чувство невозможно. По-прежнему «ум с сердцем не в ладу».

...Твой сын, твой малыш безбровый
Покоится в колыбели,
Он важно пускает слюни,
Вполне довольный собой.
Тебя ли мне ненавидеть
И ревновать к тебе ли,
Когда я так опечален
Твоей морщинкой любовью?
Ему покажу я рожки,
Спрошу: «Как дела, Егорыч?»
И, мирно напившись чаю,
Пешком побреду домой.
И лишь закурю дорогой,
Почуяв на сердце горечь,
Что наша любовь не вышла,
Что этот малыш — не мой («Поединок», 1933) [5, с. 64].

Вместе с тем в поэзии 1930-х гг. наблюдается ещё одно явление – возрождение романтического идеала и романтической перспективы в их классическом понимании. Это не мечта о всеобщем счастье и вечный бой за его осуществление, а именно – вымысел, сказка, мечта, сугубо индивидуальная, интимная, неповторимая и трудно определяемая. Но именно она столь необходима человеку в любой – даже советской – действительности. В этом плане следует констатировать отход от прямолинейного позитивизма 1920-х гг. с его культом «факта» и решительным осуждением романтизма как такового за его «мечтательность» и «уход от действительности» (ср. напр., статью А. Фадеева, характерно названную «Долой Шиллера!» – 1929 г. В принципе, и сам «революционный романтизм», достаточно отчётливо сформировавшийся в поэзии тех лет, можно трактовать как позитивно интерпретированный романтический идеал). Показателен финал известного стихотворения В. Луговского «Медведь» (1939 г.). Плюшевый медведь, оставив маленькую уснувшую хозяйку, уходит встречать Новый год к своим мохнатым собратьям. Но «многодумный бук» отговаривает:

...Не ходи,
тебя руками сшили
Из людских одежд людской иглой,
Медведей охотники убили,
Возвращайся, маленький, домой.
Кто твою хозяйку приголубит?
Мать встречает где-то Новый год,
Домработница танцует в клубе,
А отца — собака не найдет.

Ты лежи, медведь, лежи в постели,
Лапами не двигай до зари
И, щеки касаясь еле-еле,
Сказки медвежачьи говори.

Путь далек, а снег глубок и вязок,
Сны прижались к ставням и дверям,
Потому что без полночных сказок
Нет житья ни людям, ни зверям [2, с. 491].

Также в качестве иллюстрации можно привести и стихотворение Л. Мартынова «Лукоморье» («Замечали – по городу ходит прохожий?..», 1935, 1945), созданное по классическим романтическим канонам.

...Вот о чём вечерами играл я на флейте.
Убеждал я: поймите, уразумейте,
Расскажите знакомым, шепните соседу,
Но, друзья, торопитесь, – я скоро уеду!
Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землёй драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря.
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдёте вы края чудесней!
И являлись тогда, возбуждённые песней,
Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню – некий строитель допрашивал строго:
- Где чертог? Каковы очертанья чертога? -
Помню также – истории некий учитель
Всё пытал: – Лукоморья кто был покоритель? -
И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся ещё плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккрая,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетал ещё старец хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной палатой:
- Лукоморье! Изволите звать в Лукоморье?
Лукоморье отыщете только в фольклоре! -

А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: – Вы воздушные строите замки!.. [2, с. 84]

Романтическая эстетика, основанная на антитезе возвышенно-неопределённого и конкретно-бытовистского (не путать с бытовым!), получает здесь своё законченное воплощение.

...Флейта, флейта!
Охотно я брал тебя в руки.
Дети, севши у ног моих, делали луки,
Но, нахмурившись, их отбирали мамыши:
- Ваши сказки, а дети-то всё-таки наши!
Вот сначала своих воспитать вы сумеете,
А потом в Лукоморье зовите на флейте!.. [2, с. 84]

Логика житейская, правильная, далеко не всегда соответствует логике существования, логике бытия.

...Объясните знакомым, шепните соседу,
Успокойте, утешьте, – я скоро уеду!
Я уеду, и гнев стариков прекратится,
Злая мать на ребёнка не станет сердиться.
Смолкнут толки соседей, забудькает ванна,
Распрямятся со звоном пружины дивана.
Но сознайтесь!
Недаром я звал вас, недаром!
Пробил час – по проспектам, садам и бульварам
Все пошли вы за мною, пошли вы за мною,
За моею спиной, за моею спиною.
Все вы тут! Все вы тут!
Даже старец крылатый,
И бездельник в пижаме своей полосатой,
И невинные дети, и женщина эта -
Злая спорщица с нами, и клоп из дивана...
О, холодная ясность в чертоге рассвета,
Мерный грохот валов – голоса океана,
Так случилось -
Мы вместе!
Ничуть не колдуя,
В силу разных причин за собой вас веду я... [2, с. 84 – 85]

Правильное, доказанное – не значит истинное. Более того: логицизм и очевидность *существующего* порядка вещей вовсе не отменяет изменения этого порядка в будущем. Но будущее – будет. Поэтому характерная романтическая ирония приобретает здесь философское, общемировоззренческое звучание: настоящее (каким бы совершенным оно ни казалось) – лишь этап в бесконечном движении (напомним: стихотворение создавалось в 1935 г.):

...Реки, рощи, равнины, печаль побережий.
Разглядели? В тумане алеют предгорья.
Где-то там, за горами, волнуется море.
Горы, море... Но где же оно, Лукоморье?... [2, с. 85]

Кстати, обращает на себя внимание известный мотив волшебной флейты, мелодия которой влечёт за собой простодушных приземлённых обывателей. Парадокс лишь в том, что звучать она может в душе каждого из них, вопреки тяготам быта, холодному и всегда правому житейскому рассудку. Потому что жизнь – это движение, но что такое движение без цели? Обратная сторона неподвижности. И вот эту самую цель и формирует романтическая мечта.

Однако встречается в поэзии 1930-х гг. и совершенно особое интерпретирование романтического идеала. Да, мечта – прекрасна, она помогает преодолеть «земные низости дней», открывает новые горизонты. Однако служение ей требует очень высокой платы – забвения всего, что к ней не относится. Прекрасный и беспощадный, величественный и нечеловечески жестокий исторический героизм может приобретать вполне романтический облик (эта связь между героическим и романтическим подмечена очень давно). Поэтому так неожиданно мрачен финал поэмы А. Лебедева «Норвежское сказание» (1939 г.). Попытка найти волшебную траву забвения, дарующую удачу моряку, оборачивается вечным странствием:

...Ходит, бродит по волнам моряк.
Он узнал побережья всех широт,
Но не держат шлюпку якоря,
И моряк любимой не найдёт.
Никогда не бросит он весла.
Никогда он не поймёт того,
Что трава забвенья проросла
В сердце одинокое его [2, с. 603].

Во-вторых, в поэзии 1930-х гг. возникает и постепенно формируется мысль о трагическом содержании искусства. Трагическом прежде всего для самого художника, для счастья близких ему людей. Творение гения прославит его среди потомков, но вряд ли – среди современников. Поэтому служение искусству и житейское благополучие – вещи далеко не всегда совместимые.

Именно об этом – поэма Д. Кедрина «Приданое» (1935 г.). Великий поэт создаёт гениальный труд – но тот не приносит богатства и счастья ни ему, ни его дочери (которая – подчеркнём – тоже имеет на это право). И не потому, что он всецело погружён в свои учёные труды и равнодушен ко всему на свете, – он немедленно садится за «сказания Ирана», чтобы добыть своей молодой дочери приданое; не потому, что власть предрекающие не оценили его труд по достоинству, – наоборот, они воздали старому поэту всем, чем могли – почётом, деньгами, имуществом:

...Вот посол, пестро одетый,
Все дворы обходит в Тусе:
«Где живет звезда поэтов —

Ослепительный Фердуси?
Вьется стих его чудесный
Легким золотом по черни,
Падишах прекрасной песней
Наслаждался в час вечерний.
Шах в дворце своем — и ныне
Он прислал певцу оттуда
Тридцать странников пустыни,
Тридцать войлочных верблюдов,
Ткани солнечного цвета,
Полосатые бурнусы...
Где живет звезда поэтов —
Ослепительный Фердуси?» [5, с. 268 – 269]

Сбылось всё, о чём мечтал поэт. Только случилось это уже после смерти Фердуси (Фирдоуси), когда его дочь превратилась в дряхлую старуху, и не нужны теперь ни ей, ни её отцу все богатства падишахов. А раньше – вот как-то не выходило. Были вполне объективные причины. Черета событий, в которых затерялся великий труд. И вины «эксплуататорской верхушки» здесь нет. Скорее, это просто выбор самого художника.

В этой связи следует назвать и другое произведение Д. Кедрина – поэму «Зодчие» (1938 г.), излагающую легенду об ослеплении неизвестных строителей храма Покрова (впоследствии – Василия Блаженного) по приказу Ивана Грозного:

...И спросил благодетель:
- А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма
Другой, говорю? -
И, потрянув волосами,
Отвечили зодчие:
- Можем!
Прикажи, государь! -
И ударились в ноги царю.

И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в Суздальских землях
И в землях Рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,
Чем храм Покрова!.. [5, 231 – 232]

Известная оппозиция «власть – художник» здесь выражена более прямолинейно, традиционно и «социально», однако ведь и безымянные мастера *сами*

пришли к умному и жестокому царю. Искусство – опасно по определению, личного счастья оно не приносит. Если конечно, это искусство настоящее.

Поэтому так важно, по нашему мнению, включить в перечень анализируемых произведений ещё одно стихотворение Д. Кедрина – «Страдания молодого классика» (1937). «Общественная» деятельность человека искусства (пусть даже это всего лишь встречи с «почитателями таланта» и учениками) всё-таки вторична по сравнению с главным предметом его деятельности:

...А ночью под сердцем
Тихонько плачет
Утопленный в пресной дневной водице
Твой стих,
Что был вовсе не плохо начат,
Но помер в тебе,
Не успев родиться.
И, стиснувши, как рукоять кинжала,
Мундштук безобиднейший,
В нервной дрожи
Ты думаешь:
«Муза уже сбежала.
Жена собирается сделать то же...» [5, 77]

Художнику необходимо одиночество – не столько личное, сколько творческое (ср. известное пушкинское «Ты царь. Живи один...»). Потому что он отвечает прежде всего не перед коллективом или даже партией, а перед самим собой («...Всех лучше оценить сумеешь ты свой труд./Ты им доволен ли, взыскательный художник?...»). Так постепенно происходит возвращение классического пушкинского понимания сущности и назначения искусства, места поэта и его роли в обществе.

В плане воспроизведения исторического контекста хотелось бы особо подчеркнуть, что все названные произведения создавались не «в стол», а публиковались в газетах и журналах, в которых работали указанные авторы. Так что сводить живой литературный процесс 1930-х гг. к череде бесконечных притеснений и репрессий было бы, по нашему мнению, грубой натяжкой.

Подведём некоторые итоги. Во-первых, в русскую советскую поэзию 1930-х гг. возвращается внутренний драматизм мироощущения лирического героя с его сомнениями, противоречиями, нравственной рефлексией. Причём это осознаётся не как пережиток прошлого, а как норма настоящего. Во-вторых, происходит возвращение и реабилитация классической романтической эстетики (параллельно с уже сформировавшимся к концу 1920-х гг. «революционным романтизмом»): романтическая мечта – не обязательно мечта о всеобщем счастье, но что-то личное, индивидуальное, невыразимое в общепринятых понятиях и, одновременно, необходимо присущее человеку. В-третьих, намечаются существенные изменения в трактовке темы поэта и поэзии, сущности и назначения искусства. Подчеркнём, что во всех этих случаях речь идёт не о заместительных, а о параллельно развивающихся процессах: в частности, устойчиво сформированный в 1920-е гг. и позитивно интерпретированный «классовый» романтический идеал вовсе не отменяется

возрождением идеала общечеловеческого. Причём те ноты и обертоны, о которых говорилось выше, звучали далеко не у всех поэтов и отнюдь не громко. Однако они были. И в рамках живого литературного процесса уже изменяли общую мелодию. Это постепенное возвращение к традициям русской литературы было исторически вполне закономерным. Оно стало результатом своеобразного взросления литературы собственно «советской», итогом приобретения многими её представителями нового художественного, да и житейского опыта. Но именно это возвращение стало для отечественной поэзии тем, что позволит ей уже через считанные годы соединить неподдельный лиризм с высоким патриотическим пафосом.

Список литературы

1. Антология русской советской поэзии. 1917- 1957 /В 2-х тт. Т.1 – М., ГИХЛ, 1957.
2. Антология русской советской поэзии. 1917- 1957 /В 2-х тт. Т.2 – М., ГИХЛ, 1957.
3. *Багрицкий Э.* Стихотворения и поэмы /сост., вступ. ст. и примеч. И. Волгина – М., Правда, 1984.
4. История русской советской литературы. Под ред. П.С. Выходцева /Учебник для вузов. – И 4. – М., Высшая школа, 1986; с. 238 – 254. Также: История русской советской литературы. 1917 –1940. Под ред. А.И. Метченко и С.М. Петрова/ Учебник для вузов – М., Просвещение, сс.378–396. Следует отметить, что в первом учебнике представлен более подробный и многоаспектный анализ поэзии рассматриваемого периода.
5. *Кедрин Д.Б.* Дума о России – М., Правда, 1989.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕНЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

CONTEXTUAL PHRASEOLOGY AS TRANSLATION MEANS OF EXPRESSIVENESS AND METAPHORICALNESS

ЯНОВА Елена Александровна – ст. преподаватель кафедры романо-германских языков МГГЭУ (e-mail: stonel@rambler.ru).

YANOVA Elena Alexandrovna – senior lecturer of Romano-Germanic Languages Department, MGGEU (e-mail: stonel@rambler.ru).

ФОМИЧЕВА Марина Петровна – ст. преподаватель кафедры романо-германских языков МГГЭУ (e-mail: marpetfom@mail.ru).

FOMICHEVA Marina Petrovna – senior lecturer of Romano-Germanic Languages Department, MGGEU (e-mail: marpetfom@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с переводом фразеологических единиц в контексте различных жанров. Основная идея статьи – фразеологические единицы при переводе с языка оригинала должны органично вписываться в контекст и быть его неотъемлемой частью. Перевод фразеологизмов, таким образом, должен соответствовать культурным и историческим реалиям.

Ключевые слова: творческий подход, фразеологические единицы, фразеология, контекстуальная замена, эмоциональный и экспрессивный процесс перевода.

Summary. The article analyses problems dealing with phraseological units translation. The authors compare phraseology and context definitions, examples of contextual translation from fiction. The main idea - phraseological units translation should be integral part of context, in full coincidence with emotional and expressive original text approach. Creativeness, national history and culture should be significant factors in translation process.

Keywords: creative approach, phraseological units, contextual phraseology, emotional, expressive, translation process.

Фразеологизмы являются квинтэссенцией любого языка, так как в них концентрируется история, культура и национальная самобытность народа. Ценность их заключается, прежде всего, в том, что они являются переосмысленными единицами, которые выражают образность и экспрессивность оригинального текста, его колорит, неповторимую специфику.

Фразеологизмы расширяют возможности языка и стирают грань между мышлением и речью. Среди определений фразеологизмов можно выделить наиболее удачные, которые без пояснений отражают их сущность.

Большой энциклопедический словарь трактует термин следующим образом: «фразеологизм (фразеологическая единица (ФЕ), идиома) - выполняющее функцию отдельного слова устойчивое словосочетание, значение которого не выводимо из значений составляющих его компонентов» [3, с. 811].

Т.Ф. Ефремова определяет фразеологизм как «...устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений входящих в него слов» [7, с.755].

А.В. Кунин дает следующее определение – «устойчивые сочетания слов с осложнённой семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний» [11, с. 5].

Так как в данной статье фразеологизмы рассматриваются с учетом контекста, уместно дать определение этому термину.

Контекст (от лат. *contextus* — «соединение», «связь») — относительно законченный отрывок письменной или устной речи (текста), в пределах которого наиболее точно выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений и т.п. Контекстуальный (от фр. *contextuel*) — обусловленный *контекстом* [3].

Существует различная терминология для обозначения перевода фразеологии с учетом контекста. Кроме вышеупомянутого термина контекстуальная замена, используются также термины - окказиональная замена, окказиональное соответствие, контекстуальное соответствие. А.В. Кунин и В.Н. Комиссаров рассматривают еще контекстуальный, или обертональный перевод.

Исследованиями и изучением контекстуальных фразеологизмов занимались многие лингвисты. Среди них такие известные как П. Вегенер, Г. Штербер, А. Норейн, А. Гардинер, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, А. Кунин. По мнению Л. Ельмслева, «... любое знаковое значение возникает в контексте» [6, с. 265].

В.В. Виноградов подчеркивал, что значение того или иного слова реализуется и определяется контекстом его употребления. По сути, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм [4, с. 14].

Фразеологизмы, обладая образностью и национальным характером, с трудом поддаются переводу особенно, если смысл фразеологического выражения уходит корнями в историю, быт и традиции страны языка оригинала. В таких случаях необходимо ориентироваться на контекст и, безусловно, на жанр литературы.

Так, например, фраза «spill the beans» буквально означает «пролить «бобы» — нелепый набор слов. В контексте логичен перевод «проболтаться», «выдать секрет», или «расколоться». Такой перевод будет уместен, если предположить, что бобы моют, и часть их выплескивается вместе с водой, так же как в разговоре можно случайно «выплеснуть» правду, т.е. проболтаться.

Характерными чертами фразеологизмов является метафоричность и образность. Метафоричность позволяет переосмыслить какое либо значение, или понятие, а образность - выражать эмоциональность и экспрессивность. Сложность перевода фразеологизмов заключается в том, что при переводе с одного языка на другой трудно найти достойный эквивалент, который мог бы отразить передаваемое настроение и образность.

Выбор лексики при переводе фразеологизмов зависит от знаний, опыта, интеллекта и интуиции переводчика, который должен понять смысл и с учетом контекста найти эквивалентный перевод данного выражения. Причем, нельзя говорить о переводе фразеологизмов как о шаблонной ретрансляции застывших языковых форм, потому как переводчик реализует свой творческий потенциал в рамках вариативности, главной причиной которой можно считать различные интерпретации или «различные понимания» переводчиками одного и того же текста оригинала, а также «...в зависимости от имеющихся у переводчика фо-

новых знаний, навыков владения тезаурусом языков, умения работать с художественным словом и ряда других профессиональных характеристик» [5, с. 98].

Поскольку реализация коммуникативного намерения переводчика происходит «за счет актуализации основных языковых функций – денотативной, выразительной, эмоциональной, фатической (или контактоустанавливающей) и поэтической», то совершенно справедливо, что «главным объектом при коммуникативном способе перевода оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержательное и эмоционально-эстетическое значение» [2, с. 80].

При переводе необходимо ориентироваться на особенности контекста, так как фразеологическим единицам присуща многозначность и разнообразная стилистическая окрашенность. Описательный перевод не может передать образность и экспрессивность выражения, поэтому контекстуальная замена является оптимальным способом перевода. Сущность контекстуальных замен при переводе фразеологизмов заключается в том, чтобы найти такую русскую фразеологическую единицу, которая передавала бы настроение и содержание в данном контексте, хотя при этом и будет отсутствовать соответствие значению английскому фразеологизму.

Необходимо учитывать социокультурный фактор, имея дело с различными культурами и языками. С.Т. Тер-Минасова приводит пример такой зависимости словосочетания - *white man*. Помимо того, что это человек с белой кожей, он так же «порядочный и благовоспитанный человек», так как исторически сложилось превосходство белой расы над другими. В английском языке существует традиционная ассоциация черного цвета с чем-то плохим, а белого - с хорошим. Например, «*the whitest man that eve live, a man with a cultured mind and with all the courage in the world*» (Т. Hardy) – «*благороднейший из всех людей, когда-либо живших на свете, самый образованный и самый отважный*» (Т. Гарди) [15, с. 77].

Контекстуальный, или обертональный перевод – это окказиональный эквивалент для перевода фразеологизма в конкретном контексте, в другом контексте его обертональность отсутствует. Ниже приведены примеры, которые это подтверждают:

I'll warrant we'll never see him sell his hen on a rainy day (O. Goldsmith, The vicar of wake field ch. XII) - *Могу поручиться, что он свое не упустит.*

Фразеологическая единица *sell his hen on a rainy day* означает *продавать товар в неподходящее время, проявлять непрактичность*, что никак нельзя применить к данной ситуации. Выбранный переводчиком способ перевода обеспечивает передачу смысла и экспрессивность английского выражения.

If you worry or excite your brain, you'll cook your own goose by a quick fire. (Ch Reader "Hard Cash, ch. XIV) - *Если вы будете нервничать или волноваться, вы сгорите, как свеча.*

Фразеологизм «*to cook your own goose*» означает «*погубить себя*», однако в данном контексте переводчик употребляет образ свечи «*сгореть, как свеча*», чтобы подчеркнуть скоротечность и стремительность жизни.

«*What are you doing here at the crack of dawn?*» he asked as he approached. «*Thank you, ma'am,*» he said to the waitress. «*Nothing for me. I haven't seen you in a hundred years. Where've you been? What are you up to?*» (Michael Connelly, The City Of Bones). - *Ты что здесь делаешь в такую рань несусветную? — Спросил он, подойдя. - Спасибо мадам, - бросил он официантке. - Ничего не надо... - И снова Рэдрику: - Сто лет тебя не видел. Где пропадаешь? Чем занимаешься?*»

Фразеологизм *at the crack of dawn* переводится «на рассвете, с восходом», но в данном предложении переводчик, придерживаясь оригинального разговорного стиля, использует свой вариант, который соответствует стилю произведения.

I got pretty run-down and had to come here and take it easy. (Kurt Vonnegut, *Hocus Pocus*). - А потом я чуть не отдал концы, и меня отправили сюда отдыхать.

Фразеологизм «*to get run-down*» переводится как «истощаться, изнуряться», однако в данном случае выбран вариант «отдать концы», чтобы подчеркнуть степень усталости и изнуренности.

“Now then, now then,” came the Cabby’s voice, a good firm, hardy voice. “Keep cool everyone, that’s what I say. No bones broken, anyone?” (Clive Staples Lewis. *The Chronicles of Narnia, The Magician’s Nephew*) - Ну-ну, — раздался добрый, уверенный и спокойный голос извозчика. — Не падайте духом, ребята! Кости у всех целы?»

Фразеологизм «*to keep cool*» имеет значение «оставаться хладнокровным, успокоиться», в данном контексте он переводится «не падать духом».

He had been in fewer adventures than any of them, because the big things constantly happened just when he had stepped round the corner. (Michael Connelly, *City Of Bones*) - Он реже, чем другие, попал в различные истории, т.к. самое важное случилось, стоило ему отлучиться на минуту.

Фразеологизм *to step round the corner* переводится «свернуть за угол, скрыться, исчезнуть из виду». В этом контексте данный вариант наиболее удачный.

Such generators were often used to break the ice at parties. (Douglas Adams, *The Hitchhiker’s Guide to the Galaxy*) - Такие генераторы часто использовались, чтобы поднять настроение на вечеринках.

Перевод «растопить лед» не соответствует данному контексту и поэтому заменен на более подходящий.

“The most short-sighted man could see that at a glance, with his naked eye», she said. (Helen Fielding, *Bridget Jones’s Diary*) - Увы, это видно даже самому близорукому взгляду».

Выражение *one’s naked eye* переводится «невооруженным глазом». Переводчик учел каламбурный стиль и употребил контекстуальный перевод.

Удачные примеры обертонального перевода предлагаются А.В. Куниным. Эти примеры очень гармонично вписываются в контекст и передают соответствующее настроение.

“You ought to know the best” he said, “but if you want to divorce it’s not very wise to go seeing her, is it? One can’t run with the hare and hunt with the hounds.” [12, с.52] - Вам лучше знать, - сказал он, - но если вы хотите развода, вряд ли разумно бывать у нее. Нельзя быть и охотником и дичью сразу.

“First, I thought I’d leave France. But the governor would say, “Hello, here – didn’t see anything in France?! That cat won’t fight, you know” [12, с.666]

- Сперва я думал уехать из Франции, но отец мне говорил – послушай, ты так ничего и не увидел во Франции, это, знаешь, никуда не годится.

The had come at a good bat up the slope and were a little out of breath. [12, с.52]

- На вершине холма они поднялись почти бегом и немного запыхались.

“I confidently expected that he would be acquitted, but since he hasn’t – “he shook his head significantly: “Quite right”, replied the other, who was also a financier “give a dog a bad name”. [12, с.312] - Я искренне надеялся, что его оправдают, но так как его не оправдали...- и он многозначительно покачал головой. Со-

вершено справедливо, - заметил его собеседник, который был также финансистом. - Туда ему и дорога».

Проблема вариативности фразеологизмов обсуждалась и в трудах ученых-германистов И.И. Чернышевой, В.Н. Телия, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского.

Е.Б. Кротова в своем диссертационном исследовании «Корпусная фразеография (на материале немецкого языка)» затрагивает вопросы контекста при переводе фразеологизмов. Она приводит переводные эквиваленты, возможные лишь в определенном контексте, а также добавляет эквиваленты, отсутствовавшие в существующих немецко-русских словарях для некоторых идиом.

Так, например, ФЕ *zum alten Eisen gehören*: (jmd., etw.) *gehört zum alten Eisen* – переводится следующим образом - (кому-л.) *пора на свалку*; (кого-л.) *пора списать в тираж*; (что-л.) *пора выкинуть (выбросить) на помойку (свалку)*.

Но в конструкции с отрицанием появляется значение - (кого-л., что-л.) *рано списывать со счетов*. - (jmd., etw.) *gehört noch nicht zum alten Eisen*.

Er straft alle Lügen, die behaupten, ein 85-Jähriger gehöre zum alten Eisen (Nach: *Nürnberger Nachrichten*, 16.02.2008). - Он показывает, как ошибаются все те, кто утверждает, что 85-летнему человеку *пора на свалку*.

Was, unsere Braunschweiger Atomuhren, auf die wir nicht wenig stolz sind, sollen in absehbarer Zeit zum alten Eisen gehören? (*Braunschweiger Zeitung*, 12.02.2008).

Неужто наши атомные часы в Брауншвейге, которыми мы так гордимся, в недалеком будущем надо будет выкинуть на свалку?

Dass der 48-Jährige noch nicht zum alten Eisen gehört, hat er mit dem vierten Titelgewinn unter Beweis gestellt (*Rhein-Zeitung*, 25.01.2011).

То, что его, 48-летнего, еще рано списывать со счетов, он доказал, в четвертый раз выиграв соревнования. [10]

Для некоторых ФЕ были добавлены комментарии, в частности, в случае употребления идиом с факультативной валентностью, влияющей на выбор перевода.

Так, для выражения - *auf der richtigen Fährte sein*: (jmd.) *ist auf der richtigen Fährte* - (кто-л.) *идёт по верному пути*; (кто-л.) *идёт верным курсом*; - был дан следующий комментарий: при наличии валентности *mit etw.* *D* идиома может переводиться как *не ошибиться (с чем-л.)*, *не прогадать (с чем-л.)* [10].

Tracking-dog - *mit dieser App bist du immer auf der richtigen Fährte!* *Die App soll den Hundeführern bei der Fährtsuche als Hilfe dienen und sie beim Training unterstützen.* (<http://de.working-dog.eu/tracking-dog>)

Tracking-dog – с этим мобильным программным обеспечением *вы не прогадаете*. (Речь идет о рекламе приложения для мобильного телефона для владельцев собак, которые могут отслеживать местонахождение своего питомца по системе GPS). Любопытно также, что в данной рекламе ФЕ *auf der richtigen Fährte sein* обыгрывается как фразеологический каламбур, ведь обычно по следу идет собака.

Интересно также, что фразеологизмы приобретают окказиональные значения в спортивном дискурсе. Так, к примеру, для ФЕ *den Faden verlieren*: (jmd.) *verliert den Faden* - *потерять нить (разговора, рассказа)* было обнаружено значение (в спортивных контекстах) - *игра расклеилась (у кого-л.)*; (кто-л.) *упустил инициативу*:

In den ersten 15 bis 20 Minuten hatten wir das Spiel unter Kontrolle. Dann aber haben wir den Faden verloren. (*Hamburger Morgenpost*, 30.06.2008) *Первые 15-20 минут мы контролировали ситуацию на поле. А потом мы упустили инициативу.*

К фразеологизму *von allen Geistern verlassen sein* – *потерять последний ум, спятить* Кротова дает следующий комментарий: в спортивном дискурсе фразеологизм получает значение – (кого-л.) *словно подменили*.

Wir haben 45 Minuten lang hervorragend gespielt“, sagte Metsu. Doch nach dem Wechsel schien seine Mannschaft von allen guten Geistern verlassen. (Nürnberger Nachrichten, 12.06.2002)

«45 минут мы играли превосходно», – говорит Метсу. Но после замены игроков команды словно подменили [9].

Анализируя данные примеры, можно заметить, что окказиональная (контекстуальная) замена часто является лексической и грамматической. Слово одной части речи может переводиться словом другой части речи или словосочетанием.

Так, к примеру, в разговорном немецком языке есть фразеологизм *nach Adam Riese* – дословно *по Адаму Ризе*. Происходит он от имени собственного известного составителя учебников по арифметике XVI в. Но перевести его дословно невозможно, так как русскоязычному реципиенту незнакомо это имя. Поэтому этот фразеологизм обычно переводят наречием – *абсолютно точно; по всем правилам арифметики*.

Und dann braucht man wohl mindestens noch tausend, um es einzurichten und um etwas in Reserve zu haben ... Na, dafür würde ich schon sorgen. Also nach Adam Riese etwa dreieinhalb bis viertausend. (W. Bredel. Verwandte und Bekannte) [13, с.17]. – *И тогда, наверное, как минимум нужна еще тысяча, чтобы все устроить и что-то иметь в резерве... Ну, об этом я позабочусь. Так что, при правильном подсчёте, около трех с половиной – четырех тысяч.*

Как видно, данному контексту соответствует более подходящий эквивалент *при правильном подсчёте*.

Поскольку окказиональная (контекстуальная) замена выступает в роли переводческого соответствия единицы в данном контексте, то ее нередко называют окказиональным соответствием.

Контекстуальная фразеология – чрезвычайно сложное явление, для исследования и изучения которого необходимы знания таких наук, как теория языка, культурология, лексикология, история языка, история, философия и страноведение.

Фразеология вызывает бурные диспуты среди лингвистов по многим проблемам, связанным с ней, а именно – что относить к фразеологическим единицам, какие способы перевода применять, как использовать исторические и национальные реалии.

Перевод фразеологических единиц, особенно образных, представляет значительные трудности и требует творческого подхода со стороны переводчика. Это объясняется тем, что многие фразеологизмы являются яркими, эмоциональными оборотами, носят национальный характер и принадлежат к жанру художественной литературы. Важной задачей лингвистов, работающих в области фразеологии, является дальнейшее исследование этого явления с учетом новых подходов и знаний, связанных с различными источниками переводов фразеологизмов.

Список литературы

1. Алёхина А.И. Фразеологическая единица и слово – Минск: 1979.
2. Богатырёва С.Н., Казиахмедова С.Х. Метакогнитивная деятельность переводчика в пространстве межкультурной коммуникации // в сб. Научный

- опыт и знания: историческое прошлое, настоящее и перспективы будущего: Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции 24 ноября 2014 г. - М.: МГГЭУ, 2015. – С. 78-83.
3. Большой энциклопедический словарь, 2-е изд., перераб. и доп. - М.: «Большая Российская энциклопедия» и «Норинт», 1997.
 4. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове.- М.: 1947.
 5. *Джабраилова В.С.* Вариативность перевода художественного текста как результат переводческой интерпретации //в сб. Научный опыт и знания: историческое прошлое, настоящее и перспективы будущего. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. М.: 2015.
 6. *Ельмслев Л.Т.* Прологомены к теории языка //Новое в лингвистике - М.: 1960.
 7. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка, в 3-х томах. – М.: 2006.
 8. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода: (Лингвистические аспекты) - М.: 1990.
 9. *Кротова Е.Б.* Семантика идиом на основе корпусного анализа – М.: МАКС Пресс, 2013. Режим доступа: <http://youngresearchersjournal.org/wp-content/uploads/2013/12/Krotova-E-semantika-idiom.pdf>] (дата обращения 2.03.2016).
 10. *Кротова Е.Б.* «Корпусная фразеография (на материале немецкого языка). Автореферат диссертации. Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/av-jazykoznanie/746830-1-korpusnaya-frazeografiya-na-materiale-nemeckogo-yazika.php>] (дата обращения 2.03.2016).
 11. *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка - М.: Международные отношения, 1996.
 12. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 2004.
 13. *Мальцева Д.Г.* Немецко-русский словарь современных фразеологизмов - М.: Рус. яз. - Медиа, 2005.
 14. *Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика – М.: Наука, 1974.
 15. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация - М.: Слово/ Slovo, 2000.
 16. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание - М.: 2002.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНДАЛУЗСКОГО ДИАЛЕКТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

LINGUISTIC FEATURES OF ANDALUSIAN DIALECT OF SPANISH LANGUAGE

БЕЛОВА Светлана Евгеньевна – преподаватель кафедры иностранных языков МГГЭУ (e-mail: svetuskas@rambler.ru).

BIELOVA Svitlana – the teacher of the chair of foreign languages of the MGGEU (e-mail: svetuskas@rambler.ru)

Аннотация: В данной статье рассматриваются важнейшие отличия андалузского диалекта от официального кастильского языка (испанского), имеющего статус национального и литературного на территории Королевства Испании. Статья раскрывает проблему существования андалузского диалекта в современной Испании с учетом исторических и социальных причин его возникновения. Актуальность выбранной темы аргументируется правом на существование андалузского диалекта также и в культурных кругах, несмотря на его определение как варианта одного языка – испанского.

Ключевые слова: андалузский, диалект, лексика, грамматика, фонетика, ассимиляция.

Summary: In the article the main differences of Andalusian dialect from Castellan (Spanish), that have national and literary status of the Spanish Kingdom, are examined. The article discovers the problem of the existence of the Andalusian dialect in the modern Spain, taking into account the historical and social reasons of its origin. The topicality of the chosen subject is argued by the right for existing of the dialect in cultural circles in stand of the definition of the Andalusian dialect as a variant of one language – Spanish.

Keywords: Andalusian, dialect, vocabulary, grammar, phonetics, assimilation.

Известный поэт, писатель и филолог XV века Х.М. де Мена в предисловии к своей книге «Полемика андалузского диалекта» приводит примеры успешного развития региональных диалектов Европы к статусу языков благодаря ряду работ известных лингвистов. Он также отмечает, что между 1900 и 1936 годами Андалусия потеряла свой шанс на официальное признание её диалекта языком, хотя в то время в Гранаде жил и творил Федерико Гарсия Лорка, в Севилье – Антонио Мачадо, в Кадисе – Рафаэль Альберти, в Уэльве – Хуан Рамон Хименес. Но они, к сожалению, стеснялись своего языка и употребляли в своих произведениях кастильский [2].

Изучение уровней использования языка или диалекта на сегодняшний день является очень важным, ведь они отделяют одну человеческую общность от другой и не только с точки зрения лингвистики, но и с политической, этнической, религиозной точек зрения также. Интерес к изучению андалузского диалекта испанского языка не является внезапным, или странным, поскольку по-прежнему в Испании еще в период эпохи Возрождения.

Первая Грамматика Кастильского языка, а именно он стал с тех пор официальным для испанского королевства, появляется в Испании в 1492 году. Ее автор, Антонио де Небриха (андалузец по происхождению), хотел создать язык, который бы объединил всю страну, поскольку диалекты Пиренейского полуострова были не в состоянии конкурировать с латынью. В данной грамматике появляются некоторые лингвистические особенности, которые не были присущи кастильскому языку раньше, то есть попытки Небрихи установить языковые нормы столкнулись с рядом диалектических отличий, что породило полемику среди лингвистов того времени. Некоторые даже отмечали, что Небриха, будучи андалузцем, априори скомпрометирован для написания любых работ по кастильской грамматике. [1, с. 15]

До сегодняшнего времени интерес к обозначенной проблеме не угасает, а полемика специалистов не утихает. Но большинство склоняется к тому, что андалузский – это способ употребления кастильского языка жителями Андалусии, то есть это вариант кастильского, а значит, это не язык, а диалект. [2, с. 83] Андалузский диалект обладает рядом характеристик, оппозиционных кастильскому языку, а именно: большим разнообразием интонаций, более быстрым ритмом, менее мощным выдохом, смягченной артикуляцией и наконец продвинутой вперед позицией всех артикуляционных органов.

В синхроническом отношении отличие андалузского диалекта от кастильского является огромным по сравнению с диалектами севера Испании или с испанским языком различных слоев населения Мадрида. Численность лиц, говорящих на андалузском диалекте, дает право утверждать, что он является вторым наиболее употребляемым диалектом испанского языка после переходных диалектов Латинской Америки.

Считается все же, что андалузский диалект по причине своего частично кастильского происхождения является лингвистическим гибридом, неким кастильско-мосарабским пиджином, поскольку сочетает в себе, согласно исследованиям, фонетические, морфологические и синтаксические черты островного романского языка и фундаментальную лексическую и морфо-синтаксическую базу кастильского языка.

Однако многие из фонетических особенностей андалузского диалекта были объяснены как обычная и естественная эволюция кастильской фонетики, которую можно сравнить с эволюцией других романских диалектов. Кроме того, Алонсо Замора Висенте, автор учебника о диалектах Испании, отмечает, что многие лингвисты защищают такую эволюцию большинства морфологических и синтаксических особенностей андалузского диалекта, не принимая во внимание мосарабский субстрат. [6, с. 10]

Таким образом, проблема лингвистического определения андалузского феномена остается актуальной и для тех, кто отрицает существование как такового андалузского диалекта, подчеркивая его отличия от кастильского, и для тех, кто определяет его как «андалузский говор». Подобные дискуссии, оказали значительное влияние на андалузцев, по их признанию, навязав им негативное социальное отношение к своему языку, став главными мотиваторами возникновения комплекса лингвистической неполноценности жителей Андалусии.

С другой стороны, как отмечают А. Нарбона Хименес и Р. М.-В. Перес, большинство лингвистов склоняются к определению языка андалузцев как андалузского диалекта, кроме немногочисленной группы исследователей, которые

считают андалузский диалект мосарабско-кастильским пиджином. Принимаем точку зрения большинства и проведем анализ лингвистических особенностей данного диалекта [3, с.101].

Относительно кастильского андалузский диалект на фонетическом уровне имеет различия в поведении гласных, которые можно выделить в два положения: а) западная Андалусия (Уэльва, Севилья, Кадис, восток Кордовы и Малаги) имеет систему гласных, идентичную кастильской; б) в восточной Андалусии (Хаэн, Гранада, Альмерия, запад Кордобы и Малаги) гласные произносятся с большей артикуляцией в конце слова во множественном числе, в отличие от аспирации финальной / s / в западной Андалусии. Центральная Андалусия (восток Севильи и часть Кордобы и Малаги) представляет собой зону пересечения этих двух тенденций.

Выделяется также зона лингвистического слияния провинций Малаги, Севильи и Кордобы (между реками Хениль и Гуадахос), жители которых тяготеют к превращению в «е» кастильских окончаний -al и -ar. Приводим фразу, взятую из данного региона: «Mi marío he ío a trabajé ar cané» вместо «Mi marido ha hido a trabajar al canal» [4; стр.98].

Что касается согласных, то здесь выделяем seseo и сесео – наиболее типичное явление андалузского диалекта, учитывая как давность, так и географическую распространенность. В целом явление seseo заключается в произношении букв z и с, которые в испанском языке передают межзубной звук [θ], как [s]. Например, [sa'pato] и [sje'lo] вместо [θa'pato] и [θjelo]. Как seseo, так и сесео являются отличительными чертами андалузского диалекта от кастильского языка еще с XIV, XV веков. Употребление seseo и сесео еще недавно считалось недостатком речи, и при желании говорящего изобразить речь комического и малообразованного человека употреблялось seseo и сесео. Стоит отметить также, что вариант seseo является более понятным для слушателя, чем противоположный ему сесео, который заключается в произношении буквы s как [θ].

Seseo и сесео имеют различную социальную оценку, что обусловлено подавляющим применением seseo даже за пределами Андалусии и доминированием речи жителей столицы области – Севильи, где seseo используется более культурно развитыми слоями населения. Для тех же андалузцев, которые придерживаются употребления сесео, легче начать использовать seseo, чем научиться выделять [θ] и [s], как в Кастилии [4, с.110].

Другим фонетическим явлением согласных в андалузском диалекте является yeísmo. Феномен yeísmo заключается в замене фонемы [j] на [i] и распространен во многих городах севера и центра Испании. Причем потеря [j] кажется необратимой [4, с.125].

Также встречаем в речи андалузцев замену на фонетическом уровне согласного [l] на согласный [r] в конце состава. Такая замена, в общем, неприемлемая на культурных уровнях языка, является очень распространенной и на территории Латинской Америки. Например: alcalde – [ar'karde], Huelva – [ˈwerβa] [4, с.124].

Присутствует в андалузском диалекте и аспирация. Фонема аспирации существует на территории Испании только в Андалусии и заключается в аспирации согласных звуков в следующих случаях. Немая буква h произносится с придыханием [x] в начале слова. Например: humo – [ˈhumo], hacha – [ˈhaça], хотя этот феномен относится не только к андалузскому диалекту, но и к разговорному кастильскому. Такое произношение связано с существованием латинской буквы

f на месте современной испанской h. Придыхание h встречаем как просторечие во многих районах Испании и Латинской Америки [5, с.84]. С придыханием произносится также кастильский вариант буквы j. Например: ojo – [‘o^ho]. Этот феномен не является повсеместным для Андалусии. В Хаэне, например, встречаем кастильский j. С придыханием произносится буква s, если она стоит перед другим согласным. Например: mismo – [‘mi^hmo], obispo – [o’bi^hpo]. Эта аспирация возникает не всегда, ведь некоторые из говорящих заменяют ее простым дублированием звука, следующего за s. Например: muslo – [‘mu^llo]. Las cuerdas que hemos comprado. – [Lak’kuerdak ke’emok komp’rao]. С придыханием произносится буква s в конце слова во множественном числе в западной Андалусии. Например: Los amigos de mis hermanos son mis amigos – Lo [h] amigo [h] de mi [h] hermano [h] son mi [h] amigo [h]. В отдельных районах Андалусии s произносится с придыханием в любой позиции, будь то в начале или в конце слова [4, с.132].

Рассмотрим также и ослабление финальных согласных, свойственное андалузскому диалекту. Ослабление финальных согласных может происходить путем их смягчения или полной потери. Например: verdad [ber’da (d)] – (смягчение), [ber’da] – (потеря). Потеря финального звука может привести к фонетическому совпадению лексем. Данную проблему решает контекст, или создание варианта лексемы. Например, mal [ma] – (плохо) может совпадать с mar [ma] – (море). Поэтому говорящие используют вариант malamente – (плохо) [5, с.73].

Распространенным примером ослабления является ослабление финальной d, которая в большинстве случаев полностью исчезает: pasado [pa’sao]. В случае выпадения упомянутой d возникает столкновение двух гласных, которые, в свою очередь, упрощаются до одной. Например: «¿adónde vas?» – [A’onde’ba] – [‘ande ba] «? (¿Ande vas?). Форму ande можно услышать почти по всей Испании.

Таким же образом исчезает буква g в интервокальной позиции, хотя этот феномен присущ только для определенных слов и выражений, особенно при быстрой речи. Например: ¡quieres irte ya! – [Kje ‘ite ya], parece – [pa’es (Θ) e] и даже padre – [‘pae].

Существует определенное количество случаев потери других согласных в интервокальной позиции, но потерю финальной g наблюдаем у говорящих по всей Испании [4, с.147].

Далее обратимся к рассмотрению грамматических особенностей андалузского диалекта. Среди грамматических особенностей выделяем смещение акцента в вербальных формах в восточной Андалусии. Например: hagamos – hágamos; cantábamos – cantabamos. Также встречаем замену окончаний глаголов в pretérito perfecto de indicativo во втором и третьем спряжении на окончание глаголов в первом спряжении, характерную для северо-востока провинции Хаэн, в Гранаде и на севере Альмерии. Например: temía – temiba; quería – queriba. Кроме того, может появляться финальная s в глаголах в pretérito perfecto de indicativo во втором лице единственного числа. Например: cantaste – cantastes; temiste – temistes. Нередко встречаем сращение предлога с артиклем. Например, para el – pal, para la – pala.

В восточной Андалусии, в провинции Кордоба, от р. Гуадалкивир и на юг, глаголы в третьем лице единственного числа принимают окончания глаголов второго лица единственного числа, если речь идет о выполнении действия лицами, к которым применяется в кастильском языке вежливое обращение Uds. Например: Uds van – Uds vais, Uds se sienten – Uds os sentáis [6, с.73].

Перейдем к рассмотрению лексических особенностей андалузского диалекта. Здесь лексике присущи архаизмы: *man que* – *aunque* (хотя), *sabero* – *último* (последний), *sañear* – *tomar sañas* (пить спиртное), *prometer* – *asegurar* (уверять). Также встречаются арабизмы: *aljofifa* – швабра, *alcarcil* – артишок. Есть и слова, происходящие из области Леона: *esmorecerse* – упасть в обморок. Встречаем слова, происходящие из области Арагона: *babero* – детский нагрудник, *fuguillas* – человек, легко возбуждается и сердится. Есть даже заимствования из языка цыган и жаргонизмы: *gili* – глупый, *rapoli* – легковверный человек, *menda* – я [7, с.92].

Таким образом, анализ фонетических, грамматических и лексических особенностей андалузского диалекта позволяет прийти к заключению о форме существования андалузской разновидности в пиренейском национальном варианте испанского языка и определить его как диалект. Диалектные различия проявляются, прежде всего, на уровне фонетики и лексики. Речь идет о диалектических разновидностях одного языка – испанского, – которые иногда считают просторечием, но которые, однако, имеют право на существование и в культурных кругах.

Рассматривая лексический состав андалузского диалекта, необходимо сказать об общенациональном языке, составляющем основной пласт лексики. Основными источниками ее пополнения для андалузского диалекта это большей частью лексические единицы арабского и мосарабского происхождения.

Список литературы

1. *Frago Gracia, Juan Antonio*. Historia de las hablas andaluzas. - Madrid: Arco/Libros, 1983. – 224p.
2. Andalucía comunidad cultural. Periódico digital. El polémico dialecto andaluz. Режим доступа: <http://andalucia.cc/adarve/polemicodialecto.html> (дата обращения 06.05.16)
3. *Narbona Jiménez, Antonio y Morillo-Velarde Pérez, Ramón*. Las hablas andaluzas. - Córdoba: Monte de Piedad y Caja de Ahorros de Córdoba, 1987. – 106p.
4. *Alvar, Manuel*. Textos andaluces en transcripción fonética. – Madrid: Ed. Gredos, 1995. – 168p.
5. *Becerra Hiraldo, José María*. Lenguas Especiales de Andalucía: Repertorios léxicos. Granada: Universidad de Granada, 1992. – 276p.
6. *Zamora Vicente, Alonso*. Dialectología española. – Madrid: Ed. Gredos, 1967. – 587p.
7. *Onieva, Juan Luis*. Ortografía y vocabulario para los andaluces. – Córdoba: Ed. Playor, 1985. – 156p.
8. Biblioteca virtual Miguel de Cervantes. Alvar, Manuel. ¿Existe el dialecto andaluz? Режим доступа: www.cervantesvirtual.com (дата обращения 06.05.16)

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И МНОГОАСПЕКТНОСТЬ РАЗВИТИЯ

THE PHENOMENON OF SOCIAL JOURNALISM: THE RELEVANCE AND COMPLEXITY OF DEVELOPMENT

ЖЕЛУДЕВА Елена Вадимовна – кандидат философских наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики МГГЭУ (e-mail: academia_mva@mail.ru).

БАЙРАМОВА Саида Айдын кызы – студентка 4 курса факультета книгоиздания и редактирования (направление «Журналистика») МГГЭУ (e-mail: bayramovasaida@gmail.ru).

ZHELUDEVA Elena Vadimovna – candidate of philosophical Sciences, Associate Professor of Russian language, literature and journalism, MGGTU, Moscow (e-mail: academia_mva@mail.ru).

BAYRAMOVA Saida – the student 4 courses of the faculty of publishing and editing (direction «Journalism») MGGTU, Moscow (e-mail: bayramovasaida@gmail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются различные точки зрения на феномен понятия «социальная журналистика» как самостоятельного вида журналистской деятельности. Представлен анализ её исторической формы развития в России и в мировом сообществе; отмечена актуальность решения социальных проблем усилиями СМИ; сделан акцент на учебные дисциплины курса, напрямую связанные с социальной журналистикой.

Ключевые слова: социальная журналистика, качества социального журналиста, социальная проблематика, социальный репортаж, социальная сфера, гражданское общество, вектор социального развития.

Summary. The article considers different points of view on the phenomenon of the concept of «social journalism» as an independent type of journalism. The analysis of the characteristics of its historical form of development in Russia and in the world community; the relevance of the solution of social problems of the media efforts.

Keywords: social journalism, the quality of social journalist, social issues, social report, social sphere, civil society, vector of social development.

Социальная сфера является одной из важнейших сфер жизни общества. Представляя собой совокупность отраслей, предприятий и организаций, связанных между собой и обозначающих образ и уровень жизни людей, она определяет не только качество их жизни, но и морально-психологический климат социума. Будучи сложным многоплановым образованием, социальная сфера находится в многообразной и динамичной взаимосвязи с целым рядом глобальных, региональных и локальных явлений.

«Современный мир вступил в период социальной неопределённости, поиска новых социальных практик, социальных ценностей, векторов социального развития» [2, с. 5]. Сильнейшее воздействие на социальную сферу оказывают процессы общепланетарного уровня и факторы регионального и локального мас-

штаба. Социентальность как форма самоидентификации человека выступает в последние годы в контексте многочисленных исследований по журналистике, одним из видов которой является социальная журналистика.

Сегодня это направление вызывает пристальное внимание теоретиков, поставивших своей целью описать его в качестве оригинальной типологии, выявив особые черты предмета, цель и выразительные характеристики. Порою это бывает очень сложно сделать из-за «молодости» и многоаспектности развития данного феномена, но подобная «разногласица» мнений лишь подчёркивает актуальность рассматриваемой проблемы, фиксируя и отражая те или иные мнения и концептуальные подходы её обоснования.

Уже сам термин «социальная журналистика» по-разному трактуется исследователями, будучи прочно связанным с многозначностью определения «социальное» и его традиционным использованием в отечественных СМИ.

«Журналистика сопричастности», «партиципаторная журналистика», «журналистика соучастия», «народная», «общественная», «гражданская», «социожурналистика», «новая» журналистика – таков примерный перечень её определений, предлагаемых теоретиками и практиками, исследующими данное направление в течение почти тридцатилетнего периода его становления в журнализме.

Эволюция «выкристаллизации» данного понятия наглядно прослеживается в работах отечественных исследователей – М.А. Бережной, И.М. Дзялошинского, Т.И. Фроловой, И.Д. Фомичевой, П.Н. Киричка, С.Г. Корконосенко, В.Ф. Олешко, С.В. Бориснёва, А.Н. Болкунова, П.В. Баутиной, Р.Г. Иванян, И.А. Зацепиной.

Отдельные вопросы, так или иначе затрагивающие аспекты взаимоотношений между средствами массовой информации, социумом и государственной властью, можно рассмотреть в трудах зарубежных учёных – Пьера Бурдьё, Френсиса Балля, Юргена Хабермаса, Дэниса Маккуэйла.

Позиции в определении термина «социальная журналистика» довольно разнообразны. Кратко остановимся на некоторых из них.

Так, И.М. Дзялошинский утверждает, что понятие «социальная журналистика» чаще всего употребляют, когда предмет журналистской деятельности очерчен кругом социальных проблем [9, с. 22].

Участники исследований АСИ «Социальная информация в российских СМИ» убеждены в том, что социальная журналистика должна быть отделена от политики и экономики, но именно на неё направлены их удары АСИ [20].

Известный журналист и педагог О.П. Чернега выделяет это направление в отдельную группу в связи с его социальной природой [25, с. 181].

Т.И. Фролова видит в социальной журналистике «человеческое пространство», в котором присутствуют разнообразные человеческие отношения: от взаимодействия с социальными институтами до «общения» с самим собой. По её мнению, предмет этого направления наполнен актуальными и важными вопросами [23].

В исследовательской литературе появился термин «public journalism», что означает «общественная журналистика», и А.Ю. Быков формулирует её главные функции, заключающиеся в конструировании диалога между обществом и властью, привлечении граждан к активному образу общественной и политической жизни, устранению «взрывных» ситуаций [7, с. 21].

Социологи Э. Деннис и Дж. Мэррил видят в основании социальной журналистики коммунитаризм (от англ. community – община, коммуна; означает служение интересам конкретной общины, сообщества), а «общественную журнали-

стику», или «гражданскую журналистику», определяют как его разновидность [10, с. 252].

Эффективность диалога власти и социальных масс-медиа – к такому заключению приходят другие исследователи [8; 18; 20; 24].

Став неотъемлемой частью публичного пространства, социальная журналистика возникла в результате изменений, произошедших в ходе исторических преобразований в российской действительности, и её функциональная направленность связана, прежде всего, с непосредственной позицией журналиста. От неё ждут внимания к человеку; ей отводится роль не просто «зеркала», отражающего «злобу дня» на фоне повседневной жизни, но и воспитателя гражданской ответственности, отстаивания своих прав [4].

Начало нынешнего столетия выявило беспрецедентно возросшую роль коммуникаций в жизни современного общества. Век радикальных социальных перемен и невиданного технического прогресса породил череду коммуникационных революций, которые, в свою очередь, вызвали к жизни новые отношения, формы и способы общения между людьми. Развитие коммуникаций дало импульс к развитию качественно новых социально-культурных феноменов, кардинально меняя привычную направленность, масштабы и наполнение информационных потоков в обществе. Журналистика уже представляет собой часть мировой культуры и важную часть общественного движения, выступая в качестве одного из важнейших явлений современной цивилизации.

На современном этапе развития социальная журналистика приобретает все большую актуальность и становится практически приоритетной основой функционирования целого сегмента универсальных и специализированных СМИ: разрабатывается её теоретическая база, рассматриваются вопросы, связанные с «жанровой палитрой» и выделением социальной журналистики в отдельную сферу деятельности масс-медиа.

Основным предметом аналитического исследования социальной журналистики являются социальные проблемы. Именно социальной журналистике принадлежит главенствующая роль в определении ситуации как проблемной, в придании ей меры релевантности и легитимности, необходимых для того, чтобы она стала предметом обсуждения широкой общественности [4, с. 7].

Причины социальных проблем, основательно вошедших в нашу повседневность, находятся глубоко внутри конфликта. «Не дать к ним привыкнуть – это тоже дело средств массовой информации» [5, с. 103].

Трансформация социальной жизни привела к изменениям в социальной политике государства, в подходе к возникновению социальных проблем, а также их решению. Социальная журналистика прочно вошла в СМИ, стала их мощным инструментом, включающим социальные проблемы в публичное пространство, а порою и выступающая оппозицией органам власти во взглядах на то, как должны решаться возникающие проблемы и кто несет ответственность за их появление.

Кругооборот журнальных и газетных образов, выразителей социальных проблем, их приоритетность тесно связаны с политической и экономической ситуацией в стране. В постсоветское время масштабы одних социальных проблем в прессе увеличивались, становились первоочередными в повестке дня («наркомания», «бедность»). Другие по-прежнему окончательно «не признавались» («алкоголизм», «проституция», «семейное насилие»); третьи принимались

как данность («нарушение прав ребенка», «инвалидность»), правда, при этом немного изменялась модальность. Четвёртые возникли уже совсем недавно (миграция); о пятых заговорила общественность («суициды», «престарелые», «СПИД и ВИЧ-инфицированные») [4].

Часто социальную журналистику рассматривают в узком значении – лишь в качестве какого-то объёма текстов, связанных с проблемами социально незащищённых слоёв населения [3]. Подобное представление возникло под влиянием кризиса 90-х годов: тогда в числе «беззащитных» находилась большая часть населения, что дало повод сформировать «печальный образ» социальной журналистики, так до сих пор и оставшийся в массовом сознании.

Но не приемлемо и слишком широкое понимание социальной журналистики, поскольку в такой интерпретации предмет «размывается» и теряет границы обзора.

Одним словом, оба подхода к проблеме искажают представление о предмете социальной журналистики, что нередко приводит к неглубокому и стихийному формированию социальной «повестки дня» в СМИ [17, с. 98].

В действительности же, по утверждению исследователей, «предметный потенциал этой области журналистики огромен», поскольку в нём присутствуют одновременно и отдельные участки социальной сферы с их постоянно меняющейся актуальной проблематикой и становлением современных институтов, и общественная экспертиза новых законов и решений, и интересы разных социальных, национальных, возрастных, профессиональных групп, и неисчерпаемая проблематика отдельных персоналий. Это и различные уровни их восприятия и обобщения.

«Факты и ситуации, судьбы и характеры, явления, события, процессы — словом, актуальная, оперативная и конкретная информация о структурном и функциональном состоянии общества и отдельных его групп, поддерживающая баланс интересов, о социальной динамике и характере ее протекания, позволяющая своевременно предотвратить кризисное развитие» [17, с. 98].

Настоящая социальная журналистика, по мнению профессора Т.И. Фроловой, интегрирует в себе самые разные аспекты профессиональной журналистской деятельности. Она отражает в прессе проблемы социальной сферы в ее связях с другими сферами общественной жизни; анализирует информацию с позиций общественного большинства, а также в интересах развития всего общества; использует профессиональные ресурсы и особые методы, формирующие творческое своеобразие социальной журналистики; вовлекает в информационный обмен самих граждан.

Традиционно разделяя общество на четыре основные сферы — политическую, экономическую, социальную и духовную, — мы понимаем, что каждая из них несёт свою специфику. Но именно социальная сфера определяет предметное своеобразие социальной журналистики и ее тематические особенности: проблемы труда, занятости, доходов, образования, здравоохранения, социальной защиты, межнациональных отношений, женщин, детей, семьи, других социальных групп и отдельных сегментов, социальной инфраструктуры и т.д. И проблематика в данном случае подвижна, изменчива, злободневна, поскольку решаются проблемы, вытекающие из характера социальных связей в конкретный исторический период. А, значит, и реальное наполнение социальной проблематики создается отражением актуальных проблем социальной сферы

данного общества в конкретный период. И эффективность качества отражения значительно влияет на общественное развитие [17, с. 99].

Очень важно сказать об опыте мировой журналистики в освещении социальных проблем. И в благополучных, на наш российский взгляд, развитых обществах также ощущается потребность в том, чтобы вернуть журналистике ее главное предназначение, а именно: содействовать улучшению жизни социума, снабжать общество информацией, необходимой его гражданам.

Так, в практике СМИ США широко используются понятия «civic journalism» и «citizen journalism» (гражданская журналистика), смысл которых в основных чертах сходен с нашим представлением о социальной журналистике. Американская гражданская журналистика озабочена состоянием своей «четвёртой власти»: в её интерпретации общество представляется толпой «зрителей, наблюдающих ежедневное шоу», а не нацию граждан, соучаствующих в решении проблем [17, с. 121]. Для гражданской журналистики, считают американские коллеги, необходимы другое определение информации, другие её источники, новые отношения с аудиторией.

Нечто подобное в своё время имело место и в европейской журналистике. Пример тому – опыт английской газеты «Гардиан», а затем и еще нескольких британских общенациональных газет. В них была учреждена должность омбудсмена, то есть независимого читательского редактора, выполняющего функции контроля за соблюдением прав и интересов читателей газеты.

Кроме того, в обществах развитой демократии имеют большое влияние не только некоммерческие организации, но и их издания, а также местная муниципальная пресса, что позволяет «держат в поле общественного внимания» любые проблемы повседневного бытия, публично их обсуждать, контролировать действия местной власти и функционирование институтов, инфраструктуры, развивать социальные сети, поддерживая коммуникацию в целях более эффективного и гармоничного развития местного сообщества [17, с. 122].

В последние годы в США становится популярной «нарративная журналистика» – описательная, а точнее, бытописательная и нравоописательная журналистика. В её основе – не «жесткая новость», не «перевернутая пирамида», а рассказ, история. Нарративную журналистику преподают во многих американских университетах; существует даже специальная премия, которая присуждается только студентам за исключительные журналистские нарративы. По этому направлению присуждаются степени бакалавра и магистра, защищаются докторские диссертации [26, с. 2].

В 2006 г. в США была учреждена международная ассоциация по изучению нарративной журналистики «International Association on Literary Journalism Studies». Она проводит ежегодные конференции, издает научный журнал «Literary Journalism Studies». Американские исследователи видят большой потенциал для дальнейшего теоретического изучения нарративной журналистики и необходимость её серьезного научного рассмотрения [6].

Все, что здесь перечислено, – лишь отдельные факты, отражающие различные стороны журналистской практики, но все они служат подтверждением общей тенденции: мировая журналистика все больше осознает социальные приоритеты. А это означает, что социальная журналистика нужна обществу, что она будет развиваться. В стабильном социуме она не только не потеряет своих позиций, а напротив, раскроет свой творческий потенциал.

Профиль «Социально-гуманитарная журналистика» образовательной программы ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» включает в себя ряд дисциплин широкого социального направления, представляя собой логическое продолжение изученных ранее курсов [12, с. 18]. Это «Социальная журналистика», «Актуальные гуманитарные проблемы», «Социальная проблематика СМИ», «Работа журналиста в сфере социальной журналистики», «Современный социально-гуманитарный медиаконтент», «Социальное проектирование в практике современных СМИ», «Социальная реклама и PR», «Авторские технологии в социальной журналистике» и др.

В нём сходятся основные линии теоретического знания из разных областей и концентрируются вокруг конкретных проблемно-тематических направлений журналистской практики.

Таким образом, изучение дисциплин социально-гуманитарного профиля становится ещё одним шагом на пути к освоению основ профессионального мастерства, своеобразным «мостиком» от теории к практике.

Производство информации – фундаментальное свойство журналистики, и реальная жизнь, повседневность в бесчисленных проявлениях является ее исходным моментом. Противоречия общественного бытия осознаются как проблемы социальной практики, являясь предметной областью журналистики.

В совокупном содержании медийных текстов происходит выявление социальных противоречий, отражается их развитие, создаются предпосылки для разрешения. Качество контента непосредственно влияет на ход социальной практики, воздействуя на ее эффективность, а предметная и познавательная компетентность журналиста выступает неотъемлемой чертой его профессионального облика [16].

И хотя теоретические основы данного сегмента наук о журналистике пока еще в стадии своего развития, определённые практические шаги в данном аспекте имеют место

Так, социально-гуманитарный профиль журналистского образования, представленный в учебном плане МГТЭУ, объединил ряд дисциплин, связанных информацией о текущем состоянии различных сфер общественной жизни. Разработанные специально для журналистов, они актуализируют проблемы методологии и эффективности журналистского отражения реалий.

По мнению авторов, занимающихся данной проблемой, задача специализации в учебных программах так же актуальна, как и формирование профессиональной базы [19, с. 5].

В пользу такого взгляда свидетельствует реальная практика журналистики: в критике современной российской прессы одно из основных мест занимает неудовлетворенность ее содержанием. Слабость контента и вытекающая из этого неэффективность СМИ в производстве смыслов очевидны. Одна из причин – массовая некомпетентность журналистов в освоении стремительно меняющихся реалий жизни. «Неглубокое прочтение основ журналистской специализации на фоне недопонимания и незнания нюансов социальной проблематики приводит к появлению журналистских выступлений, которые не только не отражают сути явлений, а наоборот – искажают её» [15, с. 41]. Особенно остро эта проблема стоит перед молодыми журналистами, выпускниками вузов.

Между фундаментальными университетскими курсами и тем, что открывается молодому человеку в реальной и конкретной сфере общественной жизни

недеятельности, нередко образуется разрыв: в аудиториях студент знакомится с принципами, методами, категориями, процессами и т.д., а на практике имеет дело с событиями, ситуациями, людьми, чрезвычайными происшествиями.

Установить связь одного с другим порой нелегко и опытному журналисту; и тогда аудитория СМИ может столкнуться с ошибочными интерпретациями и ложными идеями. О новичках и говорить не приходится, потому что абсолютное большинство молодых журналистов ощущает на себе груз некомпетентности, тяжесть незнания.

Перечисленные дисциплины должны помочь студентам-журналистам составить начальное представление о текущей социальной практике, разобраться в непростых реалиях сегодняшнего дня, дать представление о реальных, наиболее актуальных процессах и событиях в конкретных областях социальной практики.

Они охватывают проблемы современности, носящие всеобщий характер, – глобализацию, демографические, миграционные, экологические проблемы – и актуальны для всего мирового сообщества, потому что воздействуют на все стороны жизни.

«Настроенность студентов на понимание и действие весьма красноречиво свидетельствует об их гражданской позиции, о стремлении участвовать в преобразовании социальной среды и в профессиональном, и в гражданском качестве» [21, с. 89].

«Сегодня в России идет напряженная работа по реализации инклюзивной модели образования. Этот процесс получения знаний и профессиональных навыков предполагает совместное обучение студентов независимо от ограничений возможностей их здоровья» [11, с. 129].

«У здоровых детей, проходящих через инклюзивное образование, появляется больше сочувствия, сопереживания и понимания, они становятся общительными и терпимыми, что особенно актуально для общества с крайне низким уровнем толерантности. Инклюзивное образование резко снижает иерархические проявления в учебном коллективе» [13].

В Московском государственном гуманитарно-экономическом университете на практике осуществляются все вышеперечисленные моменты инклюзивной модели образования. По словам ректора института профессора В.Д. Байрамова, «образуя единый, сплоченный коллектив, наши студенты в равной степени помогают друг другу справиться с тяготами современной жизни, совместно решают общие проблемы, любят, уважают друг друга и зачастую создают счастливые семьи» [1, с. 6].

Каждая прошедшая эпоха привносит в новый век нечто позитивное, «делится» накопленным опытом. Разумеется, всегда имеют место нереализованные потребности, искажения и «перегибы». И нам только предстоит понять, что такое настоящая, полноценная социальная журналистика. В данном случае всякий исторический опыт – и положительный, и отрицательный – будет на этом пути полезным.

В настоящее время наиболее актуальными проблемами социальной журналистики следует считать повышение ее статуса в профессиональном и общественном сознании, что может произойти лишь при условии усиления ее концептуальности и тщательной разработки каждым изданием собственных коммуникативных стратегий. Нужны полнота информации об обществе, глубокий анализ, адекватные творческие формы. Только решив эти задачи, социальная

журналистика сможет стать местом создания, апробации и развития социальных технологий [14].

Краткий обзор современного состояния социальной журналистики, её многоаспектности показывает, что проблема поиска адекватных и эффективных средств для публичного представления интересов общественного большинства в средствах массовой информации существует. Роль российских СМИ в решении социальных проблем не поддается однозначной оценке.

И хотя, как считают исследователи, в 1990-е годы пресса не справилась со своими задачами и сегодня ее деятельность представляется более эффективной, до подлинной социальности и прессе, и обществу еще далеко.

И всё же... Да осилит дорогу идущий! Медленно, постепенно усваивая уроки истории, журналистика возвращается в пространство человека. В связи с революционными переменами в области информационных технологий кардинально меняется вся философия человеческого бытия.

Одним из показателей формирования гражданского общества является востребованность в СМИ социальной журналистики, что связано с социализацией человека на различных этапах его жизни, улучшением его социального самочувствия и созданием условий для максимальной самореализации.

Список литературы

1. Байрамов В.Д. Жизнь безграничных возможностей – это МГСГИ! //Вестник Московского государственного социально-гуманитарного института. – 2010. – № 1. – С. 6.
2. Байрамов В.Д. Россия: путь к социальному хаосу или модернизация? – М.: Экон-информ., 2012. – С. 5.
3. Баутина П.В. Газетный дискурс социальной журналистики: попытка исследования. // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. Кн. 4. С. 137–144. Режим доступа: http://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/25557/150_4_gum_17.pdf (дата обращения: 18.04.2016).
4. Баутина П.В. Журналистика как средство конструирования социальных проблем: автореф. дис. канд. филол. наук – Казань, 2009. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Flibweb.kpfu.ru%2Fz3950%2Frefrat%2F091014_2.pdf&name=091014_2.pdf&lang=ru&c=571cb24d8d3e&page=7 (дата обращения: 21.04.2016).
5. Баутина П.В. Способы конструирования социальных проблем в журналистике //Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2014. № 2. – С. 99–105.
6. Бозрикова С.А. Нарративная журналистика как явление. Режим доступа: <http://конференция.com.ua/pages/view/247> (дата обращения: 17.04.2016).
7. Быков А.Ю. Современная зарубежная журналистика: Конспект лекций. Учебное пособие. Екатеринбург, 2003. – 89 с.
8. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран – М.: Флинта: Наука, 2003.
9. Дзялошинский И.М. Какая журналистика может считаться социальной? // НКО и СМИ: мостик через пропасть. – М., АСИ, 2002.
10. Дэннис Э., Мэррилл, Дж. Беседы о масс-медиа. Издательство: М.: Вагриус, 1997.

11. *Егоров П.А.* Эстетическое развитие личности студента вуза в рамках инклюзивной модели образования //Человек. Общество. Инклюзия. 2013. № 4 (16). – С. 129–135.
12. *Желудева Е.В.* Культура учебного труда в журналистском образовании: учебное пособие. – М.: МГГЭУ, 2015.
13. Жизнь без преград. Инклюзивное образование в России. Режим доступа: http://ria.ru/disabled_know/20130830/959635715.html (дата обращения: 17.04.2016)
14. *Зацепина И.А.* Основные проблемы организации и специфика общественного регионального радиовещания в России: автореф. дис. канд. филол. наук – Екатеринбург, 2006. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/842/1/urgu0369s.pdf> (дата обращения: 17.04.2016)
15. *Иванян Р.Г.* Непонимание социальных проблем: причины и следствия в журналистике. // Век информации. Медиа в современном мире – Петербургские чтения: матер. 54-ого междунар. Форума (22-24 апреля 2015 г.) / отв. ред. С.Г. Корконосенко. – 2015. №3 (S4). – Спб.: Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций, 2015. – http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1429795426_6762.pdf (дата обращения: 15.04.2016).
16. *Маккуэйл Дэнис.* Журналистика и общество. – М.: МедиаМир. 2013.
17. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня /под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. – М.: Аспект Пресс, 2008.
18. *Прохоров Е.П.* Журналистика и демократия. М.: РИП-холдинг, 2001.
19. Современное журналистское образование: технологии и особенности преподавания – М.: Медиа-Мир, 2008.
20. Социальная информация в российских периодических изданиях // Информационно-аналитический бюллетень АСИ. 1997 № 30 – 1998 № 21.
21. *Фролова Т.И.* Академический курс «Социальная журналистика»: к вопросу о гуманизации профессионального образования журналистов //Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 5. – С. 83–90.
22. *Фролова Т.И.* Предметно-функциональные особенности социальной журналистики //Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 2. – С. 150–156.
23. *Фролова Т.И.* Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге – М.: Пульс, 2003.
24. *Чернега О.П.* «Гражданская журналистика» и «социальная журналистика» в российской и зарубежной теориях СМИ. СМИ в современном мире // Тезисы научно-практической конференции. – СПб., 2005. – С. 245–246.
25. *Чернега О.П.* Социальная журналистика: становление типологии //Журналистика в 2002 году: СМИ и реалии нового века. – М., 2003. – С.181.
26. Greenberg Susan The Poetics of Fact // The Newsletter of the IALJS. Literary Journalism. Fall 2010. Vol. 4 № 4. p.2–3.

Ю.С. Пиньковецкая

ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

REGULARITIES AND TENDENCIES OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПИНЬКОВЕЦКАЯ Юлия Семеновна - кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономического анализа и государственного управления» УлГУ (e-mail: judy54@yandex.ru).

PINKOVETSKAIA Julia Semenovna - Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economical Analysis and State Management» Ulsu (e-mail: judy54@yandex.ru).

Аннотация. В статье приведен сравнительный анализ абсолютных и удельных показателей деятельности малого и среднего предпринимательства за 2010 и 2014 годы, а также итоги оценки роли предпринимательских структур в экономике страны и ее регионов. Рассмотрена динамика изменения показателей за указанный период. Представлены функции плотности нормального распределения, описывающие по субъектам страны удельные веса оборота малого и среднего предпринимательства в общем обороте всех предприятий и организаций, оборот, приходящийся на одного работника предпринимательских структур, а также в расчете на одного жителя. Полученные результаты обладают определенной научной новизной.

Ключевые слова: предпринимательство, малые предприятия, средние предприятия, индивидуальные предприниматели, экономико-математические модели, функции плотности распределения.

Summary. The paper presents a comparative analysis of absolute and specific indicators of activity small and medium entrepreneurship in 2010 and 2014 years, as well as the results of the evaluation of the role of entrepreneurial structures in the economy of the country and its regions. Discuss the dynamics of changes in indicators over the period. Presented functions density of normal distribution, describing on the subjects of the country unit weights turnover of small and medium entrepreneurship in the total turnover of all enterprises and organizations, the turnover attributable to one employee of entrepreneurial structures and also in the solving on one resident. Achieved results have certain scientific novelty.

Keywords: entrepreneurship, small enterprises, medium enterprises, individual entrepreneurs, economic-mathematical models, functions of density distribution.

Решение задач преодоления кризисных явлений в национальной экономике требуют изменения ее структуры, развития импортозамещения и внедрения инноваций. Именно предпринимательство, исходя из его динамичного характера, и относительно небольших потребностей в инвестициях, способно в ближайшее время обеспечить рост валового продукта и изменение тренда социально-экономических процессов, о чем неоднократно указывалось в выступлениях Президента, в частности на заседании Госсовета 7 апреля 2015 года [1], и решениях Правительства.

Целью исследований, итоги которых представлены в настоящей статье, являлся анализ закономерностей и тенденций развития малого и среднего предпринимательства.

При этом решались задачи сравнительного анализа абсолютных и удельных показателей деятельности малого и среднего предпринимательства за 2010 и 2014 годы, а также оценки его роли в экономике страны и ее регионов.

Известно, что к малому и среднему предпринимательству относятся малые предприятия, средние предприятия и индивидуальные предприятия, называемые далее предпринимательские структуры или кратко МСИП.

Проведенные исследования включали следующие этапы:

- сбор и обработка статистической информации, характеризующей показатели деятельности совокупностей МСИП, функционирующих в Российской Федерации и ее субъектах;
- формирование соответствующих информационных массивов, характеризующих количество жителей и численность экономически активного населения по стране и каждому из субъектов;
- проведение сравнительного анализа показателей деятельности МСИП в 2010 и 2014 годах;
- разработка функций плотности нормального распределения, описывающих по субъектам страны удельные веса оборота совокупности МСИП в общем обороте всех предприятий и организаций, оборот, приходящийся на одного работника предпринимательских структур, оборот МСИП и общий оборот предприятий и организаций (включая МСИП) в расчете на одного жителя;
- оценка качества функций по критериям согласия;
- анализ полученных функций, в том числе определение средних значений и интервалов изменения показателей, характерных для большинства субъектов страны;
- определение закономерностей и тенденций становления и развития предпринимательских структур на основе сравнительного анализа и функций плотности нормального распределения за 2010 и 2014 годы.

В качестве исходных данных были использованы официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики за 2010 год и 2014 год, описывающие деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства [2], количество жителей [3], а также и численность экономически активного населения [4] в Российской Федерации и ее субъектах. При проведении расчетов учитывались показатели, характеризующие малое и среднее предпринимательство в 79 субъектах страны, в том числе 21 республике, 9 краях, 46 областях, 2 городах федерального значения и автономной области. Для исключения повторного счета не рассматривались статистические данные по

автономным округам. Кроме того, в процессе проведения расчетных экспериментов не рассматривались данные по Крымскому федеральному округу, поскольку этот округ не входил в Россию в 2010 году.

В процессе исследования использовались методы логического и экономического анализа, теории вероятностей и математической статистики. Для обработки информации применены прикладные компьютерные программы «Microsoft Excel» и «Statistica».

В табл. 1 приведены данные, характеризующие количество МСИП и численность их работников по Российской Федерации, а также удельные показатели в расчете на 100 жителей и 100 человек экономически активного населения.

Таблица 1

Сравнение показателей деятельности МСИП в 2010 и 2014 годах

Показатели	2010 год	2014 год	Изменение (+,-)
Количество малых предприятий	1644269	2103780	+459511
Количество средних предприятий	25170	13691	-11479
Количество индивидуальных предпринимателей	1914283	2493005	+578722
Общее количество МСИП	3583722	4610476	+1026754
Численность работников малых предприятий, тыс. чел.	11149	11744	+595
Численность работников средних предприятий, тыс. чел.	2583	1659	-924
Численность работников, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, тыс. чел.	5386	5646	+260
Общая численность работников МСИП, тыс. чел.	19118	19049	-69
Средняя численность работников одного малого предприятия, чел.	6,78	5,58	-1,20
Средняя численность работников одного среднего предприятия, чел.	102,62	121,17	+18,55
Средняя численность работников, занятых у одного индивидуального предпринимателя, чел.	2,81	2,26	-0,55
Средняя численность работников одного МСИП, чел.	5,33	4,13	-1,20
Количество МСИП в расчете на 100 жителей	2,51	3,16	+0,645
Количество МСИП в расчете на 100 человек экономически активного населения	4,75	6,11	+1,36
Численность работников МСИП в расчете на 100 жителей	13,38	13,04	-0,34
Численность работников МСИП в расчете на 100 человек экономически активного населения	25,33	25,25	-0,08

Эта и все последующие таблицы и зависимости разработаны автором.

Анализ данных, приведенных в *табл. 1*, показывает, что в 2014 году по сравнению с 2010 годом количество малых предприятий существенно (на 28%) возросло. Противоположная тенденция характерна для средних предприятий. Их количество почти в два раза (на 46%) сократилось. Уменьшение количества средних предприятий, на наш взгляд, обусловлено институциональными аспектами регулирования деятельности предпринимательства в России. В 2010 году большинство средних предприятий имели численность работников немногим выше минимального законодательно установленного значения. Средняя численность работников одного такого предприятия составляла 102,62 человека. К 2014 году во многих средних предприятиях было проведено сокращение численности работников (до уровня не выше 100 человек) и, соответственно, произошел переход этих предприятий в категорию малых предприятий. Это обеспечило им определенные преимущества по сравнению со средними предприятиями. В частности, переход в категорию малых позволил применять упрощенную систему налогообложения, обеспечивающую легальное снижение размера уплачиваемых налогов. Отметим, что предположение о переходе части средних предприятий в малые подтверждается таким фактом: на предприятиях, которые остались в категории средних в 2014 году, численность работников, занятых на одном предприятии, возросла до 121 человека (на 18% по сравнению с 2010 годом).

Количество индивидуальных предпринимателей в 2014 году увеличилось по сравнению с 2010 годом на 30%. В целом общее количество МСИП возросло на 29% и составило в 2014 году по Российской Федерации более 4,6 миллиона предпринимательских структур.

Численность работников малых предприятий, как и количество занятых в сфере индивидуального предпринимательства увеличилась на 5% в 2014 году по сравнению с 2010 годом. Отметим что численность работников, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, включает как количество индивидуальных предпринимателей, так и количество наемных работников.

Численность работников средних предприятий уменьшилась на 924 тысячи человек (на 36%). В целом, общая численность работников МСИП уменьшилась на 64 тысячи человек.

Как уже отмечалось, количество работников, занятых в одном среднем предприятии увеличилось за рассматриваемые годы на 18%. Для малых предприятий и индивидуальных предпринимателей отмечается противоположная тенденция: соответствующие показатели уменьшились на 18% и 20%.

Необходимо обратить внимание на то, что на одного индивидуального предпринимателя в среднем приходится всего один наемный работник. Кроме наемных работников, каждый пятый предприниматель, по данным статистики, привлекает к своей деятельности одного из членов семьи. Все это позволяет сделать вывод о значительном удельном весе индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на основе семейного бизнеса и самозанятости.

Средняя численность работников в расчете на одну предпринимательскую структуру сократилась с 5,33 человека (в 2010 году) до 4,13 человека (в 2014 году). Таким образом, большинство МСИП относится к категории микропредприятий, численность которых, как известно, не превышает 15 человек.

Кроме того, в таблице 1 приведены такие показатели развития малого и среднего предпринимательства, как количество МСИП и численность их работни-

ков, приходящихся на сто жителей и на сто человек экономически активного населения. Количество МСИП в расчете на 100 жителей в 2014 году по сравнению с 2010 годом увеличилось на 26%, а в расчете на 100 человек экономически активного населения - на 29%. При этом, среднее количество МСИП составляет немногим более 6 единиц на сто человек экономически активного населения. При создании малых предприятий и, более того, средних предприятий могут участвовать несколько предпринимателей, а не только один. Поэтому может быть сделан вывод, что доля предпринимателей в экономически активном населении по стране превышает 6%. Отметим, что для характеристики доли предпринимателей в экономически активном населении используется такой термин, как предпринимательская активность [5]. Существенно, предпринимательская активность по сравнению с 2010 годом возросла почти на 29%.

Рассмотрим сложившиеся тенденции изменения занятости в расчете на 100 жителей. В 2014 году по сравнению с 2010 годом этот показатель снизился на 3%. А занятость в МСИП в расчете на 100 человек экономически активного населения изменилась незначительно (уменьшилась на 0,3%). В среднем по стране в предпринимательских структурах как в 2010 году, так и в 2014 году было занято около 25% экономически активного населения. То есть, каждый четвертый занятый работал в секторе малого и среднего предпринимательства национальной экономики.

Значительный интерес представляет оценка удельного веса МСИП в общем обороте совокупностей всех предприятий и организаций по стране и ее регионам. В целом по стране этот показатель составляет 29,7%.

Проведенный анализ показал существенные различия в удельном весе оборота МСИП в общем обороте предприятий и организаций по некоторым субъектам страны. Речь идет о том, что в пяти субъектах страны объемы производства предприятий и организаций (без учета субъектов малого и среднего предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций) не пропорционально велики по сравнению с остальными экономическими показателями. Это обусловлено тем, что в трех субъектах страны (городах Москве и Санкт-Петербурге, Московской области) сосредоточены управляющие органы и другие объекты концернов и корпораций (в том числе государственных). В двух областях (Тюменской и Сахалинской) преобладает добыча полезных ископаемых, на которые приходится, соответственно, 83% и 60% всего оборота предприятий и организаций этих субъектов. В целом из общего оборота предприятий и организаций по Российской Федерации (как уже отмечалось без учета субъектов малого и среднего предпринимательства, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций), составляющего 99261 млрд руб. на указанные выше пять субъектов страны приходится 55115 млрд. руб. То есть более половины (55,5%).

Для получения несмещенных оценок роли предпринимательских структур в общем обороте по всем предприятиям и организациям страны в процессе дальнейших исследований было предложено рассматривать соответствующие статистические данные по всем субъектам страны за исключением городов Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Тюменской и Сахалинской областей.

Учитывая изложенное выше, представляется логичным построение экономико-математических моделей, описывающих удельный вес оборота совокупности МСИП в общем обороте всех предприятий и организаций, оборот, прихо-

дящийся на одного работника предпринимательских структур, оборот МСИП и общий оборот предприятий и организаций (включая МСИП) в расчете на одного жителя. Соответствующие экономико-математические модели представляют собой функции плотности нормального распределения. Возможность разработки таких функций, а также методика проведения соответствующих расчетов подробно приведены в статье автора [6].

Результаты вычислительного эксперимента [7] и разработанные модельные спецификации представлены ниже. Функция, описывающая удельный вес оборота совокупности МСИП в конкретном субъекте Российской Федерации в общем обороте (без учета бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансово-кредитных организаций) в этом же субъекте по данным за 2014 год имеет следующий вид:

$$y_1(x_1) = \frac{730}{14,4 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_1 - 48,3)^2}{2 \cdot 207,4}} \quad (1)$$

где x_1 - удельный вес оборота МСИП в общем обороте по субъектам страны, %.

Функция, характеризующая оборот МСИП в расчете на одного их работника по данным за 2014 год по субъектам Российской Федерации приведена далее:

$$y_2(x_2) = \frac{27,4}{0,4 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_2 - 1,9)^2}{2 \cdot 0,16}} \quad (2)$$

где x_2 - оборот МСИП, приходящийся на одного их работника, млн. руб. в год.

Зависимость, описывающая оборот МСИП, приходящийся на одного жителя субъектов страны, представлена далее:

$$y_3(x_3) = \frac{5,02}{0,08 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_3 - 0,24)^2}{2 \cdot 0,0064}} \quad (3)$$

где x_3 - оборот МСИП, приходящийся на одного жителя субъектов страны, млн. руб. в год.

Определенный интерес представляет функция плотности нормального распределения общего оборота предприятий и организаций (включая МСИП) в расчете на одного жителя, приведенная далее:

$$y_4(x_4) = \frac{12,8}{0,26 \cdot \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_4 - 0,57)^2}{2 \cdot 0,07}} \quad (4)$$

где x_4 - общий оборот предприятий и организаций, приходящийся на одного жителя субъектов страны, млн. руб. в год.

Параметры этой функции могут быть использованы для сравнительного анализа с параметрами функции (3).

По всем разработанным функциям было определено качество аппроксимации ими исходных данных с применением критериев согласия, вытекающих из методологии математической статистики. Эти критерии позволяют сопоставить эмпирическое распределение статистической информации рассматриваемого показателя с теоретическим, описанным соответствующей моделью. Указанные критерии показывают, насколько велик уровень отклонения данных от полученных функций.

Для определения степени отклонения использовались достаточно известные и хорошо зарекомендовавшие себя критерии согласия Пирсона, Колмогорова, Шапиро–Вилка [8,9,10,11]. Итогом вычисления статистик стали расчетные значения по всем разработанным в процессе исследования моделям, которые приведены в *табл. 2*.

Таблица 2

Расчетные значения статистик по критериям согласия

Номер функции	Расчетное значение по критерию согласия		
	Колмогорова	Пирсона	Шапиро-Вилка
(1)	0,05	2,75	0,96
(2)	0,04	5,23	0,96
(3)	0,03	0,74	0,99
(4)	0,04	3,13	0,98

Поскольку информация о деятельности совокупностей МСИП рассматривалась по более, чем 70 субъектам страны, то при уровне значимости 0,05 критическая величина по критерию качества Колмогорова составляет 0,152. Все расчетные величины по этому критерию, представленные во втором столбце *табл. 2*, меньше 0,152. Следовательно, функции (1)-(4) удовлетворяют критерию согласия Колмогорова.

Значения статистик по критерию согласия Пирсона должны быть меньше табличной величины (9,49). Анализ значений, представленных в третьем столбце *табл. 2*, показывает, что все они существенно меньше указанной величины. Поэтому функции (1)-(4) удовлетворяют критерию согласия Пирсона.

Информация, приведенная в четвертом столбце *табл. 2*, показывает, что расчетные величины статистик превышают табличное значение критерия Шапиро-Вилка (0,93).

В целом все построенные функции плотности нормального распределения удовлетворяют каждому из трех критериев качества. Таким образом, можно сделать вывод, что все разработанные функции обеспечивают высокое качество аппроксимации исходных данных.

Полученные зависимости дают возможность выявить ряд существенных закономерностей, характеризующих роль малого и среднего предпринимательства в экономике субъектов страны. Параметры разработанных моделей, а именно средние значения, средние квадратические отклонения и интервалы изменения приведены в *табл. 3*.

Таблица 3

Параметры разработанных функций плотности распределения

Параметр функции	Номер функции			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Среднее значение	48,3	1,9	0,24	0,57
Среднее квадратическое отклонение	14,4	0,4	0,08	0,26
Интервал изменения по большинству субъектов страны	33,9-62,7	1,5-2,3	0,16-0,32	0,31-0,83

В указанные интервалы попадают значения рассматриваемых показателей по большинству субъектов нашей страны. В частности, известно [12], что с вероятностью, примерно равной 0,68 эти показатели будут находиться в интервалах, границы которых рассчитываются следующим образом: средние квадратические отклонения соответственно прибавляются и вычитаются к средним значениям показателей. Значения интервалов позволяют выявить субъекты страны, в которых рассматриваемые показатели выше наибольших и ниже наименьших значений интервалов.

Среднее значение удельного веса оборота МСИП в общем обороте по субъектам страны в 2014 году составлял 48,3%. То есть, на совокупности МСИП в субъектах (кроме городов Москвы и Санкт-Петербурга, Московской, Тюменской и Сахалинской областей) приходится немногим менее половины общего объема производства товаров и услуг всеми предприятиями и организациями, ведущими деятельность в этих субъектах. Субъекты страны, в которых рассматриваемый показатель ниже наименьшего значения интервала (от 23% до 33%) следующие: Ленинградская, Кемеровская, Томская, Калужская, Вологодская и Белгородская области, республики Коми и Татарстан, а также Красноярский край. Наиболее высокий уровень (от 63% до 87%) достигнут в Ивановской области, республиках Северо-Кавказского федерального округа, Тыве, Калмыкии, а также Забайкальском крае.

Среднее значение оборота МСИП, приходящегося на одного их работника по субъектам страны в 2014 году составляло 1,9 млн. руб. Субъекты страны, в которых рассматриваемый показатель ниже наименьшего значения интервала (от 0,8 до 1,5 млн. руб.), следующие: Псковская и Владимирская области, республики Калмыкия, Алтай и Тыва. Наибольшие значения этого показателя (от 2,3 до 3,2 млн. руб.) характерны для Магаданской, Брянской, Свердловской, Мурманской, Самарской, Омской областей, республики Татарстан, а также Приморского, Пермского и Камчатского краев.

Среднее значение оборота МСИП, приходящегося на одного жителя по субъектам страны составляло в 2014 году 0,24 млн. руб. Рассматриваемый показатель ниже наименьшего значения интервала (от 0,06 до 0,16 млн. руб.) в республиках Северо-Кавказского федерального округа, Тыве, Калмыкии и Алтае. Наибольшие значения оборота МСИП, приходящегося на одного жителя (от 0,32 до 0,48 млн. руб.) имеют место в следующих субъектах страны: Магаданской, Свердловской, Калининградской, Нижегородской, Новосибирской и Омской областях, Хабаровском, Пермском и Приморском краях, а также республике Татарстан.

Среднее значение оборота предприятий и организаций (включая МСИП) в расчете на одного жителя по субъектам страны составляло в 2014 году 0,57 млн. руб. Рассматриваемый показатель ниже наименьшего значения интервала (от 0,07 до 0,31 млн. руб.) в республиках Северо-Кавказского федерального округа, Тыве, Калмыкии и Алтае, а также Забайкальском крае. Наибольшие значения оборота (от 0,83 до 1,16 млн. руб.), приходящегося на одного жителя, характерны для Магаданской, Свердловской, Калужской, Калининградской, Нижегородской, Белгородской и Ленинградской областей, Красноярского и Пермского краев, а также республики Татарстан.

Необходимо отметить, что перечни субъектов, для которых характерны низкие и высокие значения показателей оборота в расчете на одного жителя, как

по совокупности МСИП, так и по всем предприятиям и организациям (включая МСИП) почти совпадают. Таким образом, можно сделать вывод, что потребности в товарах и услугах, производимых МСИП, определяются общим уровнем социально-экономического развития конкретного субъекта страны. И, соответственно, объемы продукции, производимой предприятиями и организациями (не относящимися к МСИП) не оказывают существенного влияния на оборот МСИП в расчете на одного жителя.

К результатам исследования, содержащим научную новизну, относятся следующие:

- малое и среднее предпринимательство получило в нашей стране достаточно широкое развитие;
- в 2014 году по сравнению с 2010 годом количество малых предприятий возросло на 28%, индивидуальных предпринимателей увеличилось на 30%, а количество средних предприятий сократилось почти в два раза;
- численность работников малых предприятий, как и количество занятых в сфере индивидуального предпринимательства увеличилась на 5% в 2014 году по сравнению с 2010 годом;
- общая численность работников МСИП в 2014 году по сравнению с 2010 годом уменьшилась на 64 тысячи человек;
- средняя численность работников предпринимательских структур сократилась с 5,33 человека (в 2010 году) до 4,13 человека (в 2014 году), то есть, большинство МСИП относится к категории микропредприятий.
- количество МСИП в расчете на 100 жителей в 2014 году по сравнению с 2010 годом увеличилось на 26%, а в расчете на 100 человек экономически активного населения – на 29%.
- предпринимательская активность по стране в 2014 году превышала 6%, причем по сравнению с 2010 годом она возросла на 28%;
- каждый четвертый занятый по Российской Федерации как в 2010 году, так и в 2014 году работал в секторе малого и среднего предпринимательства;
- по большинству субъектов страны на долю МСИП приходится немногим менее половины общего объема производства товаров и услуг всеми предприятиями и организациями, ведущими деятельность в этих субъектах;
- среднее значение оборота МСИП, приходящегося на одного их работника, по субъектам страны в 2014 году составляло 1,9 млн. руб.
- средний оборот МСИП, приходящегося на одного жителя по субъектам страны составлял в 2014 году 0,24 млн. руб.

Список литературы

1. Стенограмма заседания Госсовета по поддержке малого и среднего бизнеса. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/04/07/putin-stenogramma.html> (дата обращения: 10.02.2016)
2. Федеральная служба государственной статистики. Малое и среднее предпринимательство в России. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359 (дата обращения: 23.02.2016).
3. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

- ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 23.02.2016).
4. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы. Занятость и безработица Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 22.02.2016).
 5. *Пиньковецкая Ю.С., Катаев Е.Н.* Анализ уровня предпринимательской активности: результаты социологических исследований //ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. - № 4. - 2015. - С. 90-104.
 6. *Пиньковецкая Ю.С.* Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения //Проблемы развития территории. - 2015. - Вып. 6(80). - С. 93-107.
 7. *Вуколов Э.А.* Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов Statistica и Excel - М.: Форум: Инфра-М, 2004.
 8. *Тутубалин В.И.* Теория вероятностей и случайных процессов - М.: Издательство МГУ, 1992.
 9. *Красс М.С., Чупрынов Б.П.* Математика для экономистов - СПб.: Питер, 2005.
 10. *Гнеденко Б.В.* Курс теории вероятностей - М.: Едиториал УРСС. - 2005.
 11. *Феллер В.* Введение в теорию вероятностей и ее приложения. - М.: МИР, 1964.
 12. *Гмурман В.Е.* Теория вероятностей и математическая статистика. - М.: Высшая школа, 2003.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ФОРСАЙТА В УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

APPLICATION OF TECHNOLOGY FORESIGHT IN THE MANAGEMENT OF REGIONAL DEVELOPMENT

ЛИТВИНЕНКО Инна Леонтьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, управление персоналом и маркетинг» ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет» (e-mail: innalitvinenko@ya.ru).

LITVINENKO Inna Leont'evna – Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economics, Personnel Management and Marketing», «Moscow State Humanities and Economics University» (e-mail: innalitvinenko@ya.ru).

КИЯНОВА Лилия Дмитриевна - кандидат экономических наук, доцент, руководитель Академии экономики и бизнеса Южного университета (Институт управления, бизнеса и права, г. Ростов-на-Дону) (e-mail: liliackgti@mail.ru).

KIYANOVA Liliya Dmitrievna - Candidate of Economic Sciences, Associated Professor, The Head of the Economics and Business Academy of the South University (Institute of Management, Business and Law, Rostov-on-Land) (e-mail: liliackgti@mail.ru).

Аннотация. В современных условиях интенсивной политики перехода на «инновационные рельсы» развития экономики России, ключевым объектом приложения выступает региональная экономика. Корреляционная связь процессов активизации инновационных процессов и регионального стратегирования усиливается. В этой связи, эффективным способом разрешения сложившихся проблем стратегического планирования социально-экономического развития региона может выступить реализация регионального Форсайта, а именно создание отраслевых Форсайт-проектов, ориентированных на специфику региона.

Ключевые слова: инновационное развитие, региональная экономика, региональное стратегирование, Форсайт, Форсайт-исследования, Форсайт-технологии, Форсайт-проект, агропромышленный комплекс.

Summary. In modern conditions of intensive policy of transition to «innovation-driven» development of the Russian economy, the key object is the application of regional economy. Correlation of activation of innovative processes and regional strategizing increases. In this regard, effective means to resolve the problems of strategic planning regional development can be the implementation of regional foresight, namely the creation of sectoral foresight projects focused on the specifics of the region.

Keywords: innovative development, regional economy, regional strategizing, foresight, foresight-research, foresight-technology foresight-project, the agro-industrial complex.

Сегодня переход Российской Федерации на инновационный путь развития экономики невозможен без эффективного управления социально-экономиче-

ским развитием, при этом центр тяжести практического решения основных задач экономики и социальной сферы перенесен на региональный уровень. Для успешного перехода к инновационной экономике субъекту Российской Федерации необходимо решить ряд задач, связанных с повышением уровня и качества жизни населения, поиском новых источников развития и путей эффективного использования ресурсов, созданием институциональных условий для повышения инновационной активности бизнеса в направлениях модернизации технологических процессов и производства принципиально новых конкурентоспособных продуктов. Решение вышеперечисленных задач возможно в рамках стратегического планирования.

Стратегический план социально-экономического развития региона позволяет его администрации и всему региональному сообществу действовать совместно. Такой план должен создаваться как сеть взвешенных и согласованных решений проблем социально-экономического характера и адресоваться администрации со стороны и населения и бизнес-структур [10, с. 101-102]. Он представляет собой инструмент стратегического партнерства, механизм определения и осуществления эффективных стратегий во всех сферах жизни региона.

Реальная практика регионального стратегирования в российских регионах пока далека от совершенства: при формировании региональных стратегий, долгосрочных планов и программ не учитываются ключевые различия между стратегическим и традиционным долгосрочным планированием [5]; стратегическое планирование не подкрепляется реальным и эффективным стратегическим управлением; практически отсутствует мониторинг эффективности реализации стратегий, программ и их проектов и мероприятий; слабо используются современные подходы стратегического планирования. Самым большим недостатком внедряемых в регионах систем стратегического планирования являются их формализм и чрезмерная «технологичность» в ущерб социальной направленности, отсутствие эффективных институциональных условий и механизмов реализации, слабое вовлечение бизнес-структур и институтов гражданского общества [6, с. 129-130] в процессы регионального стратегирования.

Стратегический план развития региона – это управленческий документ, который содержит взаимосвязанное описание следующих аспектов деятельности по развитию региона:

- постановка целей развития региона;
- определение пути достижения поставленных целей;
- анализ потенциальных возможностей, реализация которых позволит достичь успехов;
- разработка методов организации движения по избранным направлениям;
- использование ресурсов для достижения поставленных целей;
- определение рациональных способов использования ресурсов [12].

Стратегический план социально-экономического развития региона позволяет его администрации и всему региональному сообществу действовать совместно. Стратегический план – это документ не исключительно администрации, а в большей мере всех участников процесса регионального развития, включая экономических агентов и участников политического процесса. Это – не директива сверху, направленная от региональной администрации к предпринимателям и жителям региона, а ориентир, выработанный с участием всех агентов экономической деятельности [2, с. 61].

Такой план предусматривает взвешенные и согласованные действия всех субъектов процесса регионального развития по решению имеющихся проблем. Он представляет собой инструмент налаживания партнерских отношений, механизм определения и осуществления эффективных стратегических действий во всех сферах жизни региона.

К основным характеристикам стратегического плана социально-экономического развития региона относятся следующие:

- выделение сильных и слабых сторон региональной экономики, стремление усилить, развить, сформировать конкурентные преимущества региона с ориентиром, прежде всего, на создание лучших условий жизни людей;
 - краткие идеи и принципы, которые ориентируют производителей товаров и услуг, инвесторов, администрацию и население, помогая им осуществлять решения, базирующиеся на видении будущего развития;
- партнерское взаимодействие всех региональных сил [14, с. 266-267].

Главный вопрос, на который отвечает стратегический план регионального развития – как повысить уровень благосостояния жителей и заложить прочные основы для его дальнейшего повышения в будущем. Уровень социального развития региона в первую очередь определяется его экономическим развитием, поскольку качество жизни населения определяется уровнем и эффективностью производства и продаж регионального продукта. Поэтому в первую очередь планируется именно экономическое развитие.

Ключевыми задачами экономического развития региона являются:

- привлечение в регион новых производств;
- обновление структуры производства;
- развитие методов продвижения и продаж регионального продукта;
- создание новых высокооплачиваемых рабочих мест [15, с. 146-147].

При этом наиболее характерными проблемами экономического развития российских регионов являются уровень развития инфраструктуры, состояние жилого фонда, поддержание занятости на высоком уровне, решение определенных экологических проблем.

На сегодняшний день в экономической науке существует множество представлений о том, какие этапы включает процесс стратегического планирования регионального развития.

Схематично цикл стратегического планирования развития региона представлен на *рис. 1*.

Для решения ключевых проблем стратегического планирования регионального развития необходимо использование таких инструментов прогнозирования, которые позволят составить картину будущего состояния экономики и социальной сферы региона с максимальной точностью. Одним из таких инструментов является Форсайт.

Форсайт - процесс систематических попыток оценить долгосрочные перспективы развития науки, технологий, экономики и общества, целью которого является определение стратегических направлений исследований и новых технологий, которые способны принести наибольшие экономические и социальные выгоды [4, с. 4].

Форсайт связан не с предсказанием будущего, а с непосредственным его формированием, поэтому он является более совершенным инструментом управления технологическим, экономическим, социальным развитием, опирающимся

Рис. 1. Цикл стратегического планирования развития региона

Источник: Видяпин В.И., Степанова М.В. Региональная экономика: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 15.

на создаваемую в его рамках инфраструктуру, принципиально отличающимся от традиционного прогнозирования.

При реализации Форсайт-проектов используются различные подходы, которые охватывают различные методы. Комбинации методов выбираются с учетом множества факторов: временных и ресурсных ограничений, наличия достаточного количества высококвалифицированных экспертов, доступа к информационным источникам [11, с. 22]. Проблема выбора адекватной комбинации методов для применения в том или ином проекте не имеет однозначного решения, тем не менее, существуют базовые принципы (табл. 1) формирования комбинаций методов.

Таблица 1

Метод Форсайта	Характеристика
Сценарный метод	Предполагает создание сценариев развития тех или иных технологических областей, которые позволяют выработать конкретные решения
Метод Дельфи	Предполагает отбор и формирование панелей высококвалифицированных экспертов, которые оценивают актуальность каждой темы для развития экономики, общества, наличие ресурсов и потенциальных барьеров для практической реализации. Результаты исследования включают сводные оценки по каждой теме, а также аналитические обзоры по важнейшим направлениям
SWOT-анализ	Предполагает выявление основных факторов, влияющих на развитие определённой сферы деятельности по четырем основным группам: сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы

Метод Форсайта	Характеристика
Количественный опрос с помощью формализованных анкет	Предполагает проведение опроса экспертов на основе списка вопросов для оценки ситуации, после чего анализируются результаты количественного исследования и проводятся групповые обсуждения итогов
Метод разработки «дорожных карт»	Предполагает выработку у экспертов согласованного видения долгосрочных целей развития отрасли, региона или компании и определение приоритетов в области инвестиций, подбора кадров, исследований и разработок
Метод критических технологий	Предполагает формирование на основе знаний экспертов перечня технологий либо направлений исследований и разработок, требующих первоочередного внимания

Источник: Киянова Л.Д., Краснокутский П.А., Миронова О.А. Россия в условиях глобализации мировой экономики: проблемы и перспективы инновационного развития: Монография. – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010. – С. 139-140.

Использование вышеперечисленных методик даёт возможность описать развитие определённых областей деятельности и составить возможные варианты будущего и их предпочтительность.

Основными преимуществами Форсайт-исследований являются:

- обсуждение предполагаемых изменений в будущем путем консолидации усилий всех участников процесса предвидения;
- участие многих заинтересованных слоев гражданского общества;
- стремление к выработке консенсуса представителей общества;
- разработка долгосрочных стратегий развития экономики, науки, технологий [1, с. 119];
- определение потенциальных технологических горизонтов;
- определение основы для принятия важных решений в проблемных и конфликтных ситуациях;
- оценка вероятности и рисков возникновения тех или иных условий;
- вовлечение в процесс научного исследования известных специалистов, ученых, СМИ, руководителей предприятий.

Значение Форсайт-исследований возрастает в периоды жизненно необходимых поворотных сдвигов в структуре национальной экономики в связи с мировыми требованиями перехода на высокие технологии, когда в сжатые сроки нужно перестроить материально-техническую базу применительно к новым вызовам и угрозам мирового рынка. Форсайт становится успешным инструментом реализации на практике назревших структурных сдвигов, обеспечения качественно нового уровня развития [7].

Реализация Форсайт-проектов включает несколько этапов (в соответствии с Руководством по стратегическому Форсайту П. Бишоп), которые представлены на *рис. 2*.

Основные параметры инструментария Форсайта - область применения, горизонт Форсайта, количество участников и имеющиеся ресурсы.

Область применения Форсайта является одним из важнейших составных частей организации формирования Форсайта как технологии предвидения. Нельзя

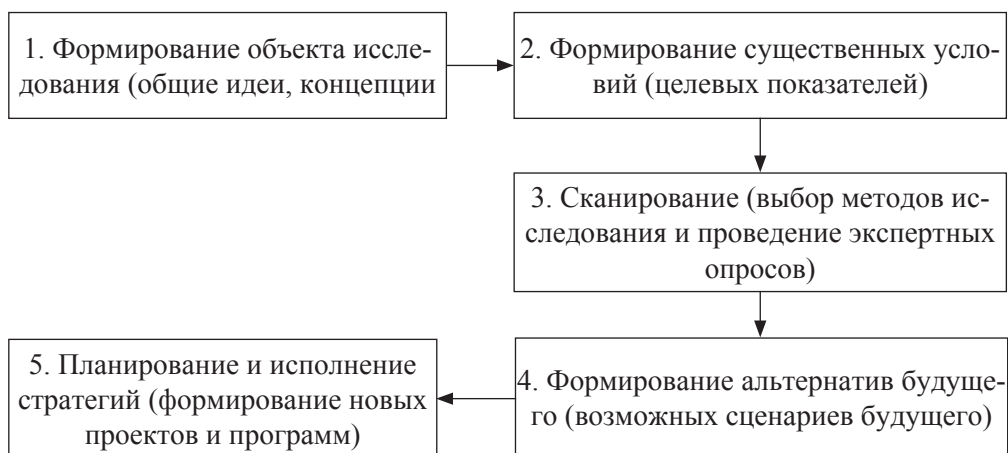

Рис. 2. Основные этапы проведения Форсайта

Источник: Турчин А.В., Батин М.А. Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. – С. 64-66.

формировать Форсайт по любому поводу. Необходимо найти главные моменты в развитии исследуемого объекта, которые из рецессивных элементов способны превратиться в доминантные. Например, можно рассуждать о неограниченном количестве показателей, на которые хотелось, чтобы экономика региона могла выйти в будущем, а можно выделить ключевые моменты, которые улучшат ситуацию кардинальным образом. Именно для последних следует применить инструментарий Форсайта. Предвидение по этим направлениям даст качественный рост для остальных показателей.

Горизонт Форсайта как элемент области использования инструментария Форсайта – это промежуток времени, на который ориентируется фиксация результатов предвидения или активного прогноза. Горизонт Форсайта подбирается индивидуально, в зависимости от избранного типа Форсайта. Выделяется две более или менее стандартные временные границы горизонта Форсайта:

- 15-30 лет для изменяющихся процессов с длительным циклом оборота;
- 2-5 лет для изменяющихся процессов с незначительным циклом оборота.

Количество участников Форсайта может варьироваться от нескольких десятков до нескольких тысяч специалистов самого разного профиля (небольшая численность может быть компенсирована оптимальным подбором участников) [8, с. 137-138.]. Все группы участников Форсайт-проекта выполняют определенные функции, в том числе в области информационной поддержки (рис. 3).

Российский опыт Форсайта только формируется, тем не менее, в России уже были проведены ряд Форсайт-исследований всех типов (тематический, региональный, корпоративный).

Эффективным способом решения сложившихся проблем стратегического планирования социально-экономического развития Ростовской области может быть применение регионального Форсайта, а именно создание отраслевых Форсайт-проектов, которые ориентированы на специфику региона. Такие Форсайт-проекты фактически будут являться интеллектуально-креативным ядром социально-экономической жизни региона, аккумулирующим в себе необходимые интеллектуальные человеческие ресурсы, методологическое и программное обеспечение, интеллектуальные наработки, базы знаний.

Рис. 3. Основные функции участников Форсайта

Источник: Куклина И.И. Форсайт как инструмент активного исследования и формирования будущего. [Электронный ресурс]. URL: http://www.csnw.ru/upload/file_category_182.pdf. (Дата обращения: 28.03.2016).

По нашему мнению, целесообразно применение отраслевого Форсайта региона в зависимости от его специализации. Это даст возможность развивать те отрасли, которые смогут стать точками роста региональной экономической системы в целом.

В Ростовской области целесообразно применение инструмента Форсайта в аграрном секторе экономики, так как:

- сельское хозяйство является отраслью специализации области;
- одним из приоритетных направлений стратегического развития донского региона является формирование высокоорганизованного АПК.

Основная цель Форсайта АПК Ростовской области заключается в определении инновационных приоритетов и перспектив развития агропромышленного комплекса Ростовской области на ближайшие 10-15 лет.

Для определения наиболее важных и перспективных отраслей в аграрном секторе, на развитие которых должны быть направлены основные усилия, и выделения параметров, с учетом которых станет возможным наиболее эффективное развитие этих отраслей, нужно выполнить следующие задачи:

- оценить влияние отраслей агропромышленного комплекса на социально-экономическое развитие региона;
- выделить наиболее перспективные отрасли, которые могут стать «точками роста» агропромышленного комплекса и в целом экономики Ростовской области.

Проект предполагает организацию открытого, активного диалога в ходе проведения круглых столов, семинаров, конференций между представителями различных секторов – науки, органов государственной власти Ростовской области и агробизнеса.

Когда объект Форсайта – отрасль сельского хозяйства, важным результатом является выработка совместного видения стратегических приоритетов у разных групп участников, имеющих различный набор компетенций, ресурсов и интересов.

В Форсайт-проекте АПК Ростовской области основными группами участников могу стать (рис. 4):

- Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области, обладающее долгосрочным видением ситуации, легитимным правом на создание институтов и располагающее значительными финансовыми ресурсами;
- научное сообщество, включающее высшие учебные заведения, крупные научно-исследовательские, аналитические и экспертные центры (Институт управления, бизнеса и права, Донской государственный аграрный университет, Всероссийский НИИ зерновых культур им. И.Г. Калининко, Донской зональный НИИ сельского хозяйства, Всероссийский НИИ масличных культур им. В.С. Пустовойта);
- крупные агропромышленные компании Ростовской области, интересы которых лежат в сфере научно-технологического развития, готовые управлять рисками, связанными с новыми технологическими решениями;
- ассоциации сельхозтоваропроизводителей, состоящие из динамично развивающихся представителей среднего и малого агробизнеса, способных к быстрой модернизации на новой технологической базе.

Рис. 4. Основные группы участников Форсайта АПК Ростовской области
Источник: Составлено авторами.

Реализация Форсайта АПК Ростовской области предполагает несколько этапов (рис. 5).

В Управляющий комитет Форсайта АПК Ростовской области войдут представитель Министерства сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области, представитель группы инициаторов проекта и координатор (представитель научного сообщества). Основными функциями Управляющего комитета являются:

Рис. 5. Основные этапы реализации Форсайта АПК Ростовской области
Источник: Составлено авторами.

- утверждение основной цели и задач Форсайт-проекта;
- определение и утверждение методологии Форсайт-исследования;
- разработка и утверждение рабочей программы основных действий;

В группу экспертов войдут специалисты, непосредственно занятые в АПК Ростовской области (представители агробизнеса) и координаторы от научного сообщества.

Непосредственное Форсайт-исследование включает два этапа.

На первом этапе предполагается использование метода количественного опроса с помощью формализованных анкет. Экспертам будет предложен список из отраслей, объединенных по сферам деятельности АПК Ростовской области (рис. 6). Эти отрасли необходимо рассмотреть с точки зрения следующих особенностей:

- приоритетность и важность для экономики и социальной сферы Ростовской области;
- прогноз объемов рынка для продукции отрасли;
- прогноз количества рабочих мест в отрасли;
- ожидаемые эффекты от внедрения инновационных технологий в отрасль;
- необходимые меры государственной политики для развития технологий.

После проведения опроса экспертов и анализа результатов количественного исследования по каждой группе отраслей АПК, планируется проведение круглых столов, целью которых будет являться обсуждение результатов количественного исследования, определение текущей ситуации развития отраслей

Рис. 6. Структура АПК Ростовской области

Источник: Составлено авторами.

определенной группы АПК Ростовской области, выявление ключевых отраслей АПК области, определение приоритетных инновационных направлений развития и технологий для каждой отрасли, а также условий и ожидаемых результатов от их эффективного развития. Таким образом, сформируется зона консенсуса относительно перспектив развития АПК Ростовской области.

Второй этап Форсайт-исследования предполагает проведение SWOT-анализа для выявления основных факторов, влияющих на развитие каждой отраслевой группы АПК по четырем основным направлениям: сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы. После проведения второго этапа также планируется организация круглых столов.

Как следствие, подводя итог исследования, отметим, что Форсайт АПК, ориентированный на перспективное развитие региона, является наиболее затратным, с точки зрения, как объемов, так и сроков.

Основных затрат потребуют следующие элементы проекта:

- финансирование команды, ведущей проект;
- затраты на проведение методологических исследований;
- организация встреч, круглых столов, командировок некоторых участников Форсайта АПК;
- размещение отчета Форсайт-исследования на интернет-ресурсах;
- затраты на прочие виды смежной деятельности (практической и иного характера).

Финансирование деятельности в рамках проекта регионального Форсайта ложится на широкий круг действующих лиц, включая самих участников, которые вносят свои предложения и отдают свое время проекту на безвозмездной основе.

Финансирование организации Форсайта может осуществляться на государственной, частной и смешанной (в форме финансовых проектов) основе. Некоторые средства могут выделить организации, занимающиеся внедрением

инновационных технологий, фонды по анализу и изучению социально-экономических процессов.

Список литературы

1. *Аллахвердиева Л.М., Султанова М.К.* Некоторые проблемы стратегического развития системы образования //Проблемы современной науки и образования. - 2016. - № 4 (46). - С. 118-121.
2. *Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В.* Региональная экономика: Учебник для вузов – СПб.: Питер, 2012.
3. *Видяпин В.И., Степанова М.В.* Региональная экономика: Учебник – М.: ИНФРА-М, 2007.
4. *Гохберг Л.М.* Будущее как стратегическая задача //Форсайт. - 2007. - №3.
5. *Дегтева Л.В.* Основные направления государственного регулирования стратегии импортозамещения в России //Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. - 2015. Т. 3. - № 1-3. - С. 16-22.
6. *Егоров П.А., Руднев В.Н.* Этика. - Москва, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
7. *Карасев О.И., Вишневский К.О.* Возможности интеграции Форсайта в инновационную политику. Режим доступа: http://www.ido.ru/ido_press/ido_press/articles/?content_id=1581&news_id=1292. (дата обращения: 28.03.2016).
8. *Киянова Л.Д., Краснокутский П.А., Миронова О.А.* Россия в условиях глобализации мировой экономики: проблемы и перспективы инновационного развития: Монография – Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010.
9. *Куклина И.И.* Форсайт как инструмент активного исследования и формирования будущего. Режим доступа: http://www.csrnw.ru/upload/file_category_182.pdf. (дата обращения: 28.03.2016).
10. *Ли А.С., Казаков В.В.* Формирование логико-структурной схемы управления устойчивым развитием социально-экономических систем. // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 348. - С. 100-103.
11. *Прудский В.Г., Ощепков А.М.* Форсайт как основа стратегии социально-экономического развития региона //Вестник Пермского университета. Серия: экономика. – 2012. - №3.1. – С. 22-26.
12. *Смирнов Е.П.* Стратегия развития регионов: теория, практика и новые подходы. Режим доступа: <http://bre.ru/risk/30532.html> (дата обращения: 29.03.2016).
13. *Турчин А.В., Батин М.А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013.
14. *Фетисов Г.Г., Орешин В.П.* Региональная экономика и управление: Учебник – М.: ИНФРА-М, 2013.
15. *Хрущева А.Т.* Экономическая и социальная география России: Учебник.
16. *Чугумбаев Р.Р., Чугумбаева Н.Н.* Предпосылки развития методов планирования и контроля потенциала долгосрочного развития //В мире научных открытий. - 2013. - № 11.10 (47). - С. 244-251.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ИННОВАЦИЙ

MODERN TENDENCIES OF DEVELOPMENT BY THE INNOVATIONS MARKET

БУЕВИЧ Анжелика Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (e-mail: buanpet@mail.ru).

BUEVICH Angelica Petrovna – Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economic Theory», Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (e-mail: buanpet@mail.ru).

Аннотация: В рамках взятого курса на модернизацию экономики России, ключевой акцент в рамках которой отводится инновационно-активным предприятиям, анализ основных тенденций развития рынка инноваций приобретает особую актуальность. В ходе настоящего исследования автором произведено структурирование ключевых инфраструктурных агентов рынка инноваций и группирование внешних источников инновационной информации предприятия.

Ключевые слова: инновации, технологическое развитие, инновационное развитие, рынок инноваций, трансферт технологий, наукоемкая продукция, инновационная информация, интеллектуальные права, патент.

Summary. Within headed for modernization of economy of Russia within which key accent is allocated for the innovation-active enterprises, the analysis of the main tendencies of development of the market of innovations acquires special relevance. During the real research by the author structuring key infrastructure agents of the market of innovations and grouping of external sources of innovative information of the enterprise is made.

Keywords: innovation, technological development, innovation development, market innovation, technology transfer, high technology products, innovative information, intellectual property, patent.

В настоящий момент экономическая мощь национальной экономики определяется, в большинстве случаев, уровнем ее технологического развития, инновационным потенциалом и скоростью реализации инновационных идей. В лидерах оказались государства, создавшие наиболее благоприятные условия для освоения новаторских идей в промышленном масштабе (Англия, Франция, США). Понимание новаций как основного фактора экономического развития способствовало значительной конкурентной борьбе за инновации между ними, активизировало новаторскую деятельность и трансферт технологий.

В современных реалиях при более сложных отношениях между странами данная борьба продолжается и приобретает элементы скрытой экономической войны:

- применяются инструменты привлечения высокопрофессиональных специалистов – носителей идей;
- реализуются имитационные формы получения нового знания;

- осуществляются программы технологической разведки, программы обучения за рубежом [10, с. 378-379].

В зарубежных странах производство наукоемких товаров обеспечивают всего 50-55 макротехнологий, каждая из которых есть сумма знаний и содержит сотни конкретных технико-технологических и производственных мощностей для выпуска товаров и услуг. Семь наиболее развитых национальных экономик, располагая 46 макротехнологиями, контролируют 80% данного рынка. США каждый год зарабатывают на экспорте инновационной продукции около 700, Германия – 530, Япония – 400 млрд. долл. Масштаб международного рынка наукоемких товаров оценивается в настоящее время около 2,3 трлн. долл. Из данной суммы 39% приходится на продукцию США, 30% – Японии, 16% – Германии, доля России оценивается всего в 0,3% [11, с. 35-36].

В то же время в РФ уровень национальных расходов на научно-исследовательские разработки в ВВП во много раз ниже (1,12% – 29-е место в мире), чем, к примеру, в Израиле (4,65%), в Швеции (3,73%), Финляндии (3,41%), Японии (3,39 %), Южной Корее (3,23 %), США (2,62 %). Затраты в нашей стране на науку в расчете на одного ученого равняются около 19 тыс. долл. в год против 131 тыс. в Германии и 147 тыс. в Южной Корее. В рейтинге национальных экономик по количеству статей в ведущих международных научно-периодических изданиях Россия занимает только 14-е место [12].

Количество организаций, реализующих технологические новации, оценивается в 9,7% от общего числа предприятий, в то время как средний тренд по странам Европейского союза – примерно 40%. Удельный вес новаторских отраслей и услуг на территории нашей страны равняется лишь 5,5% ВВП [4, с. 54].

Аналогично, финансово-экономический успех современной организации тесно связан с удельной долей расходов, которые идут на новационные процессы (производство идей, научно-исследовательские разработки, НИОКР, маркетинг новаций). Крупные корпорации, подобные Microsoft, Pfizer, Toyota Motor, Johnson & Johnson, Ford Motor, ежегодно около 7% своих затрат направляют на инновации [8, с. 67-68]. Совершают значительные капиталовложения как на свои научно-исследовательские лаборатории, так и на поиск новейших технологий за рамками корпорации. Именно такого рода тактические действия дают возможность обеспечить максимальный уровень эффективности и устойчивости в развитии [2, с. 190].

Происходит наделение высокой значимостью и ценностью самого наукоемкого продукта, которым становится ноу-хау, опытная установка, конструктивное решение и даже идея. На такой продукт формируется высокий спрос. На текущий момент степень интенсивности конкурентной борьбы среди компаний настолько велика, что практически нет возможности себе представить появление нового предприятия на рынке, которое не реализовало бы одну из новаций, связанных с процессом, продуктом или управлением самой организацией [8, с. 69].

Таким образом, образуется специфический рынок инноваций. Новаторская деятельность предприятия направлена не только на выход на рынок с новыми продуктами и услугами, на трансформацию применяемых производственных технологий и усовершенствование организационно-управленческого механизма, но и на получение прибыли от продажи самих новшеств.

Принимая во внимание значимость взятого курса на формирование инновационной модели экономики со стороны правительства РФ, основной акцент

в рамках которой отводится инновационно-активным предприятиям, исследование ключевых тенденций развития рынка инноваций приобретает особую актуальность.

Рынок инноваций представляет собой общественный институт, способствующий установлению и реализации товарно-денежных отношений экономических агентов в сфере новаторств. В наиболее простой форме рынок новаций можно абстрагировать отношениями между собственниками наукоемкого продукта и покупателями права собственности на него, в результате которых происходит взаимобмен платежеспособного спроса покупателя на потребительскую ценность, которая заключена в инновационном товаре или услуге.

Собственниками инновационного продукта могут выступать:

- единоличный правообладатель (изобретатель, исследователь, консультант);
- инновационные хозяйствующие субъекты, которые выполняют научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы по созданию новшеств и демонстрирующие их потенциальным потребителям: научные организации, отраслевые институты, временные научные коллективы, научно-исследовательские организации, промышленные предприятия.

Покупателями права собственности на новаторский продукт могут быть:

- индивидуальные предприниматели – реализаторы идей;
- частные коммерческие компании, готовые к производственному освоению новшества;
- предприятия государственной собственности (например, предприятия ВПК, естественные монополии);
- частно-государственные партнерства и объединения (инновационные проекты финансируются совместно частными компаниями и государственными фондами) [1, с. 179-180].

Рынок инноваций также может ограничиваться взаимоотношениями между инвестором (заказчиком) новации и исполнителями работ по новаторскому проекту. Схема взаимоотношений следующая: инвестор заключает договор с производителем, по которому последний за соответствующий гонорар берет обязательства по созданию новшества. Новшество при этом должно обладать характеристиками, определенными в соответствии с запросом инвестора [10, с. 381].

Многokrатно усложняется рынок инноваций функционированием различного рода посреднических организаций и инфраструктурных экономических агентов.

К посредническим организациям относят лицо, фирму или организацию, которые оказывают поддержку в появлении новых контактов и совершении сделок, контрактов между производителями и покупателями новаций. В качестве посредников могут быть агенты, брокеры, дилеры, маклеры, комиссионеры, коммивояжеры.

Инфраструктура инновационного рынка – это совокупность субъектов новаторской деятельности, обслуживающих рынок и выполняющих определенные функции содействия наукоемким процессам. Основными элементами инфраструктуры современного рынка новаций являются: инновационно-технологические центры (ИТЦ), инжиниринговые структуры, центры подготовки кадров для новаторской деятельности, инвестиционные и венчурные фонды, финансовые, кредитные и страховые структуры (рис. 1).

Объекты рынка – это результаты новаторской активности, которые обладают новыми характеристиками, представленные:

Рис. 1. Структурирование ключевых инфраструктурных агентов рынка инноваций
Источник: Составлено автором.

- в материальной форме (например, оборудование, агрегат, опытная установка, инструмент, образец);
- в нематериальной форме (например, знания, опыт, техническая документация, конструктивное решение, аналитический отчет, ноу-хау, секрет производства, перспективная идея).

Одной из самых главных специфических особенностей рынка новаций на современном этапе развития является структура представленных на нем товаров. Значительную долю в ней занимают нематериальные, или информационные, продукты (патенты на промышленную собственность, рационализаторские предложения, техническая документация, промышленные образцы, ноу-хау) [1, с. 180]. Поэтому информационная составляющая оказывает существенное влияние на развитие рынка новшеств.

Информация, вращающаяся на рынке инноваций, может иметь документированный или формальный вид (патент, научный отчет, бизнес-план, описание технологий, художественный эскиз) и неформальный вид (идея, мысленный проект, открытие, новое знание). В обоих случаях информация всегда представляется как результат интеллектуальной или творческой деятельности.

Источниками полезной наукоемкой информации для предприятия могут выступать как внешние каналы, так и внутренние. Внешние источники информации классифицируем следующим образом (табл. 1).

Внутренними источниками инновационной информации выступают собственные специалисты, занятые не только в научно-исследовательских подразделениях, но и в иных подразделениях (производственный, маркетинговый, отдел закупок), включая аппарат управления. В перспективе каждый сотрудник организации, который является высококвалифицированным, в состоянии

Классификация внешних источников инновационной информации предприятия

Группа	Характеристика группы
Группа 1	Прямые контрагенты предприятия, имеющие отношение к его хозяйственному обороту (поставщики, потребители, акционеры, кредитные организации, налоговые органы посредники, подрядчики)
Группа 2	Интеграционные организации и их участники (ассоциации, союзы, научно-исследовательские клубы, фонды, группы, кластеры и другие)
Группа 3	Мероприятия по обмену опытом и знаниями (конференции, семинары, симпозиумы, форумы)
Группа 4	Обезличенные источники (научно-методическая и научно-техническая литература, монографии, научные публикации, книги, официальные издания патентной службы)

Источник: Составлено автором.

сделать эффективное предложение по обеспечению большей производительности, экономии времени, повышению качества условий труда и совершенствований. Поэтому важно создавать и поддерживать положительную корпоративную культуру [6, с. 123], способствующую максимальному использованию человеческого капитала, раскрытию внутренних резервов людей, проявлению ими творческой инициативы [2, с. 191-192].

Инновационный характер современной экономики предопределяет активный поиск бизнесом инновационных идей и информации. Для его представителей высока ценность путей и средств передачи информации, носящей инновационный, неповторимый характер [10, с. 38]. На практике всю совокупность этих путей и средств передачи инновационной информации назвали трансфертом технологий. В более узком смысле под трансфертом технологий понимают движение технологии с применением каких-либо коммуникативно-информационных каналов от одного ее индивидуального или коллективного носителя к иному.

Определим три ключевые формы трансферта технологий (рис. 2):

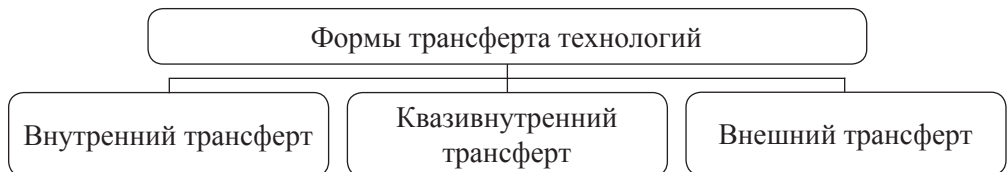

Рис. 2. Основные формы трансферта технологий

Источник: Составлено автором.

- Внутренний трансферт, когда передача технологии осуществляется внутри организации от одного его структурного элемента к другому.
- Квазивнутренний трансферт, когда движение технологии происходит внутри ассоциаций (союзов), альянсов, консорциумов и других объединений юридических лиц.

- Внешний трансферт, когда передача технологии осуществляется между независимыми разработчиками и потребителями технологий.

В основе трансферта технологий всегда лежат реализуемые со стороны инновационно-активного предприятия процессы сканирования и мониторинга рынка инноваций. Эти процессы включают в себя обзор и анализ информационного поля исследований и разработок и идентификацию тех из них, которые наиболее оптимально реализуют инновационную стратегию развития предприятия.

Передача знаний (трансферт технологий) осуществляется в двух возможных формах: на коммерческой и некоммерческой основе [8, с. 71]. На некоммерческой основе знания могут передаваться следующими способами:

- посредством исследования информационных массивов полезной научно-исследовательской литературы, статистических банков данных, картографических материалов и специализированных научно-технических источников;
- посредством участия в научно-исследовательских форумах, конференциях, семинарах, выставках, симпозиумах и других коллективных мероприятиях;
- посредством проведения обучения, стажировки специалистов на паритетных основах в высших учебных заведениях, научно-исследовательских организациях, отделах НИОКР иных инновационных компаний;
- посредством привлечения специалистов-инноваторов со стороны (из других компаний или исследовательских организаций).

На коммерческой основе способ передачи научно-технических знаний, опыта и информации определяется соглашением (договором, контрактом) сторон. При этом сторона, приобретающая информационный инновационный продукт, выплачивает его разработчику определенное материальное вознаграждение [1, с. 180-181].

Основными формами коммерческого трансферта технологий являются:

- заключение договора об отчуждении патента на изобретения, полезные модели и промышленный образец или заключение договора об отчуждении исключительного права на производство;
- заключение лицензионного договора о предоставлении права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца или лицензионного договора о предоставлении права использования производства;
- интеграция на коммерческой основе с другими организациями с высоким инвестиционно-инновационным потенциалом (включая вхождение в инновационно-производственный кластер, формирование других организационных объединений с разработчиками, совместное развитие новой технологии, совместное финансирование инновационных проектов и другие формы интеграции) [10, с. 379-380].

Интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы представляют собой патентные права. Патент на изобретение, полезную модель или промышленный образец подтверждают приоритет изобретения, полезной модели или промышленного образца, авторство и исключительное право на изобретение, полезную модель или промышленный образец [5, ст. 1354].

Период действия патента рассчитывается со дня подачи первоначальной заявки и в случае соблюдения условий, которые установлены ГК РФ, зависит от объекта патентования: для изобретений – 20 лет; для полезных моделей – 10 лет; для промышленных образцов – 15 лет [5, ст. 1363]. Патент дается госорганом исполнительной власти по интеллектуальной собственности. На территории нашей страны таковым органом выступает Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент).

Патент на изобретение может быть дан в том случае, если изобретение соответствует трем ключевым критериям патентоспособности:

- является новейшим, то есть неизвестным из существующего уровня техники;
- обладает изобретательским уровнем, то есть предлагаемое решение для эксперта явным образом не вытекает из уровня техники (является неочевидным);
- выступает промышленно применимым, то есть может быть применено в производстве, агропромышленном комплексе и иных отраслях деятельности [1, с. 180-181].

Соответствие изобретения условиям патентоспособности определяется государственной экспертизой. Если в процессе экспертизы выясняется соответствие изобретения трем указанным условиям, то в этом случае заявителю может быть выдан патент.

Отличие авторских прав от патента заключается в том, что объекты авторских прав несколько шире, определенных в ГК объектов патентования. Авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства [5, ст. 1255]. Они могут включать в свой состав: музыкальные произведения; аудиовизуальные; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна; географические, геологические карты, планы, эскизы и многие другие творческие инновационные продукты.

Заключение договора об отчуждении патента на изобретение полезной модели и промышленного образца или заключение договора об отчуждении исключительного права на произведение предполагают, соответственно, полный переход исключительного права на использование объекта (запатентованного или определенного авторскими правами) от одного лица (патентодержателя) к другому. При этом продавец также лишает себя всех прав на использование объекта, то есть в этих случаях собственник и пользователь объекта – это только одно лицо.

Заключение лицензионного договора о предоставлении права использования изобретения, полезной модели или промышленного образца или лицензионного договора о предоставлении права использования произведения является более эффективным механизмом в сфере распространения инноваций, при котором к пользованию авторской продукцией может подключиться несколько заинтересованных лиц.

По лицензионному договору, одна сторона – патентообладатель или автор (лицензиар) или иной правообладатель (лицензиар) – предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования этого изобретения, полезной модели или промышленного образца (в случае патентных прав) или произведения (в случае авторских прав) в установленных договором пределах. При этом он не лишает себя возможности (если обратное не оговорено в документе) передавать это право другим лицам.

Особенно эффективным и целесообразным следует признать коммерческий трансферт технологий на основе интеграции предприятия с другими организациями с высоким инвестиционно-инновационным потенциалом [14, с. 249]. Этот вид трансферта позволяет обеспечить длительную поддержку и помощь предприятиям в отношении освоения перенятой инновации со стороны его поставщика, в том числе посредством его участия в финансировании, риске, консультационном и научно-исследовательском сопровождении.

Трансферт технологий занимает свое достойное место в осуществлении инновационного процесса и коммерциализации технологий. Разнообразие форм и методов трансферта инновационных интеллектуальных продуктов предопределяет формирование сложной сети взаимодействия рыночных агентов. И от развития этой сети во многом зависит развитие всего рынка инноваций.

Таким образом, рынок инноваций является весьма специфичным общественным институтом. Вместе с тем его влияние на развитие предприятия огромно. Чем выше скорость заключения сделок на нем, чем больше товарооборот инновационной продукции, тем интенсивнее уровень конкуренции в соответствующей отрасли, тем активнее реализуются процессы обновления капитала и тем короче становится жизненный цикл продукта. Поэтому принципиально важно наличие благоприятных и стимулирующих условий для реализации инноваций. Развитый рынок инноваций формирует постоянную готовность предприятия к изменениям, отчего его развитие становится абсолютно непредсказуемым и нелинейным.

Список литературы

1. Бувеч А.П. Инновации и патентное право: экономический и юридический аспекты //Образование и право. - 2013. - № 1 (41). - С. 178-181.
2. Бувеч С.Ю. Проектный менеджмент в условиях нестабильности развития российского бизнеса /В сборнике: О некоторых вопросах и проблемах экономики и менеджмента Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2015. - С. 189-193.
3. Воробьев А.Г., Тимохин Д.В., Иванова М.С., Попова Г.И., Серебряная Л.С. Инноватизация как инструмент преодоления конкурентного отставания отечественной металлургии от развивающихся стран. // Цветные металлы. - 2014. - № 8 (860). - С. 8-13.
4. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система: от концепции к методологии исследования. // Вопросы экономики. – 2014. - №7. – С. 35-50.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. – Глава 72 Патентное право. Статьи 1255, 1354, 1363.
6. Егоров П.А., Руднев В.Н. Этика. - Москва, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
7. Жариков В.Д., Жариков Р.В., Жариков В.В. Оптимизация потоков наукоемкого производства инновационной продукции. // Организатор производства. - 2015. - № 3 (66). - С. 85-88.
8. Корнеев В.Ю., Литвиненко И.Л. Роль предприятий в формировании инновационной модели экономики России //Человек. Общество. Инклюзия. - 2014. - № 4 (20). - С. 65-74.

9. *Лантев С.В., Филин Ф.В.* Проблемы совершенствования механизма функционирования банковской системы в условиях перехода к инновационной экономике //Проблемы современной экономики. - 2013. - № 4 (48). - С. 214-218.
10. *Литвиненко И.Л.* О необходимости реализации государственной инновационно-инвестиционной политики в России // European Social Science Journal. - 2013. - № 11-1 (38). - С. 378-386.
11. *Мальцева А.А., Серов А.А.* Позиционирование мировых экономик на основе глобальных индексов //Международная экономика. – 2014. - №5. – С. 64-79.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.01.2016).
13. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»). / СПС «КонсультантПлюс».
14. *Чугумбаев Р.Р., Чугумбаева Н.Н.* Предпосылки развития методов планирования и контроля потенциала долгосрочного развития //В мире научных открытий. - 2013. - № 11.10 (47). - С. 244-251.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE SYSTEM OF PERSONNEL MANAGEMENT

АЛЛАХВЕРДИЕВА Л.М. - доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмент организации МГГЭУ (e-mail: leila26uz@mail.ru).

ALLAKHVERDIYEVA L.M. - Doctor of Economics, professor of department management of the organization MGGEU (e-mail: leila26uz@mail.ru).

СУЛТАНОВА М.К. - кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГГЭУ (e-mail: darmuz@mail.ru).

SULTANOVA M. K. - Candidate of Economic Sciences, associate professor of accounting, analysis and audit, MGGEU (e-mail: darmuz@mail.ru).

Аннотация. В статье проанализированы роль и значения организационной культуры в управлении персоналом. Рассмотрены вопросы сущности организационной культуры, выделены её признаки и характерные черты, проведен сравнительный анализ организационной и корпоративной культуры. Организационная культура представлена как стратегический инструмент в системе управления персоналом, позволяющий ориентировать все его подразделения и всех работников на общие цели.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура, персонал, управление персоналом, менеджмент.

Summary. The article analyzes the role and importance of organizational culture in personnel management. Questions examined the nature of organizational culture and highlighting its characteristics and typical features, comparative analysis of organizational and corporate culture. Organizational culture represented as a strategic tool in the personnel management system that allows you to direct all its units and all workers on common goals.

Keywords: organizational culture, corporate culture, personnel, personnel management, management.

В настоящее управление персоналом воспринимается как одна из основных составляющих менеджмента. Главным в понимании сущности управления персоналом является то, что человек с его потребностями, мотивациями и конкретными интересами является основой успеха любой деятельности и любой организации. На этой основе меняется отношение к персоналу организации, отношения между руководителем и подчинёнными, между всеми работниками внутри организации. Таким образом, в настоящее время всеми признается, что именно персонал является основной производительной силой, главным ресурсом достижения целей бизнеса, и что именно он определяет результат, получаемый бизнесом, обеспечивает успех в конкуренции [1].

Вместе с тем, развитие общества постепенно привело к изменению подходов к управлению персоналом в направлении признания необходимости учета ряда так называемых цивилизационных характеристик, в рамках которых признается

важность таких характеристик современных организаций, как наличие организационной или, что несколько более специфичней - корпоративной культуры.

Эти два понятия очень близки, поэтому многие исследователи предпочитают не делать между ними различия, считая их практически тождественными. Но при более детальном рассмотрении эти различия можно выделить. Они определяются главным образом с тем, что организационная культура является более обобщающим понятием. Она характерна для любой организации.

В свою очередь, корпоративная культура является более конкретным, можно сказать, конкретизирующим понятием, отражающим специфику отдельных организаций, связанную со спецификой их деятельности. В каждом конкретном случае организационная культура проявляется в виде конкретной корпоративной культуры, характерной именно для какой-либо конкретной организации. Характерным примером здесь может послужить корпоративная культура крупных международных корпораций, в частности, производящих всемирно известные бренды – будь то «Coca Cola», «Nestle», «Toyota» и др. с их яркими элементами этой культуры, имеющие четкое внешнее видимое представление.

Что же касается организационной культуры, то в настоящее время существует несколько типов её определений, такие, как:

- усвоенные и применяемые членами организации ценности и нормы, которые определяют ее поведение;
- атмосфера или социальный климат в организации;
- доминирующая в организации система ценностей и стилей поведения.

Исходя из этих определений, можно сделать вывод о том, что под организационной культурой понимаются в основном ценности и нормы, разделяемые большинством членов организации, а также их внешние проявления - организационное поведение.

Отметим также, что организационная культура выполняет две основные функции:

- внутренней интеграции: осуществляет внутреннюю интеграцию членов организации таким образом, что они знают, как им следует взаимодействовать друг с другом;
- внешней адаптации: помогает организации адаптироваться к внешней среде.

Основные элементы организационной культуры являются следующие:

- Поведенческие стереотипы: общий язык, используемый членами организации; обычаи и традиции, ритуалы и др.
- Групповые нормы: свойственные группам стандарты и образцы, регламентирующие поведение их членов.
- Провозглашаемые ценности: объявленные принципы и ценности, к реализации которых стремится организация («качество продукции», «лидерство на рынке» и т. п.).
- Философия организации: наиболее общие принципы, которыми определяются ее действия по отношению к персоналу.
- Правила игры: правила поведения при работе в организации; традиции и ограничения, которые следует усвоить; «заведенный порядок».
- Организационный климат: характерные особенности взаимодействия членов организации друг с другом, клиентами или иными лицами [7].

Можно выделить также несколько основных признаков организационных культур, по которым они различаются между собой. Особая комбинация таких

признаков придает каждой культуре индивидуальность, позволяет ее идентифицировать тем или иным способом.

К основным признакам организационной культуры относятся:

- отражение в миссии организации ее основных целей;
- степень подчиненности планам и регламентам;
- преобладание сотрудничества или соперничества среди участников;
- преданность или безразличие людей по отношению к организации;
- характер отношения руководства к персоналу;
- ориентация на стабильность или изменения, степень риска;
- средства интеграции;
- стили управления, отношения между работниками и организацией, способы оценки работников и др. [4, с. 271]

Важно иметь в виду, что своя организационная культура существует в каждой организации, независимо от того, ведется ли ее целенаправленное формирование или осознается ли ее наличие. Но для каждой организации в современных условиях возникает особая задача – сформировать собственную организационную культуру с её конкретными признаками, но которая уже будет являться уже корпоративной, т.е. несущую в себе особенности конкретной организации.

При формировании собственной корпоративной культуры не стоит забывать и о том, что финансирование развития культуры организации – это также и инвестиции в человеческий ресурс, который также в перспективе должен обеспечить высокую эффективность её деятельности [2, с. 5].

Значение организационной, а также корпоративной культуры для развития любого типа организаций определяется рядом функций, выполняемых данной культурой в период своего существования:

- придание сотрудникам организационной идентичности, определение внутригруппового представления о компании, корпоративная культура как важный источник стабильности и преемственности в организации. Это создает у сотрудников ощущение надежности самой организации и своего положения в ней, способствует формированию чувства социальной защищенности. Эту функцию можно охарактеризовать как идентификационную;
- познание основ организационной культуры своей компании помогает новым работникам корректно интерпретировать происходящие в организации события, определяя в них наиболее важные и существенные моменты, – когнитивная (познавательная) функция корпоративной культуры;
- внутриорганизационная культура, как ничто иное, стимулирует самосознание и высокую ответственность работника, выполняющего поставленные перед ним задачи. Признавая и награждая таких людей, организационная культура идентифицирует их в качестве ролевых моделей (образцов для подражания); таким образом, третья функция корпоративной культуры – стимулирующая [4, с. 12].

В настоящее время многие специалисты приходят к выводу о закономерном превращении организационной и корпоративной культуры организации в весьма действенный инструмент целенаправленного управления персоналом. В качестве инструмента управления персоналом культура организации позволяет осуществлять особое воздействие на управляемый персонал, обеспечивающее такое поведение этого персонала, которое, в свою очередь, позволяет достигать цели управления как самим персоналом, так и организации в целом. И, на-

оборот, в решении задачи поддержания и развития сформировавшейся организационной культуры определяющую роль играют такие факторы, как отбор и последующая адаптация соответствующего персонала, деятельность высшего руководящего звена, методы, посредством которых осуществляется усвоение ценностей и вытекающих из них норм, правил поведения, а также других элементов, которые существуют в сознании сотрудников и/или реализуются в поведении сотрудников.

Корпоративная культура может являться важным ресурсом предприятия с позиции её использования как особого инструмента управления мотивацией персонала. В системе многообразных отношений управления в современной организации корпоративная система мотивации персонала и корпоративная культура играют, с нашей точки зрения, основополагающую роль - каждый из этих элементов в отдельности и в совокупности. Вместе с тем, необходимо уточнить, что «интеграция» этих элементов и «взаимодействие» - не тождественные процессы.

Помимо этого, корпоративная культура через культуру управления персоналом предприятия ускоряет решение задач формирования эффективной корпоративной системы мотивации и экономической системы организации и ее экономической безопасности в целом, введение современных инновационных технологий управления, структурирование, упорядочение деятельности организации, тем самым культура управления персоналом вносит свой мощный вклад в прирост стоимости. Следование правилам и технологиям являются ценностью, а, следовательно, и социально одобряемым. Такое поведение помогает наращивать возможности системы управления, что опять же влияет на активизацию энергетической отдачи работника [3].

Многие исследователи часто отмечают тесную связь между культурой организации и корпоративной культурой, подчеркивая тот факт, что организационная культура не может существовать отдельно от корпоративной. В определенном смысле она является результатом абстрагирования от конкретики с целью выделить то общее, что есть во всех организациях, в их внутренней среде.

В то же время, корпоративная культура каждой отдельной конкретной организации (предприятия, фирмы, корпорации и пр.) призвана обеспечить адаптивное поведение организации во внешней среде. Она помогает предприятию выжить, победить в конкурентной борьбе, завоевать новые рынки и успешно развиваться [3]. Но при этом ее основной сферой её деятельности является внутренняя консолидация, взаимодействие и взаимная координация сотрудников, основанные на согласовании их интересов внутри организации. Поэтому естественно стремление любого руководителя использовать корпоративную культуру как фактор повышения конкурентоспособности своей организации.

Отметим также, что корпоративную культуру определяет известная формула: общие ценности → взаимовыгодные отношения и сотрудничество → добросовестное организационное поведение. Как культура вообще базируется на общепризнанных ценностях и общепринятых нормах (правилах) поведения, так и корпоративная культура в организации формируется на основе признанных ценностей и принятых норм поведения именно в данном коллективе и в данной организации.

По мнению ряда исследователей, корпоративная культура представляет собой два организационных уровня. На верхнем уровне представлены такие ви-

димые, внешние факторы, как одежда, символы, организационные церемонии, рабочая обстановка, и элементы культуры, имеющие внешнее видимое представление.

На более глубоком уровне располагаются ценности и нормы, определяющие и регламентирующие поведение сотрудников в организации. Ценности второго уровня тесно связаны с визуальными образцами (слоганами, церемониями, стилем деловой одежды и др.), они вытекают закономерно из них и обозначают их внутреннюю философию. Эти ценности поддерживаются и вырабатываются сотрудниками организации, каждый человек должен разделять их или хотя бы показывать свою лояльность по отношению к принятым корпоративным ценностям.

С точки зрения управления персоналом корпоративные ценности и нормы включают в себя:

- предназначение организации, ее «лицо»;
- стиль руководства и управления, а также особенности процессов принятия решений;
- обращение с людьми (забота о людях и их нуждах; уважение к индивидуальным правам; карьера; справедливость при оплате);
- организация работы и дисциплина;
- распространение и обмен информацией;
- пути разрешения конфликтов;
- оценка эффективности работы сотрудников и др. [5].

Однако, если нужно добиться определенного поведения персонала, недостаточно установить соответствующие правила, нормы и стандарты. Необходимо, помимо норм и правил, сформировать «ценностную базу», поскольку ценности задают общее направление, а правила, нормы и стандарты конкретизируют эти ценности. Таким образом, в составе организационной, как и корпоративной культуры должны быть такие механизмы, которые обеспечивают проникновение ценностей в сознание сотрудников, стимулирующие развитие инновационных идей [6]. Эти элементы могут формироваться спонтанно или же целенаправленно, сознательно руководством организации.

Из всего сказанного можно сделать обобщающий вывод о том, что культура организации имеет такое особое значение для управления персоналом, которое связано с формированием позитивного его отношения к работе, к клиентам, коллегам, начальству и ко всему тому, что напрямую сказывается на успешности организации. Иначе говоря, корпоративная культура может являться высокоэффективным инструментом управления персоналом. Более того, организационная культура в системе управления персоналом организации должна рассматриваться как стратегический инструмент, позволяющий ориентировать и направлять всех сотрудников на глобальные общие цели. Но это будет возможным лишь при условии целенаправленного её формирования, поддержания и последовательного развития.

Список литературы

1. Аллахвердиева Л.М., Султанова М.К. Управление персоналом в малом бизнесе: роль личности руководителя // Экономика и предпринимательство- № 8 ч.1 (60-61). - 2015.

2. Гудкова Т.В. Особенности корпоративной культуры российских компаний. – М.: РГ-Пресс, 2014. С. 5.
3. Ермолов Ю.А. Корпоративная культура предприятия как ресурс и инструмент управления персоналом //Социально-экономические явления и процессы. 2013, Выпуск № 8 (054). – С. 45-48.
4. Кузнецов Ю.В., Мелякова Е.В. Теория организации: учебник для бакалавров - М.: Издательство Юрайт, 2015.
5. Литвиненко И.Л. Анализ зарубежного опыта оценки национальных инновационных систем. // Новые технологии. - 2015.- № 2. - С. 155-161.
6. Литвиненко И.Л. Инновационная система России: отечественная и зарубежная оценка //Человек. Общество. Инклюзия. - 2013. - № 2. - С. 64.
7. Организационная культура //HR-Portal: Сообщество HR-Менеджеров. Режим доступа: <http://hr-portal.ru/varticle /organizacionnaya-kultura> (дата обращения: 21.03.2016).
8. Яценко Г.В. Корпоративная культура во внутриорганизационном социальном управлении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук - Ростов-на-Дону, 2007.
9. Яценко Г.В. Корпоративная культура во внутриорганизационном социальном управлении Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. социологических наук - Ростов-на-Дону.

П.А. Егоров

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В.В. РОЗАНОВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

DIDACTIC PRINCIPLES OF V.V. ROZANOV AND THEIR IMPLEMENTATION IN MODERN TEACHING PRACTICE

ЕГОРОВ Павел Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики МГГЭУ (e-mail: egorov@mggeu.ru).

EGOROV Pavel Anatolyevich – candidate of philological Sciences, docent of Department of Russian language, literature and journalism MGGEU (e-mail: egorov@mggeu.ru).

Аннотация. Статья посвящается юбилею русского писателя, философа, педагога Василия Васильевича Розанова. Делается акцент на статьях мыслителя, включенных в сборник «Сумерки просвещения». Рассматривается актуальность трех принципов образования, сформулированных Розановым и являющихся основой его философии образования и воспитания.

Ключевые слова: три принципа образования, философия образования, принцип индивидуальности, принцип целостности, принцип единства типа, учитель.

Summary. The article is devoted to the jubilee of Russian writer, philosopher, teacher of Vasily Vasilievich Rozanov. Focuses on the thinker articles included in the book «Twilight of education». Discusses the relevance of the three principles of education formulated by Rozanov and the Foundation of its philosophy of education and upbringing.

Keywords: three principles of education, philosophy of education, the principle of individuality, the principle of integrity, the principle of unity of type, the teacher.

В 2016 году исполняется 160 лет со дня рождения русского мыслителя Василия Васильевича Розанова. Его творческое наследие поражает своей междисциплинарностью и оригинальным отношением к сущностным вопросам развития общества. Перечислить направления исканий Розанова не так-то просто. Перед нами необычный писатель, работавший в рамках таких художественных жанров литературы, как «философская проза» и «поток сознания». Опубликованные им статьи в газетах и журналах начала XX века, посвященные литературе, театру, музыке, скульптуре, свидетельствуют о том, что перед нами плодовитый литературно-художественный критик.

Отличительной чертой творчества Розанова является оригинальная и временами крайне субъективная позиция в оценке представителей русской культуры. Идеалом для Василия Васильевича был «главный светоч нашей литературы» - А.С. Пушкин. Приведенное нами розановское определение масштаба русского поэта до нашего времени остается актуальным [4]. В ходе социологического опроса, проведенного в рамках мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения Пушкина, значительное число респондентов выбрало именно характеристику поэта, предложенную В.В. Розановым [5].

В своих литературно-критических статьях Розанов очень четко разделил русских писателей и поэтов на две группы. К первой относятся те, кто, по мнению критика, способствовал укреплению российской государственности (М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский). Вторая группа представлена литераторами, подрывавшими эти, как сейчас модно говорить, скрепы (Н.В. Гоголь, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и другие представители демократического и революционного направления) [1]. Здесь можно видеть не только крайнюю субъективность Розанова, но и его мужество идти наперекор общественному мнению, для которого, например, тот же Салтыков-Щедрин был чуть ли не иконой [2, с. 28-38].

Идеи Розанова о христианстве и его полемика с русской православной церковью – еще одно свидетельство многогранной натуры рассматриваемого нами автора. В свете нынешнего не простого состояния российской системы образования, педагогические разработки В.В. Розанова представляют особую ценность. К сожалению, данное «невеселое» восприятие педагогического пространства России XXI века не является субъективным мнением автора статьи, а отражает реальное положение дел. Вспомним, уже ставшим историей, выступление депутата Государственной Думы Олега Николаевича Смолина, который 28 апреля 2010 года на проходившей в Омске научно-практической конференции «Российское законодательство и образовательная политика» заявил о том, что «качество нашей медицины, нашего образования, науки и культуры... сейчас находится на невысоком уровне». При этом парламентарий привел ряд убедительных доказательств своей позиции: недостатки современного законодательства, способствующего коммерциализации образования, реструктуризация вузов, низкая зарплата российских педагогов [3].

Василий Васильевич Розанов родился 20 апреля 1856 года в маленьком городе Ветлуга Костромской губернии. В ответах Розанова на анкету Нижегородской губернской архивной комиссии мы можем почерпнуть важные сведения о его жизни. «Отца потерял 3-х лет... и одновременно мать с 7-ю детьми переехала в Кострому ради воспитания детей. <...> Мать умерла, когда я был (оставшись на 2-й год) учеником 2-го класса. Нет сомнения, что я совершенно погиб бы, не “подбери” меня старший брат Николай, к тому времени как раз кончивший Казанский университет. Он дал мне все средства образования и, словом, был отцом. <...> Учился я все время плоховато, запоем читая и скукая гимназией» [8, с. 37-38]. После окончания историко-филологического факультета Московского университета В.В. Розанов получает назначение в Брянск, где в местной гимназии преподает историю и географию. После этого он работает в гимназиях Ельца и Белого (город в Смоленской губернии). По словам самого Розанова, его всегда томила «педагогическая гамлетовщина», которая не давала возможности стать авторитетным учителем. Как точно подметил Г.Р. Евграфов,

«...чахнувший в провинции учитель истории и географии Василий Васильевич Розанов впал не в английский сплин, не в немецкий бюргерский зензухт, а в российскую безысходную тоску, от которой ищут спасения в вине или таборе, бегут за границу или кончают самоубийством» [7, с. 337]. Розанов напишет о своем бедственном положении известному русскому литератору Н.Н. Страхову. Последний не только духовно поддержит разочаровавшегося провинциального учителя, но и поможет ему переехать и устроиться в Петербурге. Именно здесь начнется розановская карьера писателя, критика и философа образования.

На наш взгляд, именно неудачный, хотя и продолжительный, педагогический опыт вынудил Розанова обратиться к писательству. В 1899 году был опубликован розановский сборник статей «Сумерки просвещения», состоящий из двенадцати статей. Красной нитью через всю книгу проходит мысль автора, которую можно назвать индивидуальным подходом к образованию отдельно взятого ребенка. Данная идея призывает учителя к осмыслению свойств психики, физического развития обучающегося и спокойному, без рывков освоению с ним учебного материала. «Только с любовью, долго, при собственных дарах или любящем учителе, останавливаясь на самом кратком, в несколько минут прочитываемом произведении, можно впитать из него тот аромат, который оно содержит в себе... Но думать, что хоть тень этого воспитывающего действия может произойти при изучении великих произведений с часовым циферблатом в руке, есть заблуждение, которое, поистине, нельзя не назвать безумным» [9, с. 16].

К сожалению, именно индивидуальности в постижении наследия культуры, по мнению Розанова, нет места в нашем образовании. События истории, географические открытия, вопросы религии укладываются в несколько страниц. Антикультурная «учебная» переработка древних текстов наносит громадный вред воспитанию личности. Школа должна поставить цель: выработать в подрастающих поколениях нравственный идеал, соответствующий определенной культурной традиции. В «Сумерках просвещения» сформулирована идея защиты индивидуальных творческих качеств человека, которые нельзя подгонять под шаблоны образовательных методик.

Основные постулаты розановской философии образования заключаются в трех принципах.

Принцип индивидуальности. «Он требует, чтобы как в образуемом (ученик), так и в образующем (учебный материал), была по возможности сохранена индивидуальность, это драгоценнейшее в человеке и в его творчестве» [10, с. 93].

Принцип целостности. «Он требует, чтобы всякое входящее в душу впечатление не прерывалось до тех пор другим впечатлением, пока оно не внедрилось, не окончило своего взаимодействия с нею, потому что лишь успокоенный в себе, незанятый ум может начать воспринимать плодотворно новые серии впечатлений. <...> Школа, где нарушен принцип индивидуальности, не воспитывает, не образует; где нарушен принцип целостности – не влияет, не сообщает каких-либо убеждений, не дает веры во что-нибудь» [11, с. 96]. Автор «Сумерек просвещения» выступает за сокращение числа изучаемых предметов и за увеличение длительности уроков. Это позволит углубить знания учащихся, а также заинтересовать их, что при обычном положении очень непросто. Далее идет предложение, по которому каждый день учебной недели был посвящен определенному блоку дисциплин (гуманитарных, естественнонаучных

и др.). Это поможет учащимся лучше понимать школьную программу. В этой связи любопытно, как Розанов отнесся бы к современному положению дел, когда и в школьном, и в вузовском образовании, появились новые дисциплины. Например, предмет «Человек и его потребности» дублирует «Философию» и «Психологию». Дисциплина «Культурология» также вызывает ряд вопросов, ибо понятие «культура» – философское и рассматривается в рамках социальной философии.

Принцип единства типа. «Он состоит в требовании, чтобы все образующие впечатления, падающие на данную единичную душу <...> были непременно одного типа, а не разнородные или не противоположные. Иными словами: они должны идти из источника одной какой-нибудь исторической культуры...» [12, с. 100]. Применительно к реальности XXI века это положение, на наш взгляд, должно работать следующим образом: опора на ценности патриотизма, семьи, традиционных религий, уважение к старшим поколениям, бережное отношение к природе и памятникам истории. Уместно добавить, что современный вандализм и потребительское поведение людей по отношению к окружающей их среде вряд ли заслужили бы одобрение Розанова.

Одной из самых интересных статей сборника «Сумерки просвещения» явилась статья «Афоризмы и наблюдения». Ее смысл в том, что школа несет в себе отпечаток того региона, где она находится. Отсюда такое понятие, как региональный характер школы, которая сама должна готовить учителей, остающихся после окончания курса работать там, где учились. Эта система поставит учителя ближе к ученикам, к их интересам и увлечениям. Перед нами уникальная модель подготовки учителей силами самой школы, когда педагогические кадры формируются из среды самих учащихся.

Думается, именно в этой статье Розанов первый, кто, с одной стороны, резко, но правдиво, а с другой стороны, с болью и тревогой нарисовал портрет учителей. «Даже мало знакомый с их бытом человек, встретив среди многолюдного общества, на гулянье, в театре, где-нибудь, очевидно, случайно попавшую сюда фигуру с рассеянным, ни на что не смотрящим взглядом – фигуру, непременно уходящую от общества, а не стремящуюся радостно к нему приблизиться, – угадает и скажет: Верно, учитель. Его все узнают. Никто не захочет с ним заговорить, скорее, всякий сделает усилие избежать этого... Учитель для всех страшен, всегда и для всех чужд. Живой, беззаботный смех – вот чего никогда, ни в каком состоянии вы не услышите от учителя; сильное движение, энергическое усилие – вот чего нельзя ожидать от него. Он все может *изложить*, но никогда – *рассказать* анекдот. <...> По-видимому, он может только научать и выслушивать, и все остальные его способности, умения атрофированы» [13, с. 147-148]. Как все вышесказанное напоминает образы учителей из «Человека в футляре» А.П. Чехова и романа «Мелкий бес» Ф.К. Сологуба! И при этом Розанов показывает утонченную и стремящуюся к прекрасному душу учителей, которые даже в глухой провинции занимались различными видами искусства, увлекались философией, переводили на русский язык труды зарубежных ученых. «Жестокый, глупый, несправедливый, он же умный, изболевший в сердце человек – вот учитель» [14, с. 151]. Может быть, кто-то скажет, что перед нами противоречивая и даже сумбурная характеристика профессии с явными признаками сатиры. На наш взгляд, это не так. Розанов смог поставить перед обществом острый вопрос о значении профессии учителя. К сожалению, и тогда, в конце XIX, и сейчас,

в XXI веке, этот учительский вопрос, вопрос «кто, как и зачем учит» обойден вниманием общества. Сегодня престиж профессии воспитателя и педагога по сравнению с XIX веком резко упал. Учителя стали нередко ассоциироваться с аниматорами и прислугой. Этому способствовало и современное телевидение. Любопытно, что в 2010 году, объявленном годом учителя, по первому федеральному каналу демонстрировался сериал «Школа», где учителя выставлены в роли неудачников, людей, доживающих свой век и уже не способных на какие-либо творческие порывы, и просто взяточников. Стоит добавить, что, несмотря на столь пафосное мероприятие («год учителя»), уровень заработной платы учителей и преподавателей высшей школы не претерпел существенных изменений.

Почему же все-таки Розанов нарисовал учителя таким угрюмым и нелюдимым, своеобразным «отшельником в толпе»? Нам представляется, что ответ на этот вопрос кроется не только в специфике работы, ориентированной на эмпатию и связанную с постоянным стрессом, но и в отсутствии в педагогических вузах специальных курсов, посвященных психологической выносливости и умению беречь свои силы. Такие курсы смогли бы предотвратить в будущем профессиональную деформацию, творческое выгорание, научить учителя справляться с внештатными ситуациями на уроках.

Даже те, кто не служил в органах внутренних дел, тем не менее, по фильмам и репортажам хорошо знают, как борются представители данной структуры с социально опасными элементами во время массовых мероприятий. Задача полиции состоит в выявлении и нейтрализации зачинщиков беспорядков. Как правило, лишенная вожачков толпа быстро утрачивает способность к сопротивлению. Что же касается преподавателя, то его почему-то не обучают и не показывают ему на практике, то, как поддерживать дисциплину в аудитории.

В статье «Педагогические трафаретки» получает развитие идея индивидуального отношения учителя к каждому из своих учеников. Розанов приводит примеры того, как те, кто выбивался за рамки педагогического трафарета, исключались за «неуспеваемость». А те, кто на уроках «сидели тише воды, ниже травы» заканчивали курс и поступали в университет. По этому поводу так и хочется вспомнить слова из «Ярмарки тщеславия» Уильяма Теккерея: «...сколько благородных душ коверкается, уродуется, обрекается на муки из-за слабых успехов в арифметике или убогой латыни» [17].

Тема домашнего образования представлена в статье «Семья как истинная школа». Именно этот социальный институт должен играть главную роль в процессе образования и воспитания. В будущем школа должна «...стать регистрирующей, пособляющей, указывающей... в центре целого мира семей-школок» [15, с. 224]. Отсюда возникает идея создания подвижной гимназии. Она предполагает, что ученики будут заниматься в гимназии по предметам, недоступным для обучения в семье. Остальные предметы они будут изучать в домашних условиях, и сдавать весной экзамены, подводящие итог домашней работы.

Розанов, во многом продолжавший идеи славянофильства, указывал на необходимость изменения школьной программы в плане увеличения учебных часов на занятия по истории отечества. Автор «Сумерек просвещения» сетовал на то, что «мы учимся патриотизму – на образцах французской «чести», семейной домовитости – на исторических рассказах о швейцарцах и средневековых германцах» [16, с. 237]. А что мы имеем сейчас с подачи зарубежных «специалистов» по русской и советской истории и различных псевдоде-

мократических деятелей? Вокруг нашей истории создано немало совершенно глупых, но очень популярных и растиражированных мифов. Например, вся суть книги «Домострой» сводится к фразе «жена, да убоится своего мужа». А как только в 90-е годы не называли СССР – этот сложный, прекрасный и трагический социальный проект создания нового типа общественного строя! Только сейчас, когда мы видим факты откровенного пренебрежения, глумления наших зарубежных соседей по отношению к могилам советских солдат и всей отечественной культуре в целом, становится понятна мировоззренческая позиция Розанова, который еще в 1900 году в статье «Важная комиссия» призывал дать России русскую школу. «Римские и греческие войны картиннее проходятся, серьезнее раскрываются; тогда, как Суворов весь рассыпается на уроках истории в одни анекдоты» [6].

Безусловно, что до тех пор, пока в современной российской педагогической практике все будет направлено на «разгадывание кроссворда» под названием ЕГЭ и на расширение количества платных услуг, ни о каких розановских принципах образования не может быть и речи!

Актуальность философии образования В.В. Розанова нам видится в следующем:

- принципы индивидуального подхода к учащемуся, целостности получаемых знаний опирающихся на единую культурную традицию;
- повышение престижа и улучшение материального положения учителя и преподавателя;
- сближение семьи и школы; возвращение образовательным учреждениям воспитательной функции;
- единство действий органов власти, общественных организаций, педагогов по привитию молодежи патриотических идей.

Историческое значение В.В. Розанова, на наш взгляд, состоит в том, что он выступал против догматизма в образовании и воспитании, против давления на личность и ратовал за многообразие методик по ее формированию в духе гуманистических ценностей. Сформулированные Розановым педагогические максимы могут одновременно стать барьером от сползания нашего общества в «бездуховную яму» и защитить его от современных геополитических вызовов.

Список литературы

1. *Егоров П.А., В.В. Розанов* – литературный критик (проблематика, жанровое своеобразие, стиль). Дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук – М., 2002.
2. *Желудева Е.В.* Философские взгляды М.Е. Салтыкова-Щедрина как феномен в общественной жизни России второй половины XIX века (к 190-летию со дня рождения великого писателя и журналиста) //Человек. Общество. Инклюзия. - 2016. - №1(25). - С. 28-38.
3. Образование. Независимый Образовательный Проект педагогов и родителей. Режим доступа: <http://www.eduhelp.info/page/smolin-vyskazalsja-o-situacii-v-obrazovanii> (дата обращения 19.04.2016).
4. *Пищулин Н.П., Волосков И.В., Егоров П.А.* А.С. Пушкин глазами москвичей – М., 1999.

5. *Пищулин Н.П., Волосков И.В., Егоров П.А.* Философия А.С. Пушкина. Учебное пособие – М.: Жизнь и мысль, 2002.
6. *Розанов В.В.* Важная комиссия //Новое время. 1900. 28 января.
7. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма – М.: Аграф, 2000. С. 337.
8. Розанов о себе. Ответы на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии //В.В. Розанов: pro et contra. Кн.1 – СПб, 1995. С. 37-38.
9. *Розанов В.В.* Сумерки просвещения – М.: Педагогика, 1990. С.16.
10. Там же. С. 93.
11. Там же. С. 96.
12. Там же. С. 100.
13. Там же. С. 147-148.
14. Там же. С.151.
15. Там же. С. 224.
16. Там же. С. 237.
17. *Теккерей У.* Ярмарка тщеславия. Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/15330p15.html> (дата обращения: 19.03.2016).

М.Н. Кирсанов, Х. Цзян

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И АНАЛИЗ КОЛЕБАНИЙ НОЖНИЧНОГО МЕХАНИЗМА С ПРОИЗВОЛЬНЫМ ЧИСЛОМ ЭЛЕМЕНТОВ

MATHEMATICAL MODEL AND VIBRATION ANALYSIS OF SCISSOR MECHANISM WITH ARBITRARY ELEMENT NUMBER

КИРСАНОВ Михаил Николаевич – профессор кафедры «Теоретическая механика и мехатроника» НИУ «МЭИ» (e-mail: mpei2004@yandex.ru).

ХАНЬСЯН Цзян – магистр, кафедра «Теоретическая механика и мехатроника» НИУ «МЭИ» (e-mail: g.calculator@gmail.com).

KIRSANOV Mikhail Nikolaevich – Professor, department of theoretical mechanics and mechatronics, National Research University «MPEI» (e-mail: mpei2004@yandex.ru).

HANXIANG Jiang – master, department of theoretical mechanics and mechatronics, National Research University «MPEI» (e-mail: g.calculator@gmail.com).

Аннотация. В работе представлен математический метод для расчета частоты собственных колебаний ножничного механизма. Методом индукции с помощью операторов Maple, получено обобщение формул на произвольное число секций. Построен график зависимости частоты и выявлены некоторые его особенности.

Ключевые слова. Ножничный механизм, собственная частота, индукция, Maple.

Summary. The paper presents a mathematical method to calculate the natural frequency of scissor mechanism. By induction method and mathematical software Maple, the generalization of formulas for arbitrary section number is found. Draw the graph of frequency dependence and some features are revealed.

Keywords. Scissor mechanism, natural frequency, induction method, Maple.

Одна из основных задач, стоящая перед проектировщиком различного рода механизмов – исследование частотных характеристик механизма. Как правило, для этого используются численные методы. Однако современные системы компьютерной математики [1] с использованием метода индукции [2] позволяют получить и аналитические приближения [3-6] в задачах о колебании систем с многими элементами.

Рассмотрим ножничный механизм, используемый как элемент манипулятора в робототехнике и в подъемных механизмах. Плоский механизм мо-

делируем упругими стержнями длиной l , соединенными шарнирно. Размах механизма определяет переменный управляющий размер $0 < h < l$. В первом приближении предполагаем, что стержни имеют пренебрежимо малую массу и учитываем только массу груза, расположенную в консольном, крайнем правом шарнире. В механизме n секций, каждая из которых состоит из двух шарнирно скрепленных посередине плоских упругих элементов. Последняя секция (укороченная) загружена вертикальной силой. Первая секция закреплена на опоре A и ползуну B . Перемещаясь по вертикальной направляющей, ползун раздвигает секции механизма, увеличивая или уменьшая длину консоли. Расчет деформации и прочности производится применительно к конкретному положению ползуна, принимаемого в этом случае за неподвижный шарнир. В расчете учитывается изгибная и продольная деформация элементов. Шарниры принимаются идеальными. В качестве обобщенных координат выбираем вертикальное и горизонтальное смещения груза. Записывается уравнение колебаний груза, следующее из уравнения Лагранжа 2-го рода:

$$[M]\ddot{\bar{U}} + [D]\bar{U} = 0 \quad (1)$$

где $\bar{U} = [x, y]$ – вектор перемещений узла;

$[M]$ – матрица инерции;

$[D]$ – матрица жесткости.

Так как кинетическая энергия выражается как $T = m(\dot{x}^2 + \dot{y}^2)/2$, матрица инерции имеет диагональный вид:

$$M_n = \begin{bmatrix} m & 0 \\ 0 & m \end{bmatrix} \quad (2)$$

Умножая (1) на матрицу податливости $[\Phi]$ (обратную к матрице жесткости $[D]$) и делая подстановку $\ddot{\bar{U}} = -\omega^2 \bar{U}$, что равносильно замене $x = X \sin(\omega t + \beta)$, $y = Y \sin(\omega t + \beta)$, где X, Y – амплитуды, ω – частота колебаний, получаем однородную систему $m\omega^2[\Phi]\bar{U} = \bar{U}$. Таким образом задача отыскания собственных частот свелась к нахождению собственных значений матрицы $[\Phi]$. Элементы матрицы определяются по формуле Максвелла - Мора:

$$\delta_{i,j} = \sum_{\mu=1}^n \left(\frac{1}{EF} N_{i,\mu} N_{j,\mu} l + \frac{1}{EJ} \int M_{\mu,i} M_{\mu,j} ds \right) \quad (3)$$

где $i = 1$ соответствует действию вертикальной единичной силы на узел, содержащий массу, $i = 2$ – горизонтальной;

$N_{i,\mu}$ – усилие в стержне μ от действия соответствующей силы;

$M_{\mu,i}$ – момент изгиба в стержне μ ;

EF – продольная жесткость стержней;

EJ – изгибная жесткость стержней.

Составим уравнение равновесия (сумма проекций сил на оси координат и сумма моментов относительно точки B) для элементов, разделив механизм по шарнирам и введя реакции сочленений. При этом для двух крайних правых укороченных элементов длиной $l/2$ также вводим фиктивные реакции опор $X_{1,n} = Y_{1,n} = X_{3,n+1} = Y_{3,n+1} = 0$, так что уравнения для всех нисходящих элементов 1-3 (рис. 2а) при $k = 1, \dots, n$ имеют общий вид:

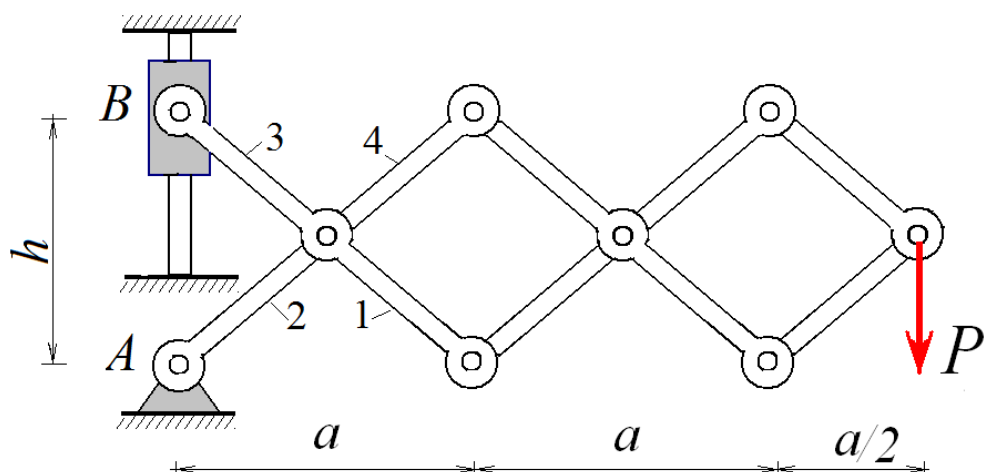

Рис. 1. Механизм с тремя секциями (загружен вертикальной единичной нагрузкой)

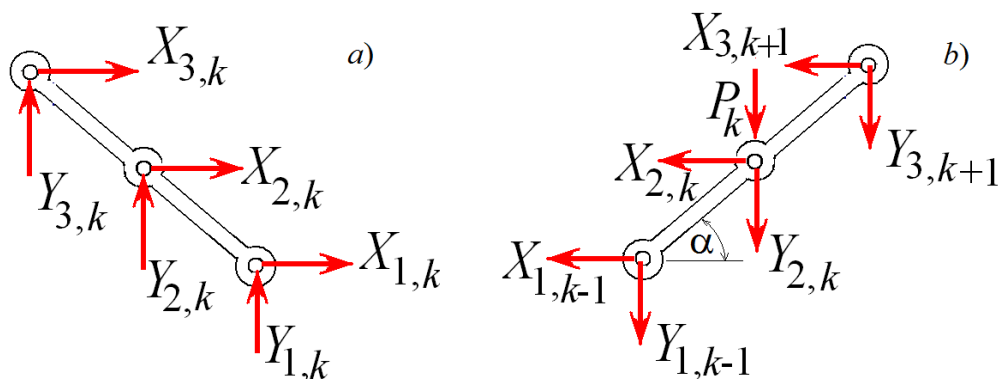

Рис. 2. Реакции шарниров и нагрузки на элементы

$$\left. \begin{aligned} X_{1,k} + X_{2,k} + X_{3,k} &= 0, \\ Y_{1,k} + Y_{2,k} + Y_{3,k} &= 0, \\ Y_{1,k}a + Y_{2,k}a/2 + X_{1,k}h + X_{2,k}h/2 &= 0. \end{aligned} \right\} \quad (4)$$

Аналогично записываем уравнения для элементов 2-4 (рис. 2b):

$$\left. \begin{aligned} X_{1,k-1} + X_{2,k} + X_{3,k+1} &= 0 \\ Y_{1,k-1} + Y_{2,k} + Y_{3,k+1} + P_k &= 0 \\ Y_{1,k-1}a + (P_k + Y_{2,k})a/2 - X_{1,k-1}h - X_{2,k}h/2 &= 0 \end{aligned} \right\} \quad (5)$$

Решаем систему уравнений и находим при $P_k = 0, k = 1, \dots, n-1, P_n = P$ реакции сочленений и опор $X_{i,k}, Y_{i,k}, k = 1, \dots, n, i = 1, \dots, 4$. Для определения коэффициентов жесткости по формуле Максвелла - Мора потребуются нормальные

усилия в стержневых элементах. Проецируя найденные реакции на продольные направления стержней (рис. 3), получим:

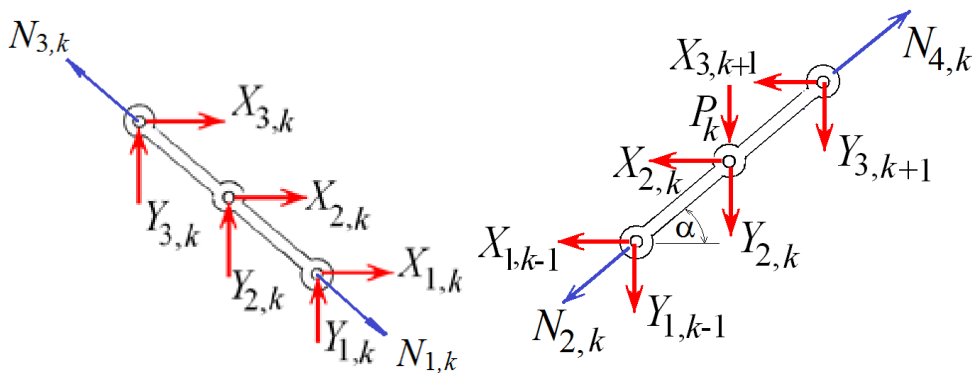

Рис. 3. Продольное усилие в стержне

$$\left. \begin{aligned} N_{1,k} &= X_{1,k} \cos \alpha - Y_{1,k} \sin \alpha, \\ N_{2,k} &= X_{1,k-1} \cos \alpha + Y_{1,k-1} \sin \alpha, \\ N_{3,k} &= -X_{3,k} \cos \alpha + Y_{3,k} \sin \alpha, \\ N_{4,k} &= -X_{3,k+1} \cos \alpha - Y_{3,k+1} \sin \alpha, \end{aligned} \right\} \quad (6)$$

где $\sin \alpha = h / l$, $\cos \alpha = a / l$.

Все стержневые элементы механизма подвержены изгибу. Очевидно, эпюры моментов будут иметь треугольный вид (рис. 4).

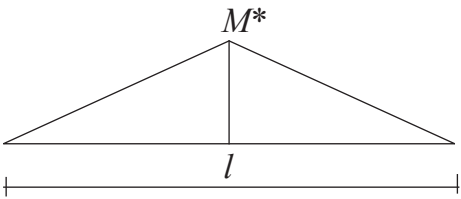

Рис. 4. Эпюра моментов

Вычислим значения моментов в середине эпюр (рис. 2):

$$\left. \begin{aligned} M_{3-1,k} &= (X_{3,k} \sin \alpha + Y_{3,k} \cos \alpha) l / 2 \\ M_{2-4,k} &= (X_{3,k+1} \sin \alpha - Y_{3,k+1} \cos \alpha) l / 2 \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

Интеграл по эпюре, имеющей треугольную форму, вычисляется как $\int M_k^2 ds = M^* l / 3$, где $M^* = M_{3-1,k} = M_{2-4,k} = 4a(n-k)$, $k = 1, \dots, n$. Стержни последней панели ($k = n$) не изгибаются, верхний стержень сжат, нижний – растянут. Коэффициент обратной жесткости представим в виде суммы, выделив отдельно изгиб и осевые деформации: $\delta_{ij} = \delta_{ij}^{(N)} + \delta_{ij}^{(M)}$.

Методом индукции с использованием операторов Maple пакета genfunc получим обобщение формул на произвольное число элементов:

$$\begin{aligned} \delta_{11}^{(N)} &= \frac{1}{EF} \sum_{i=1}^4 \sum_{k=1}^n \frac{N_{i,k}^2 l}{2} = \frac{1}{EF} \frac{A_1 a^4 + B_1 h^2 (2a^2 + h^2)}{4lh^2}, \\ \delta_{11}^{(M)} &= \frac{1}{EJ} \sum_{k=1}^n \frac{(M_{3-1,k}^2 + M_{2-4,k}^2) l}{3} = \frac{1}{EJ} C_1 a^2 l, \\ \delta_{11} &= \delta_{11}^{(N)} + \delta_{11}^{(M)}, \end{aligned} \quad (8)$$

где коэффициенты $A_1 = (8/3)n^3 - 4n^2 + (10/3)n - 1$;

$$B_1 = 2n - 1;$$

$$C_1 = n(n-1)(2n-1)/36$$

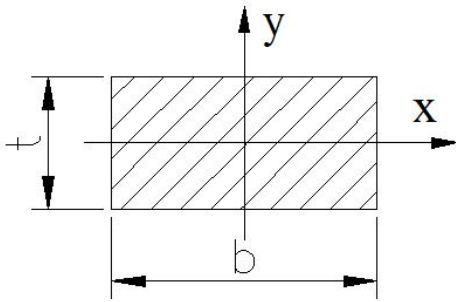

Рис. 5. Сечение элементов

получены как решения одного и того же рекуррентного уравнения, но с разными начальными данными:

$$\begin{aligned} A_n &= 4A_{n-1} - 6A_{n-2} + 4A_{n-3} - A_{n-4}, \\ C_n &= 4C_{n-1} - 6C_{n-2} + 4C_{n-3} - C_{n-4}. \end{aligned} \quad (9)$$

Момент инерции прямоугольного сечения (рис. 5) $J_y = b^3 t / 12$. Аналогично найдем коэффициенты $\delta_{22}^{(M)}$, $\delta_{22}^{(N)}$, рассматривая действие горизонтальной единичной нагрузки (рис. 6).

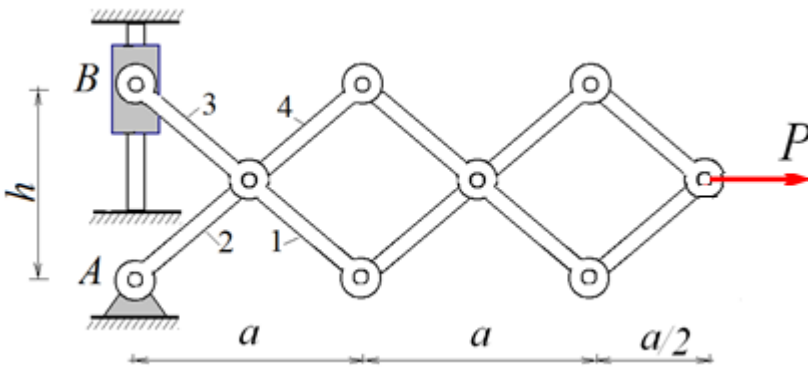

Рис. 6. Механизм с тремя секциями (загружен горизонтальной единичной нагрузкой)

Получим следующие значения:

$$\begin{aligned} \delta_{22}^{(N)} &= \frac{1}{EF} \sum_{i=1}^4 \sum_{k=1}^n \frac{N_{i,k}^2 l}{2} = \frac{1}{EF} \frac{A_2 a^2 (a^2 + 2h^2) + B_2 h^4}{4la^2}, \\ \delta_{22}^{(M)} &= \frac{1}{EJ} \sum_{k=1}^n \frac{(M_{3-1,k}^2 + M_{2-4,k}^2) l}{3} = \frac{1}{EJ} C_2 h^2 l, \\ \delta_{22} &= \delta_{22}^{(N)} + \delta_{22}^{(M)}, \end{aligned} \quad (10)$$

где коэффициент $A_2 = 2n - 1$;

$$B_2 = (8/3)n^3 - 4n^2 + (10/3)n - 1;$$

$$C_2 = n(n-1)(2n-1)/36.$$

Коэффициенты $\delta_{12}^{(N)}$, $\delta_{12}^{(M)}$ как и следовало ожидать, оказались равны нулю. Тогда $[\Phi]$, это искомая матрица:

$$[\Phi] = \begin{pmatrix} \frac{1}{EF} \frac{A_1 a^4 + B_1 h^2 (2a^2 + h^2)}{4lh^2} + \frac{1}{EJ} C_1 a^2 l & 0 \\ 0 & \frac{1}{EF} \frac{A_2 a^2 (a^2 + 2h^2) + B_2 h^4}{4la^2} + \frac{1}{EJ} C_2 h^2 l \end{pmatrix}$$

Вычисляем собственные значения матрицы $[\Phi]$. Приравниваем нулю определитель:

$$[\Phi] - \lambda[E] = \begin{vmatrix} \delta_{11} - \lambda & \delta_{12} \\ \delta_{21} & \delta_{22} - \lambda \end{vmatrix} = 0. \quad (11)$$

Решаем квадратное уравнение и находим частоты:

$$\begin{aligned} \lambda_1 &= \frac{1}{EF} \frac{A_1 a^4 + B_1 h^2 (2a^2 + h^2)}{4lh^2} + \frac{1}{EJ} C_1 a^2 l, \\ \lambda_2 &= \frac{1}{EF} \frac{A_2 a^2 (a^2 + 2h^2) + B_2 h^4}{4la^2} + \frac{1}{EJ} C_2 h^2 l. \end{aligned} \quad (12)$$

Частоты собственных колебаний имеют вид:

$$\begin{aligned} \omega_1^2 &= 1/m\lambda_1 = -\frac{3EF}{m} \frac{b^2 l (h-l)(h+l)}{h^2 n (2n-1)(n-1) \left(h^2 b^2 - h^2 l^2 + l^4 + 3b^2 l^4 / (4h^2 n (n-1)) \right)}, \\ \omega_2^2 &= 1/m\lambda_2 = \\ &= \frac{3EF}{m} \frac{h^2 b^2 l}{n (h-l)(h+l)(2n-1)(n-1) \left(h^2 b^2 - h^2 l^2 - b^2 l^2 + 3b^2 l^4 / (4n (h-l)(h+l)(n-l)) \right)}. \end{aligned}$$

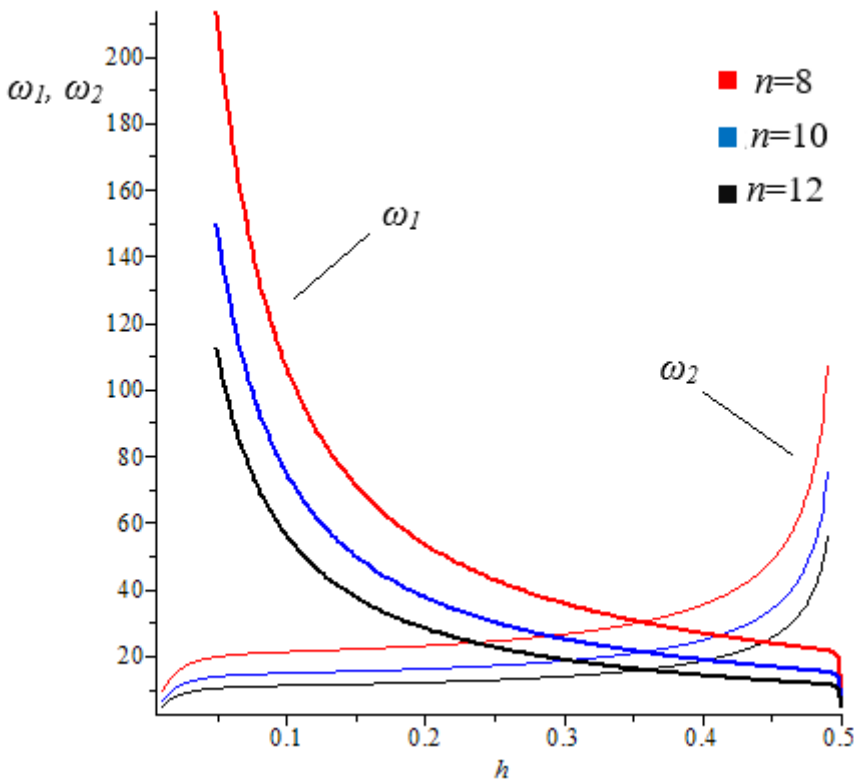

Рис. 7. Частоты собственных колебаний в зависимости от h

Строим график зависимости частоты собственных колебаний ω_1 и ω_2 от параметра h (размаха механизма), где $F = bt = 0.02 \cdot 0.01 = 2 \cdot 10^{-4} \text{ м}^2$, $J = b^3 t / 12 = 6.67 \cdot 10^{-9} \text{ м}^4$, $l = 0.5 \text{ м}$, $m = 1 \text{ кг}$, $E = 2 \cdot 10^5 \text{ МПа}$. Наблюдается пересечение кривых первой и второй частоты.

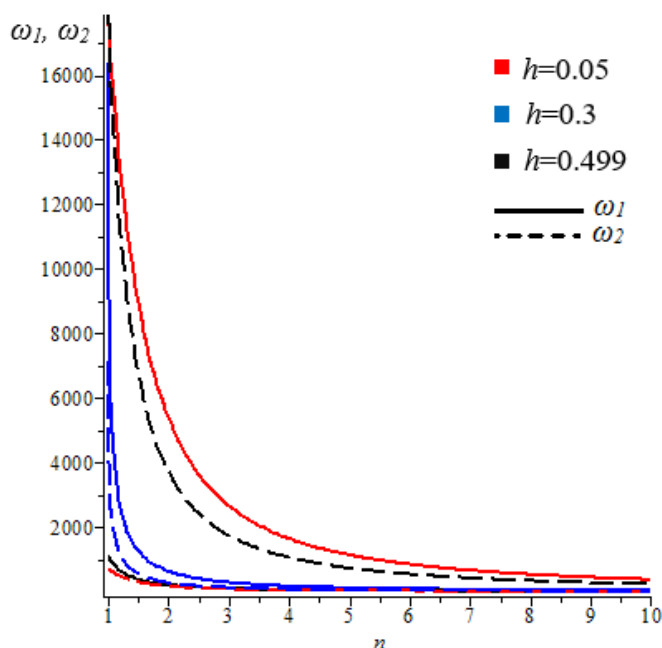

Рис. 8. Частоты собственных колебаний в зависимости от n

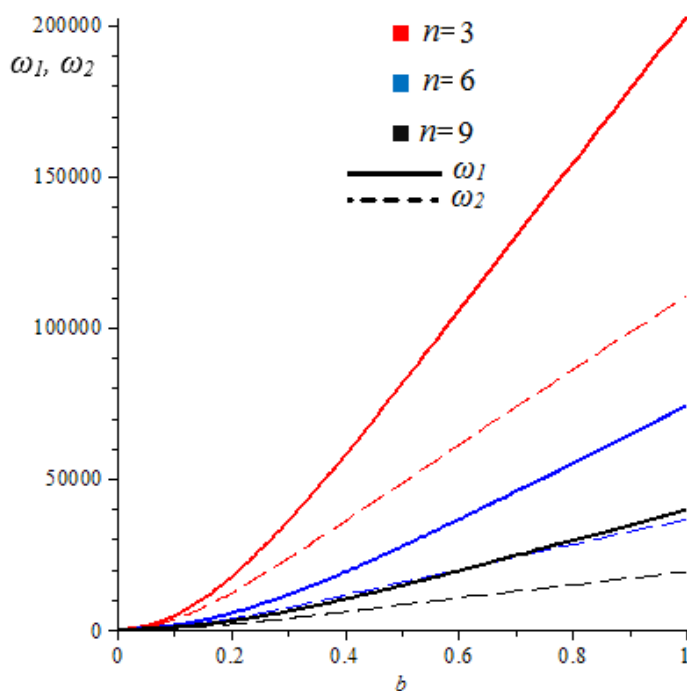

Рис. 9. Частоты собственных колебаний в зависимости от b , при $t = 0.5b$, $h = 0.3 \text{ м}$

На *рис. 8* отображена зависимость частот от числа стержней, на *рис. 9* — зависимость частот от сечения стержней.

Таким образом, аналитический расчет с индукцией по числу секций позволил получить точное и достаточно простое решение задачи о собственных частотах. Выявлены некоторые особенности в конструкции, позволяющие проектировщику подбирать наиболее приемлемые конструктивные характеристики системы. Изложенный алгоритм исследования легко расширяется на пространственную схему механизма. Полученные формулы могут быть использованы как тестовые для более сложных численных расчетов. Основные результаты и методы их получения можно рекомендовать студентам в дипломном и курсовом проектировании, а также для научной работы. Метод индукции, примененный для получения искомых закономерностей полезно использовать в студенческих научных работах для анализа дискретных систем с большим числом элементов в курсах механики, проблем управления и др.

Список литературы

1. *Кирсанов М.Н.* Maple и Maplet. Решения задач механики. СПб.: Изд-во Лань, 2012.
2. *Кирсанов М.Н.* Индуктивный анализ влияния погрешности монтажа на жесткость и прочность плоской фермы //Инженерно-строительный журнал. 2012. № 5(31). С. 38-42.
3. *Ахмедова Е.Р., Канатова М.И.* Собственные частоты колебаний плоской балочной фермы регулярной структуры //Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 октября 2014 г. в 17 частях. Часть 11 - Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 31 октября 2014. С. 17-18.
4. *Ахмедова Е.Р., Канатова М.И.* Частотное уравнение для плоской балочной фермы регулярной структуры с треугольной решеткой //Международная научно-практическая конференция ИТОН-2014. IV-й международный семинар и международная школа «Математическое и компьютерное моделирование фундаментальных объектов и явлений в системах компьютерной математики» //Материалы конференции и труды семинара - Казань: Изд-во ООО «Фолиант», 2014. С. 198-199.
5. *Кирсанов М.Н., Кленова И.Г.* Индуктивный метод исследования колебаний систем с периодической структурой //Всероссийская научно-практическая конференция «Математика, информатика, естествознание в экономике и обществе», МФЮА, 2009. С. 113-114.
6. *Канатова М.И.* Частотное уравнение и анализ колебаний плоской балочной фермы //Trends in Applied Mechanics and Mechatronics - М: Инфра-М. Т. 1. С. 31-34.

А.И. Долгих

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

EVOLUTUON OF ORTHODOXY AS A SOCIAL INSTITUTION IN THE RUSSIAN SOCIETY

ДОЛГИХ Анна Игоревна – аспирант кафедры «Информационной аналитики и политических технологий» МГТУ им. Н.Э. Баумана (e-mail: a.dolgikh@bmstu.ru).

DOLGIKH Anna I. – post-graduate student of the department for «Information analyst and political technologies» of the BMSTU (e-mail: a.dolgikh@bmstu.ru).

Аннотация. В статье отмечается, что религия является одной из важных сторон повседневной многоконфессиональной жизни россиян. Православие исторически является самой распространенной вероисповедной традицией в России. Массовое сознание россиян в процессе эволюции испытывало влияние не только особенностей этнического фактора, природной среды, но и религиозной веры, на основе которой происходил процесс самоопределения народа. Православная вера сегодня выполняет роль внутреннего духовного стержня.

Ключевые слова: религия, массовое сознание, православие, история, менталитет, политика.

Summary. In the article considers that religion is one of the most important parts of the Russians everyday multi confessional life. Historically the Orthodox is most prevalent religion in Russia. In the evolution process the mass consciousness of the Russians experienced the influence not only particularity of ethical factor, environment, but religion. The self-justification process of the human based on the religion too. Today the Orthodox works as a role of internal core.

Keywords: religion, the mass consciousness, the Orthodox, history, mentality, politics.

Православная церковь представляется россиянам одним из наиболее важных социальных институтов с высокой степенью авторитета и уровнем моральной поддержки. Она способна выступить мотивом и проводником общественных исканий.

Религия является одной из важных сторон повседневной многоконфессиональной жизни россиян, накладывающая заметный отпечаток на ее ценности, обычаи, поведение, культурные и социальные ориентации. На протяжении веков значительная роль в жизни российского общества принадлежала православной церкви. Православие исторически является самой распространенной вероисповедной традицией в России. Согласно исследованию 2011 г., к последователям православия относят себя 72% опрошенных [2]. Доля привер-

женцев православия по сравнению с 1999 г. увеличилась на 18%, количество мусульман осталось практически без изменений, как и число приверженцев других религий. Таким образом, можно утверждать: постоянное возрастание количества приверженцев православия за счет ранее не причислявших себя к числу сторонников какой-либо конфессий подтверждает цивилизационный статус религиозных факторов, долговременность и устойчивость которых несравнима выше приходящих экономических, политических и идеологических реалий.

При рассмотрении структуры нынешнего состояния религиозного сознания россиян важно проанализировать в целом эволюцию массового сознания российского общества в социологическом контексте, где важнейшим элементом является религия.

Одной из злободневных проблем нашего общества является незнание, или, превратное представление о собственном прошлом и, значит, о себе самих. Это обстоятельство влечет за собой множество недоразумений и заблуждений. Здесь действует непреложное правило всех наук: неверные предпосылки ведут к неправильным выводам.

На современном этапе общественного развития в России происходят коренные и в то же время противоречивые социальные, экономические, политические изменения, которые затрагивают каждого россиянина, вызывая «ломку» прежних духовных оснований – убеждений, мировосприятий, ценностных ориентаций, социально-психологических стереотипов и, как следствие, форм поведения. Поэтому массовое сознание россиян в настоящее время претерпевает ряд изменений. Оно трансформируется не только под воздействием ухудшения объективных условий жизни, но и от оказываемого на него информационно-психологического воздействия, под влиянием которого у людей теряется объективный взгляд на события и факты, снижается способность отличить истину от лжи, развиваются психологические аномалии, что негативным образом влияет на жизнь людей и на их социальную роль в обществе.

Массовое сознание россиян по мере возможности, но с разной степенью успешности, адаптируется к новой социальной реальности, к специфике современного общественного бытия. Следовательно, исследования сущности, структуры, эволюции, трансформации и адаптации массового сознания в современном российском обществе имеет как теоретическую, так и практическую значимость, которая продиктована следующими обстоятельствами.

Во-первых, современными кризисными процессами, которые охватили все сферы жизни российского общества. Процессы, зарождающиеся в недрах современного российского массового сознания, находят свое выражения в различных общественных проявлениях, в том числе и таких, как социальная апатия и агрессия, социально-политическое безразличие, этнофобия и ксенофобия, массовые культы и психозы. Без выявления закономерностей и сущностных черт массового сознания невозможно адекватно проанализировать и понять глубинные процессы, протекающие в современном обществе.

Во-вторых, изучение этой проблематики обосновано потребностью практики управления социальными процессами, ибо в условиях кризиса изменение общественных устоев, институтов, привычных условий жизни и норм поведения роль влияния православия на массовое сознание на ход социальных процессов значительно возрастает.

В-третьих, необходимостью определения и использования толерантных идей для воздействия на массовое сознание с целью консолидации многонационального и многоконфессионального российского общества с активным использованием информационно-коммуникативных технологий. Важно обеспечить методологически правильный подход к исследуемым явлениям и, соответственно, к ключевым понятиям (толерантность и его антиподы – экстремизм), их осмысление должно быть свободно от иллюзий в массовом сознании, односторонних преувеличенных ожиданий.

Массовое сознание россиян в процессе эволюции испытывало влияние не только особенностей этнического фактора, природной среды, особенностей социальной сферы, но и национального духа. Исторически дух нации в значительной мере основывался на религиозной вере, на конфессиональных особенностях исповедуемой народом религии, на основе которой происходил процесс самоопределения народа. Религиозный фактор есть духовный феномен этногенеза, который катализирует биологическую энергию в творческий процесс. Становление европейских наций, включая русскую, происходило в результате непосредственного воздействия христианства. Восточные народы сложились под влиянием ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства. Именно благодаря усвоению религии наши народы и нации, образующиеся в результате смешения разнородных племенных групп, довольно быстро (в течение жизни нескольких поколений) проходят «инкубационный» период и превращаются в исключительно устойчивые национальные общности. Так случилось и с российским народом. «В конце X в., - говорит митрополит Иоанн, - вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели – русский народ, в течение шести веков (с X по XVI) вдумчиво и сосредоточенно размышлявший о месте Святой Руси в мироздании...» [3].

Православие придает внутреннюю определенность менталитету российского народа. Православная вера выполняет для российского менталитета роль внутреннего духовного стержня, или, говоря философским языком, духовной субстанции. Субстанция есть то, что лежит в основе менталитета того или иного народа; это непреходящее и вечное в менталитете народа, выдерживающее все изменения и невреждимо проходящее через все фазы народной истории. В религиозной субстанции коренится причина различий и специфических особенностей исторического развития наций и народностей.

Православное самоопределение связано также с особенностями религиозного мироощущения славянских племен, составивших в дальнейшем ядро российского народа. Вероятно, что православие, как никакая другая религия, соответствовала эмоционально-художественному строю менталитета восточнославянских племен. Несмотря на легендарный в своей основе характер, изложенный в «Повести временных лет», рассказ об «испытании вер» князем Владимиром имеет глубокий символический смысл. Послы, вернувшиеся после исследования различных вер, рассказали о красоте греческого богослужения, ангельском пении и сделали вывод, что в православной церкви Бог явно пребывает с людьми. Пышность и эстетическая театрализованность православного богослужения пленила склонных к эмоционально-художественному видению мира восточных славян.

Благодаря православию российский народ проникся всечеловеческими христианскими ценностями, сохранив при этом самобытность и национальное

своеобразие своего менталитета. И здесь важно отметить, что восточное христианство, по сравнению с западными, особое внимание обращает на светлые чувства верующих при восприятии учения Христа. Если на Западе основное внимание в религиозном культе уделяется страданиям и страстям Христовым, то на православном Востоке более сильный акцент делается на идею Воскресения [5]. Православие не организовывало инквизиций, как организовывали ее и католицизм, и протестантство; православие никогда не жгло ведьм и еретиков; всякие попытки протащить это великое изобретение западноевропейской культуры немедленно встречались самыми резкими протестами со стороны русского церковного мира [4].

Для российского народа характерен дар христианской покорности, смирения личности перед коллективом. Но обратной стороной этого дара, по мнению Н.А. Бердяева, является то, что «русская душа – мятежная, ищущая, странническая... никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным...» [1].

Значительное влияние на формирование ментальных свойств российского народа оказала также специфика обрядовой стороны православной религиозной жизни. Православие отличается исключительно высокой оценкой важности соблюдения обряда в пробуждении религиозных чувств верующих. Религиозная обрядность является духовным лекарством, излечивающим российскую душу. Молитвы, церковное пение, горящие лампы и свечи, прекрасные иконы и фрески представляют собой священнодействия, обладающие для верующих сверхъестественной магической силой. Поэтому православная церковь с консервативным упорством держалась за обряд и не позволяла менять в нем ни одной формулы, так как спасительны именно старые формулы, а будут ли обладать такой спасительной силой новые – далеко не ясно. Православный консерватизм как нельзя лучше соответствовал потребностям сохранения ментальных ценностей традиционного по своей сути российского общества.

Ядром российского обрядоверия является православное богослужение, которое по своему эмоциональному вдохновению представляет собой уникальное религиозное действо.

Дух нации в значительной мере зиждется на религиозной вере, на конфессиональных особенностях исповедуемой народом религии, на основе которой происходит процесс самоопределения народа. Православная вера выполняет для российского менталитета роль внутреннего «духовного стержня», или, говоря философским языком, «духовной субстанции». Субстанция есть то, что лежит в основе менталитета того или иного народа; это непреходящее и вечное в менталитете народа, выдерживающее все изменения и невредимо проходящее через все фазы народной истории. Православие придает внутреннюю определенность менталитету массового сознания российского народа.

Эволюцию анализа православия как структурного элемента массового сознания российского народа необходимо анализировать с учетом влияния различных факторов: исторических, географических, этнографических, экономических, культурных, социально-политических и др. Все они характеризуют процесс формирования различных сущностных сторон ментальности народа как субъекта истории.

Значительное влияние на формирование особенностей массового сознания сыграл религиозный фактор межэтнического смешения в процессе образования российского народа. Православие, не будучи агрессивной конфессией, способ-

ствовало развитию вольнолюбия, ненависти к насилию. Отсюда, в том числе в российской культуре, большая доля неформальных отношений, выраженных в качествах доброжелательности, открытости, общительности, гостеприимства, тяги к коллективности, человечности. Геополитические факторы сформировали у россиян качества отважного защитника Отечества, самопожертвования, смирения личной гордыни перед потребностью выживания Матери – Родины.

В настоящее время православная церковь сумела встроить свои традиции в сотрясаемые конфликтами российское общество, вкладывая идею православного единения. Она не может быть в стороне от проблем общества и интересов жизни россиян. Да, церковь вне государства, но приверженцы православия – значительная часть этого государства и его модернизация невозможна без учета православной многовековой культуры.

Настало время оглянуться и понять, что происходит в стране, лишенной национальной объединяющей идеи. Любой шаг власти должен рассматриваться не только в параметрах экономики, политики, модернизации, но и в параметрах православной культуры и ее составляющих – морали и этики.

Список литературы

1. *Бердяев Н.А.* Бунт и покорность в психологии масс //Интеллигенция. Власть. Народ - М., 1993.
2. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики)/ М.К. Горшков - М.: Новый хронограф, 2011.
3. Митрополит Иоанн Самодержавие духа. Очерки русского самосознания - СПб.: Царское дело, 1995.
4. *Ореховская Н.А.* Эволюция массового сознания россиян. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук/Краснодарская академия МВД РФ – М., 2011.
5. *Ореховская Н.А.* Массовое сознание как объект информационно-коммуникативных PR-технологий. Монография /Н.А. Ореховская; Международный изд.центр Этносоциум - М, 2010.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МГГЭУ В РАЗВИТИИ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНВАЛИДОВ В РФ

RESEARCH POTENTIAL MGGEU IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF VOCATIONAL EDUCATION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

*ЗИНЮК Анастасия Игоревна - студентка 1 курса магистратуры ФГБОУИ
ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет
(e-mail: anastasiea22@mail.ru).*

*ZINYUK Anastasiya Igorevna - first-year student of Magistracy MGGEU (e-mail:
anastasiea22@mail.ru).*

Аннотация: Статья посвящена исследованию научно-исследовательского потенциала высшего учебного заведения, реализующего инклюзивную форму обучения, как базиса формирования и развития концепции профессионального образования инвалидов на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: образование, инклюзия, инклюзивное образование, инвалиды, научный потенциал, научно-исследовательская деятельность, научно-исследовательские разработки.

Summary. Article is devoted to research of research potential of the higher educational institution realizing inclusive form of education as basis of formation and development of the concept of professional education of disabled people in the territory of the Russian Federation.

Keywords: education, inclusion, inclusive education, disabled people, scientific potential, research activity, research development.

В России развитие интегрированного образования рассматривается как одно из наиболее важных и перспективных направлений совершенствования системы образования инвалидов.

Проводимая образовательная политика согласуется с международными принципами в сфере специального образования, получившими отражение в отечественном законодательстве о социальной защите инвалидов [10].

В данном контексте, рассмотрение вопросов формирования и развития концепции профессионального образования инвалидов на территории Российской Федерации на базе научно-исследовательского потенциала высшего учебного заведения, реализующего инклюзивную форму обучения, является актуальным.

Очевидно, что для практической реализации номинального права инвалидов поступать в любой государственный вуз при условии успешной сдачи вступительных экзаменов, учебные заведения должны быть специально оборудованы для передвижения, обучения, развития научного потенциала инвалидов, и кроме того, нужно решить ряд социальных и медицинских проблем [11, с. 5].

Все эти названные необходимые направления в развитии профессионального образования реализуются в Московском государственном гуманитарно-экономическом университете (далее – МГГЭУ, Университет).

Прежде чем, перейти непосредственно к теме нашего исследования, отметим, что МГГЭУ изначально формировался как специализированное учреждение высшего профессионального образования для инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы. В первые годы своей работы МГГЭУ обучал только студентов с ограничением двигательной активности. На текущий момент, в университете совместно со студентами-инвалидами обучаются и сироты, и студенты, не имеющие инвалидность; не только граждане России, но инвалиды и сироты из стран СНГ [13].

Инклюзивное обучение стало одним из главных направлений образовательной политики Университета, которое исключает дискриминацию инвалидов в получении высшего профессионального образования. Двадцатипятилетний опыт практической работы университета свидетельствует, что создано новое научное направление в педагогике очного высшего образования инвалидов-опорников [7, с. 129]. Большинство из выпускников трудоустраиваются, что свидетельствует о реальной интеграции инвалидов в общество благодаря сформированной научно-методической базе в Университете [11, с. 80].

Говоря о научно-исследовательской деятельности МГГЭУ, необходимо подчеркнуть, что ее основной целью является развитие научно-исследовательского потенциала вуза, как учебного заведения, в котором осуществляется подготовка будущих специалистов с инвалидностью [6; 8]. Ключевыми направлениями научно-исследовательской деятельности МГГЭУ являются следующие (рис. 1).

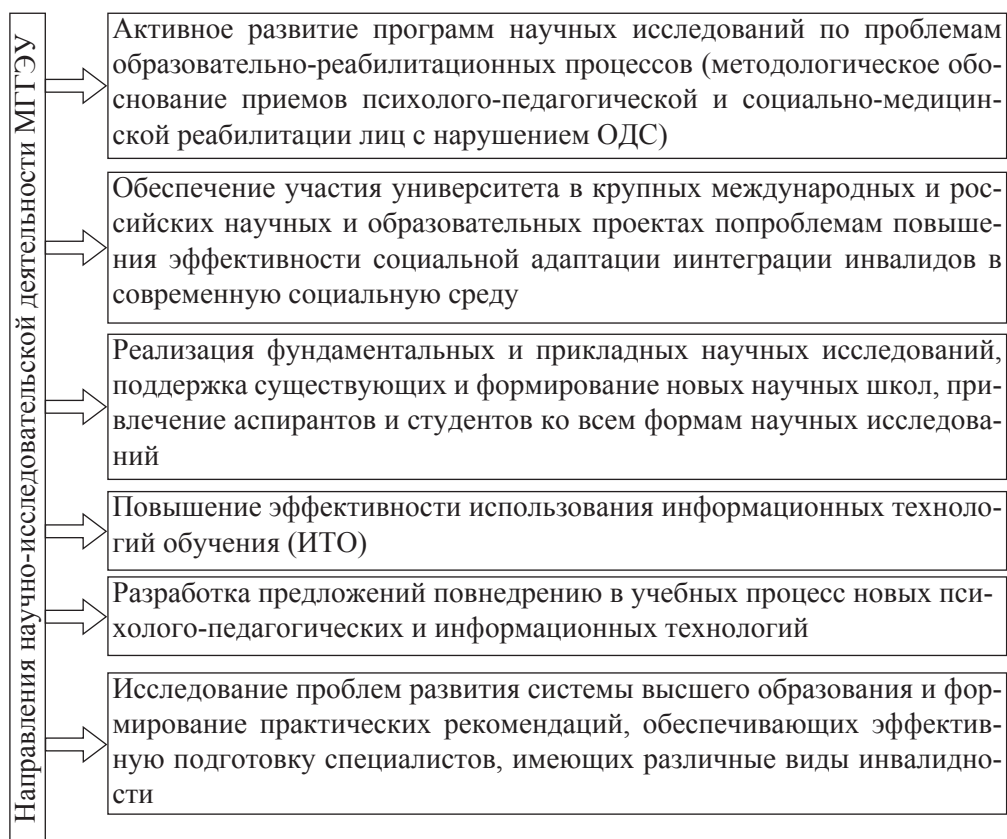

Рис. 1. Направления научно-исследовательской деятельности МГГЭУ

Основываясь на указанных выше направлениях, можно сделать вывод, что в Университете особое место уделяется именно научно-исследовательской работе, которая строится на базе:

- НИЛ МГГЭУ - научно-исследовательская лаборатория по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы (ОДС) (далее – НИЛ МГГЭУ, Лаборатория);
- редакции научного рецензируемого журнала «Человек. Общество. Инклюзия»;
- редакции научного рецензируемого журнала для молодых ученых «Via Scientiarum – Дорога знаний»;
- профессиональных сообществ профессорско-преподавательского состава;
- студенческих научных сообществах.

Остановимся более подробно на анализе работы НИЛ МГГЭУ как ключевом звене научно-исследовательской работы Университета.

Необходимо отметить, что Лаборатория – это не только ведущее научно-исследовательское подразделение МГГЭУ, но и единственная в Российской Федерации научная структура, занимающаяся изучением организации научного сопровождения учебно-воспитательного процесса в специализированном вузе, исследованием проблем инклюзивного обучения инвалидов, находящихся на стыке медицины, социологии, педагогики и психологии [11, с.11].

На период создания Университета в стране практически отсутствовала научная база по комплексному изучению проблем реабилитации и социальной интеграции людей с ограниченными возможностями. Данная работа проводилась отрывочно, на базах ведомственных научно-исследовательских центров. Практически отсутствовал центр, где собиралась и обрабатывалась подобная информация. С целью организации проведения научных исследований и была образована Научно-исследовательская лаборатория по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы МГГЭУ [11, с. 8].

Основная цель и задачи Лаборатории приведены на *рис. 2*.

Помимо приведенных задач, для продвижения полученных результатов исследований сотрудники НИЛ:

- организуют региональные, отраслевые научные конференции, симпозиумы, школы, семинары, выставки;
- принимают участие в организации международных, федеральных научных конгрессов и конференций;
- публикуют результаты научных исследований в различные рода изданиях [13].

Лаборатория принимает участие в международных образовательных, научных и культурных проектах, приглашает для участия в научных проектах иностранных ученых, а также направляет своих сотрудников для стажировок за рубежом.

За период своего существования сотрудниками Лаборатории разработаны новые направления непрерывного профессионального образования инвалидов с нарушением ОДС, принципы организационного и психолого-педагогического сопровождения обучения инвалидов в ВУЗе (*табл. 1*).

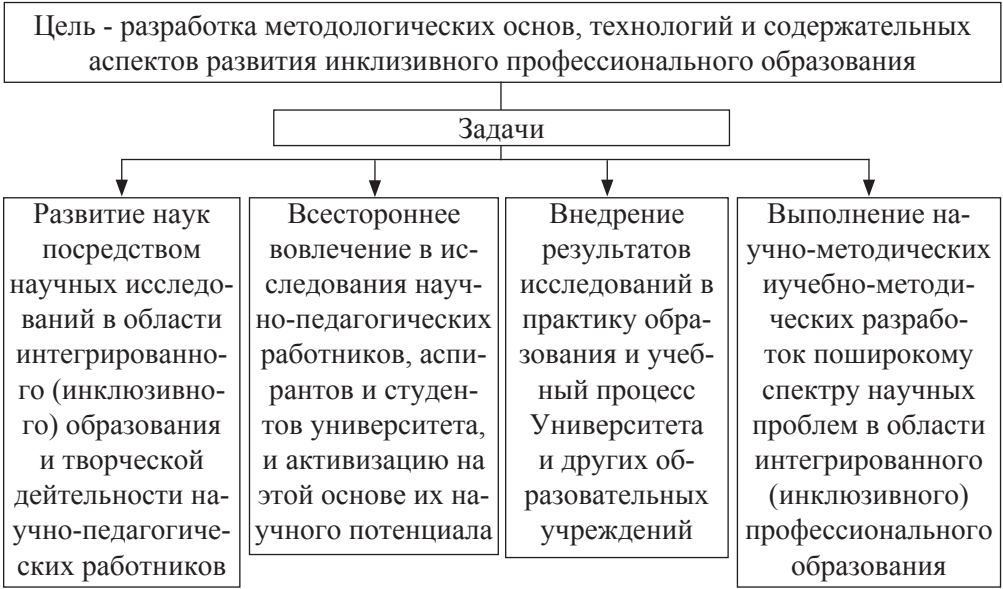

Рис. 2. Основная цель и задачи НИЛ МГГЭУ

Источник: Составлено автором на основе данных официального сайта МГГЭУ. Режим доступа: <http://www.mggeu.ru/scientific-activity/> (дата обращения: 19.02.2016).

Таблица 1

Хронология развития научно-исследовательской лаборатории МГГЭУ за период 1992-2015 гг.

Этапы развития НИЛ МГГЭУ	Количество НИР	Наименование научно-исследовательских разработок
1	2	3
1992-1999 гг.	13	
		1. Динамика особенностей психики студентов-инвалидов в процессе обучения в Московском институте-интернате. 2. Разработка научно-методических основ реализации принципа индивидуализации обучения инвалидов. 3. Методика и организация восстановления физического потенциала студентов-инвалидов МИИ. 4. Разработка базы данных информационного и методического обеспечения управления профессиональным образованием инвалидов. 5. Определение потребности в высшем образовании инвалидов молодого возраста с нарушением ОДС. 6. Система и методика профессиональной ориентации инвалидов. 7. Динамика особенностей психологии студентов в процессе обучения в вузе. 8. Апробация современных методов применительно к задачам медицинской реабилитации инвалидов с нарушением ОДС.

Этапы развития НИЛ МГТЭУ	Количество НИР	Наименование научно-исследовательских разработок
		9. Изучение особенностей взаимодействия функциональных систем организма молодых людей с нарушением регуляторных функций мозга применительно к задачам реабилитации инвалидов. 10. Исследование психофизиологических особенностей интеллекта инвалида-опорника применительно к задачам оптимизации процесса обучения в ВУЗе. 11-12. Перечень медицинских противопоказаний к обучению в высших и средних профессиональных учебных заведениях. 13. Профессионально-трудова реабилитация и обеспечение занятости инвалидов-специалистов.
2000-2003 гг.	2	1. Лечебная педагогика. 2. Исследование психофизиологических механизмов обучаемости инвалида-опорника применительно к задачам оптимизации процесса обучения в вузе.
2004-2008 гг.	11	1. Медицинские проблемы обучения инвалидов в высшей школе. 2. Психофизиологические, педагогические и дефектологические проблемы обучения инвалидов в высшей школе. 3. Разработка комплекса специализированных современных методик адаптивной физической культуры для детей инвалидов. 4. Разработка методического пособия по использованию спортивно-оздоровительных тренажеров в условиях школ-интернатов для детей с ограниченными возможностями здоровья. 5. Новые медицинские технологии восстановительного лечения студентов-инвалидов с ДЦП. 6. Исследование проблем обеспечения коррекционной направленности обучения в специализированном вузе как фактор интеграции инвалидов в общество. 7. Проблемы социально-бытовой реабилитации в системе профессиональной подготовки студентов-инвалидов с нарушением ОДС. 8. Исследование научно-методических направлений лечебной педагогики. 9. Методологические проблемы организации учебно-воспитательного процесса для студентов-инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы в специализированном вузе. 10. Исследование методологических проблем правового регулирования комплексной реабилитации инвалидов с нарушением ОДС. 11. Методические вопросы исследования влияния физкультурно-оздоровительной работы умеренной мощности на состояние сердечно-сосудистой системы студентов-инвалидов с нарушением ОДС.
2008-2009 гг.	4	1. Концепция изучения правовых аспектов жизнедеятельности инвалидов с нарушением ОДС. 2. Концепция развития здоровья инвалидов с нарушением ОДС на основе лечебной педагогики в условиях инклюзивного обучения. 3. Профессионально-трудова реабилитация и обеспечение занятости инвалидов-специалистов через образование. 4. Мотивация достижения успеха в учебной деятельности как основа формирования профессионала.

Этапы развития НИЛ МГГЭУ	Количество НИР	Наименование научно-исследовательских разработок
2010-2011 гг.	5	1. Адаптивная и физкультурно-оздоровительная деятельность для лиц с ограничительными возможностями здоровья. 2. Комплексная реабилитация и проблемы инклюзивного обучения инвалидов. 3. Социальная реабилитация лиц с ограничительными возможностями здоровья при нарушении опорно-двигательной системы. 4. Социально-педагогическая поддержка лиц с ограничительными возможностями здоровья на этапе вузовского обучения. 5. Механизмы совершенствования государственной политики в сфере образования лиц с ограничительными возможностями здоровья в России.
2012-2015 гг.	5	1. Психолого-педагогические и правовые аспекты инклюзивного образования. 2. Адаптивная физическая культура и спорт как фактор профессионально-ориентированной социализации студентов-инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы. 3. Проектная модель комплексного сопровождения профессионального обучения и карьерного развития лиц с нарушениями опорно-двигательной системы (выполнена базовая часть государственного задания).

Источник: Составлено автором на основе данных Тюрин А.В., Темирова Т.О./ Под ред. Проф. Герасимова А.В. //Научно-исследовательская лаборатория по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы – М: Экон-информ. 2012. С. 29-78.

Необходимо отметить, что сформированная автором этапизация развития научно-исследовательской лаборатории МГГЭУ за период 1992-2015 гг. через перечень ее научно-исследовательских разработок подтверждает тот факт, что за годы своей работы НИЛ МГГЭУ выросла в научно-исследовательский центр по формированию теоретико-методологической базы путей решения проблем профессионального образования и комплексной реабилитации инвалидов с нарушением ОДС.

Продолжая данную мысль, представим графически динамику показателей развития НИЛ МГГЭУ за период 1999 – 2015 гг. (по количеству научно-исследовательских разработок, *рис. 3*).

Согласно данным, приведенным на *рис. 3*, отметим, что, несмотря на снижение количества научно-исследовательских разработок, повысился уровень сложности и степень научной новизны данных работ.

Итогом деятельности НИЛ МГГЭУ, в частности, стали защищенные кандидатские и докторские диссертации по следующим направлениям: медицина, психология, социология, адаптивная физкультура, социальная работа.

В 2015 году сотрудниками Лаборатории была проделана значительная работа, а именно: опубликованы 14 научных статей, из которых: 7 – в изданиях, индексируемых в базе данных РИНЦ; 6 – в изданиях, входящих в перечень ВАК; 1 – в издании, индексируемом в базе данных Scopus.

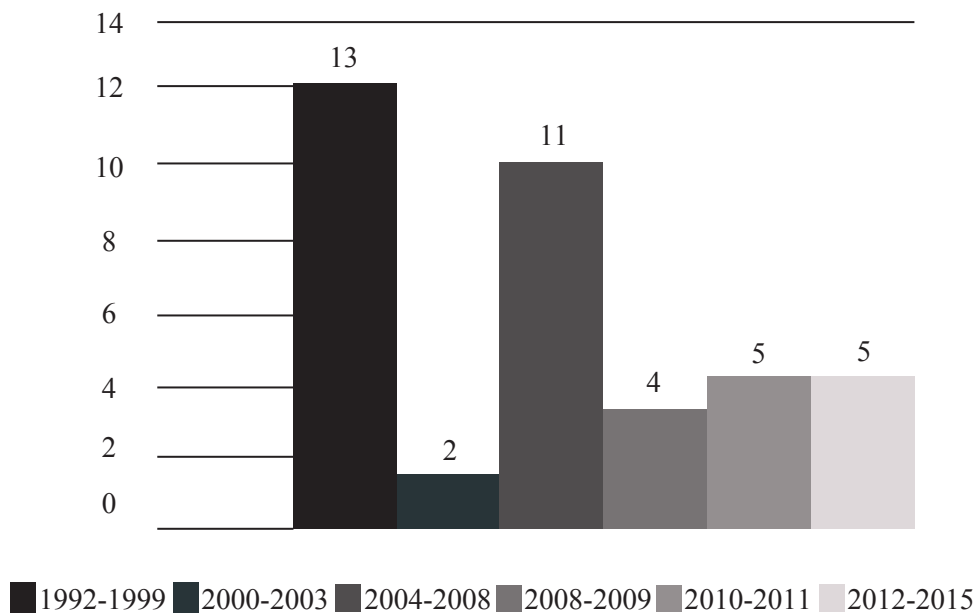

Рис. 3. Динамика показателей развития НИЛ МГГЭУ за период 1999 – 2015 гг.
(по количеству научно-исследовательских разработок)

Источник: Составлено автором на основе данных Тюрин А.В., Темирова Т.О. /под ред. Проф. Герасимова А.В. //Научно-исследовательская лаборатория по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы – М: Экон-информ. 2012. С. 29-78.

Кроме того, в 2015 году при содействии НИЛ:

- поданы 15 заявок на гранты РГНФ и РНФ;
- завершена работа над базовой частью государственного задания в сфере научной деятельности «Проективная модель комплексного сопровождения профессионального обучения и карьерного развития лиц с нарушениями опорно-двигательной системы»;
- проведена Международная научно-практическая конференция «Инвалид в XXI веке: образование, трудоустройство, социальная интеграция», по результатам которой был издан и размещен в РИНЦ сборник материалов [13].

Очевидно, что для повышения эффективности инклюзивной практики в ВУ-Зах необходимо активизировать научные исследования различных аспектов комплексного сопровождения образования и трудоустройства инвалидов [8].

В научно-исследовательской работе МГГЭУ, наряду с сотрудниками Лаборатории участвует профессорско-преподавательский состав, а также аспиранты и студенты МГГЭУ. В этой связи, необходимо отметить, что значительную роль в становлении научной платформы МГГЭУ и развитии научно-исследовательского потенциала студентов и молодых ученых играют научно-педагогические работники Университета [6].

Ключевым направлением научно-исследовательской работы профессорско-преподавательского состава, помимо профессиональных направлений, является разработка проблем инклюзивного образования, а также вопросов, связанных с

социально-экономической реабилитацией и адаптацией инвалидов, их профессионального образования и трудоустройства.

Достижение указанных целей связано с реализацией следующих задач:

- приоритетное развитие научных прикладных исследований по трудоустройству выпускников;
- исследование рынка труда и профессиональной адаптации выпускников университета;
- социальная адаптация инвалидов [8].

Подводя итог, отметим, что образование инвалидов является составной частью комплексной реабилитации и призвано обеспечить равные возможности доступа к системе образования, профессиональное образование занимает центральное место в социализации людей с ОДС. Разработка концепции комплексной реабилитации открывает новые возможности для развития технологий по улучшению качества жизни людей с ограниченными двигательными возможностями.

Весь двадцатипятилетний опыт вуза целенаправленно ведет к тому, чтобы сложились условия для инклюзии. На наш взгляд, в МГГЭУ успешно осуществляется специальные условия обучения, которые включают в себя в первую очередь наличие доступной среды, специальных образовательных программ, методик обучения, учебников и учебных пособий, наглядных материалов, а также психолого-педагогическое и медицинское обеспечение. Такой подход следует применять на общероссийском уровне [1, с. 50].

Отмеченные условия призваны обеспечить для обучающихся инвалидов реальные возможности для получения образования на уровне со студентами без инвалидности и ускоренной социализации, а также активизировать их научный потенциал.

Список литературы

1. Байрамов В.Д. Проблемы совершенствования профессионального образования в России //Сборник трудов: Проблемы государственного и муниципального управления - М.: РИЧ МАГМУ, 2007. № 7.
2. Байрамов В.Д. Некоторые методы и методические приемы обучения формирования мировоззрения учащихся-инвалидов // Межвузовский сборник научных трудов - М.: МГСГИ, 2006.
3. Байрамов В.Д., Герасимов А.В., Тюрин А.В. Образование лиц с ограниченными возможностями здоровья в современной России: теоретико-методические аспекты – М., 2012.
4. Байрамов В.Д., Райдугин Д.С. Профессиональное обучение и карьерное развитие лиц с нарушением ОДС: Сущность и основные детерминанты // В журнале: Социально-гуманитарные знания. – 2015. - № 4. – С. 132-140.
5. Герасимов А.В. Теоретические и организационные аспекты комплексного сопровождения инклюзивного высшего образования //В научном журнале: Человек. Общество. Инклюзия. – 2015. - № 3(23). – С. 109-114.
6. Дегтева Л.В., Литвиненко И.Л. Социально-экономические условия как определяющий фактор развития инклюзивного образования. / В сборнике: Инвалид в XXI веке: образование, трудоустройство, социальная интеграция. Сборник материалов Международной научно-практической кон-

- ференции. Московский государственный гуманитарно-экономический университет. 2015.
7. *Егоров П.А., Руднев В.Н.* Этика. - Москва, 2014. Сер. Высшее образование: Бакалавриат.
 8. *Литвиненко И.Л.* Инновационная система России: отечественная и зарубежная оценка. //Человек. Общество. Инклюзия. - 2013. - № 2. - С. 64-70.
 9. *Пономарева Г.Т.* Роль инклюзивного образования в МГГЭУ: двадцатипятилетний опыт. //Человек. Общество. Инклюзия. – 2015. - №2(22). – С. 152-157.
 10. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов, 2006.
 11. *Тюрин А.В., Темирова Т.О.* /под ред. проф. Герасимова А.В. // Научно-исследовательская лаборатория по проблемам профессионального образования инвалидов с нарушением опорно-двигательной системы – М: Экон-информ. – 2012.
 12. Федеральный закон №181 от 24.11.15 «О социальной защите инвалидов в РФ»). Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/2759460.html> (дата обращения 19.02.2016).
 13. Официальный сайт МГГЭУ. Режим доступа: <http://www.mggeu.ru/scientific-activity/> (дата обращения: 19.02.2016).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Обязательное условие публикации работ *соискателей ученых степеней* — рецензии и рекомендации кафедр, отзывы научных руководителей. Экспертиза рукописей осуществляется также на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки; 08.00.00 — экономические науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Материалы представляются напечатанными в 2-х экземплярах через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа + электронный носитель; *поля*: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки, схемы и таблицы должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Термины и аббревиатуры, впервые встречающиеся в тексте, следует раскрывать (кроме общеупотребительных).

Объем: статей 8–24 страниц А4, аспирантских исследований — до 12, студенческих учебно-исследовательских работ — 5, рецензий — 4.

Страницы текста должны быть *пронумерованы*.

К рукописи прилагаются *на русском и английском языках*: 1) *авторская справка*: (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 2) *аннотация (резюме)* не более 15 строк; 3) *список ключевых слов* — до 7.

Ссылки на источники и литературу даются в квадратных скобках *в тексте*: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]; список использованной литературы помещается в конце статьи в алфавитном порядке (сначала работы на русском, после них — на иностранных языках). *Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений*. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы (2 экз.) посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49, каб. 211. E-mail: egorov@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. При положительном решении *автор берет обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода*.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

№ 2(26) 2016

Часть 1

Технический редактор	- К.А. Антонов
Компьютерная верстка	- О.В. Нефагина
Корректор	- П.А. Егоров
Дизайн обложки	- О.В. Нефагина

Подписано в печать 17.06.16. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 12. Тираж 1000 экз. Заказ № 35.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии СtР.